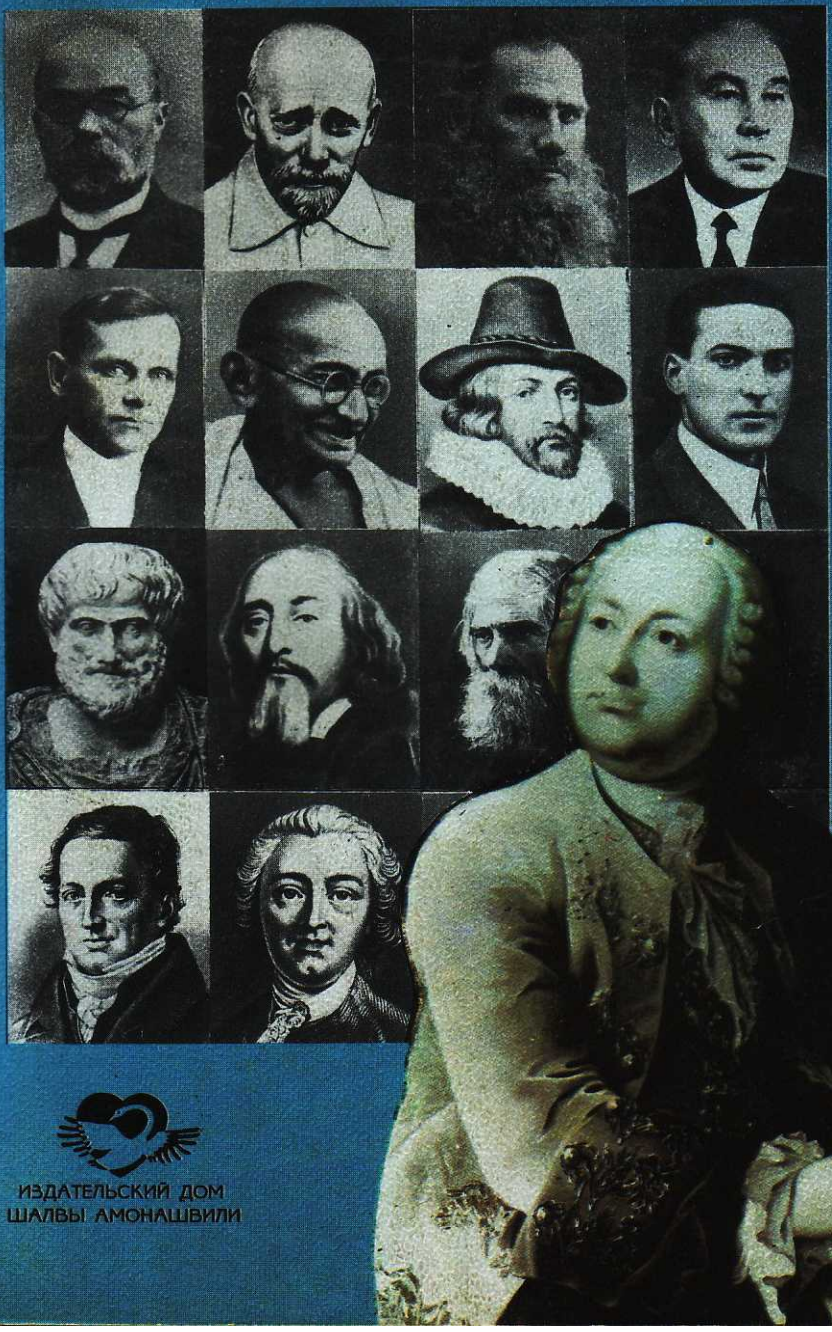
АНТОЛОГИЯ
ГУМАННОЙ ПЕДАГОГИКИ

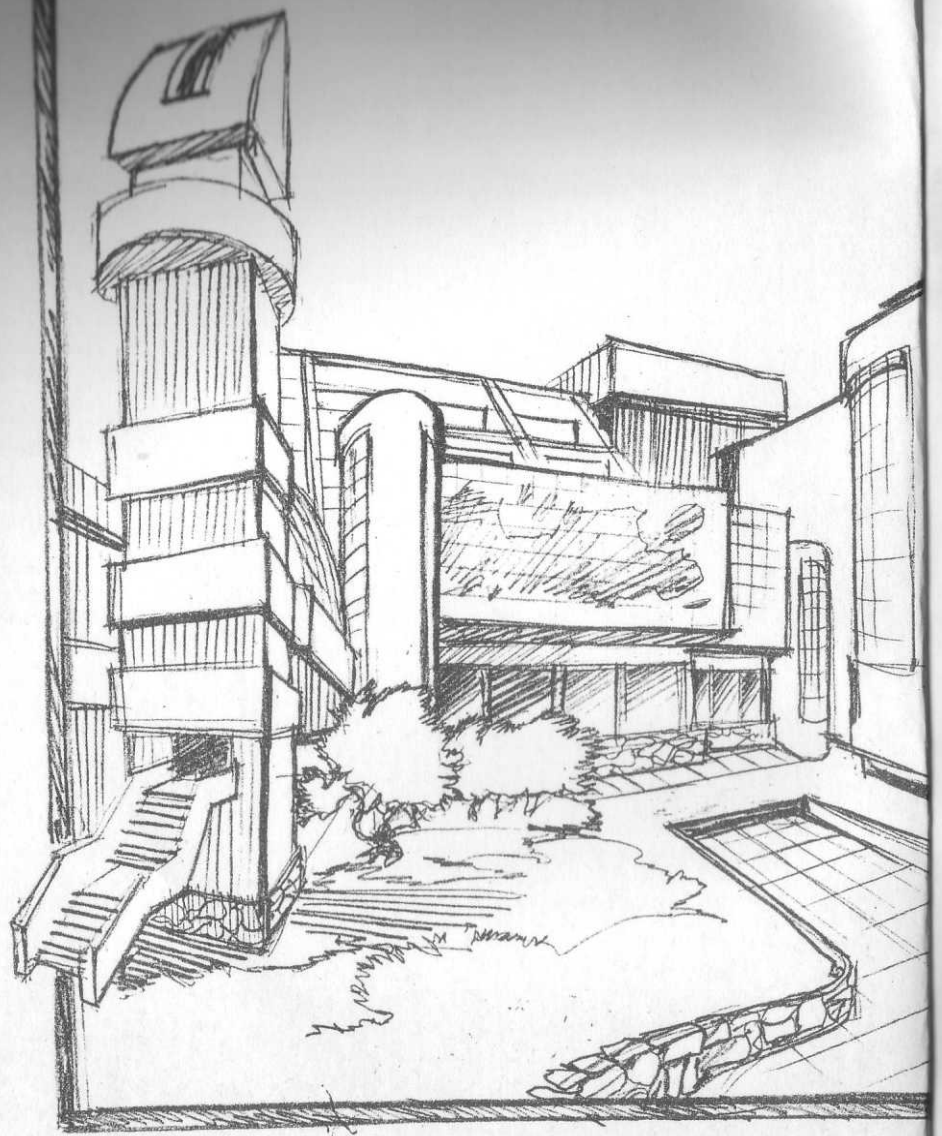
ЛОМОНОСОВ

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ
ШАЛВЫ АМОНАШВИЛИ

ПРОЕКТ РАСШИРЕНИЯ МОСКОВСКОГО ЛИЦЕЯ — ШКОЛЫ М.В.ЛОМОНОСОВА

Вид со стороны обсерватории

АНТОЛОГИЯ ГУМАННОЙ ПЕДАГОГИКИ

РЕДАКЦИОННО-ИЗДАТЕЛЬСКИЙ СОВЕТ

Амонашвили Ш.А. — глава Издательского Дома
Асмолов А.Г.
Бордовский Г.Л.
Гиршович В.С.
Гуливатый В.М.
Давыдов В.В.
Загвязинский В.И.
Зуев Д.Д. — главный редактор
Кезина Л.П.
Матросов В.Л.
Ниорадзе В.Г.
Петровский А.В.
Сартания В.Ш.
Семашкин А.А.
Шадриков В.Д.
Щетинин М.П.

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ
ШАЛВЫ АМОНАШВИЛИ

АНТОЛОГИЯ
ГУМАННОЙ
ПЕДАГОГИКИ

СОСТАВИТЕЛЬ
И АВТОР
ПРЕДИСЛОВИЯ

Егоров Семен Филиппович
доктор
педагогических наук
член-корреспондент
Российской
Академии
Образования

ПЕРВЫЙ
ЧИТАТЕЛЬ

Кузнецова Евгения Викторовна
заслуженный учитель
школы Российской
Федерации директор
гимназии "Школа
Ломоносова"

АНТОЛОГИЯ
ГУМАННОЙ ПЕДАГОГИКИ

ЛОМОНОСОВ

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ
ШАЛВЫ АМОНАШВИЛИ

МОСКВА
1996 год

УДК 1/14
ББК 83.3 (2 Рос)
Л75

Составитель и автор предисловия — доктор педагогических наук *С.Ф.Егоров*

Первый читатель — Заслуженный учитель школ Российской Федерации *Е.В.Кузнецова*

Л75 **Ломоносов М.В.** — М.: Издательский Дом Шалвы Амонашвили, 1996. — 224 с. — (Антология гуманной педагогики.)
ISBN 5-89147-004-7

Книга, предназначенная учащейся молодежи, учителям, родителям, содержит избранные труды М.В.Ломоносова, представляющие вершинные достижения гуманной педагогики века российского Просвещения. Делается попытка раскрыть феномен Ломоносова-педагога.

В качестве первого читателя книги на ее страницах выступает заслуженный учитель школы России, директор московской гимназии «Школа Ломоносова» Евгения Кузнецова.

Л $\frac{4303000000-3}{76С(03)-96}$ Без объявл. ББК 83.3 (2 Рос)

ISBN 5-89147-004-7 © Издательский Дом Шалвы Амонашвили, 1996

ПРЕДИСЛОВИЕ

Соединяя необыкновенную силу воли с необыкновенною силою понятия, Ломоносов обнял все области просвещения.

А.С.Пушкин

Выдающийся деятель нашей отечественной культуры — В.Г.Белинский — сказал о М.В.Ломоносове: не должны ли такие люди составлять предмет живейшего любопытства, глубокого благоговения для всех народов вообще и для своего в особенности? И действительно, после кончины первого русского академика интерес к его жизни и деятельности постоянно возрастал, а живейшее любопытство и глубокое благоговение благодарных потомков передавались от поколения к поколению.

К научному наследию Ломоносова обращались многие исследователи. Среди них такие выдающиеся ученые, как С.И.Вавилов, Б.Д.Греков, Б.А.Рыбаков, М.Н.Черепнин, Д.Д.Благой, В.В.Виноградов, М.Н.Тихомиров, Д.И.Гордеев, П.С.Кудрявцев, Н.А.Фигуровский. Трудами этих и других авторов показан его вклад в развитие многих конкретных наук. Физика и химия, астрономия и геология, горнорудное дело и экономика, география и поэтика, философия и история, демография и политика, здравоохранение и приборостроение, а также многие другие области знания являлись предметом научно-практических интересов Ломоносова.

Казалось бы, о его вкладе в развитие науки и о нем самом все сказано. Свидетельство тому множество книг о трудах и деятельности нашего выдающегося соотечественника, изданных как в России, так и за рубежом.

Однако есть такая область знания, для развития которой значение М.В.Ломоносова оставалось до сих пор невыясненным. Это — педагогика, наука о человеке как предмете воспитания. Между тем, перечитывая его труды, все больше убеждаешься в том, что научные основы российского образования и воспитания закладывались в XVIII в., что взлет гуманной педагогики дореволюционной России подготовлен предшествующим развитием, истоком которого был гений Ломоносова.

Ломоносов был сыном своего времени. Век восемнадцатый для России начинался преобразованиями во всех областях социальной, политической и культурной жизни, что нашло яркое выражение в деятельности Петра I, направленной на изменения в экономике и государственном управлении, создание регулярной армии и флота, расширение связей с другими государствами. Для реализации петровских реформ требовалось большое количество грамотных и профессионально подготовленных специалистов, что, в свою очередь, диктовало необходимость расширения сферы образования. В начале века создавались новые государственные светские школы. Уже в первой трети XVIII в. было открыто большое количество школ, в которых теоретические занятия учащихся связывались с опытом их будущей практической деятельности. Создавалась система профессионального образования России.

Годы жизни Ломоносова приходятся на тот период русской истории, когда развитие школы, образования, науки и просвещения становится велением времени. Восемнадцатый век недаром называют веком просвещения. В.Н.Татищев, Ф.Прокопович, И.Т.Посошков и многие другие выдающиеся просветители России способствовали распространению и развитию научных знаний. От рождения Ломоносова до его поступления в Спасские школы (т.е. за какие-нибудь 20 лет) в России было издано более 250 государственных указов и законов, относящихся к образованию. В последние месяцы своего царствования Петр I подготовил постановление, по которому все начальствующие обязывались два раза в год сообщать царю о состоянии учебных заведений, числе учащихся, их успехах и прилежании.

О Ломоносове-естествоиспытателе мы узнаем из его трудов по физике, астрономии, минералогии; о Ломоносове-обществоведе — из трудов по философии, истории, филологии; чтобы составить представление о Ломоносове-педагоге, необходимо сверх того обратиться к его просветительской деятельности, а также узнать как можно больше о нем как о человеке. К сожалению, в литературе сведения на этот счет крайне скупые, они подчас напоминают «анкетные данные»: родился там-то и тогда-то, из деревни ушел в Москву. Учился в Славяно-греко-латинской академии... Но за подобной информацией, мало что говорящей уму и сердцу, кроется нечто великое, и вместе с тем зримо прослеживается непрерывная цепь драматических обстоятельств и злоключений, не оставляющих его от ранней юности до самой кончины.

Ломоносов родился в островной деревеньке, со всех сторон омываемой водами могучей и привольной Северной Двины, в краю белых ночей (не потому ли он, его научный подвиг во все последующие времена несут людям благодатный свет знания и что-то от небесного многоцветия северного сияния). Совершенно очевидно влияние поморского Севера, суровой и величественной природы края, условий труда и жизни, особого менталитета на формирование личности Ломоносова. Поморский Север не испытал ни татаро-монгольского ига, ни крепостной зависимости, оставаясь и после вхождения в состав Московского государства регионом свободного черносошного крестьянства. Для поморов было характерно стремление жить независимо в хозяйственном и социальном отношениях на принципах самоуправления и взаимопомощи, что развивало в людях самостоятельность, силу духа, чувство собственного достоинства. Эти качества характера, присущие Ломоносову, помогали ему преодолевать многочисленные препятствия, и вместе с тем создавать непреходящие духовные ценности русской и мировой культуры.

В Москву он ушел тайно и шел пешком от самых Холмогор. Лишь в восьмидесяти верстах от дома Михаил догнал обоз с рыбой и со слезами умолял обозного приказчика позволить ему идти с обозом. Но трехнедельный зимний поход был не самой большой трудностью. Тяжелее было другое. Стремление сына к знаниям разрушало надежды отца. Михайло был наследником промышленного человека Василия Дорофеевича. Отец уже и невесту для сына присмотрел из местных девушек.

В Москве юноша оказался без гроша в кармане. Еще в пути пришлось продать даже кафтан. Первую ночь спал на возу, укрывшись соломой. Согревала мечта об учебе в Академии. Но указом Синода от 1728 г. предписывалось в Академию «крестьянских детей не принимать». Надо было рисковать, и он назывался то поповичем, то сыном холмогорского дворянина. Его приняли. Если бы не огромная страсть к учению, вряд ли ему удалось бы вынести материальные лишения, которые сопровождали холмогорского юношу все годы учебы. Позднее Ломоносов вспоминал: «Имея один алтын в день жалования, нельзя было иметь на пропитание в день больше чем на денежку хлеба и на денежку кваса, прочее на бумагу, на обувь и другие нужды. Таким образом жил я пять лет и наук не оставил»*.

Исключительные успехи в учении привели Ломоносова в Петербург. В дальнейшем, для усовершенствования в науках он отправляется за границу, в Германию. В Марбурге Михаил Васильевич встретил и полюбил Елизавету Христиану Цильх. И вновь драма: по законам Российской империи православным вступать в брак с лицами иного вероисповедания не позволялось. Женился Ломоносов тайно, а затем последовало более двух лет разлуки, до тех пор пока ценой неимоверных душевных усилий удалось устранить препятствия к супружеству. Три года занятий в Марбургском университете под руководством доброжелательного человека, знаменитого философа и математика Христиана Вольфа сменились изучением горного дела во Фрейберге у Генкеля, который смотрел на стажера как на холопа и возможность личного обогащения.

* Цит. по: *Белявский М.Т.* Все испытал и все проник. М., 1990. С. 20.

Для Ломоносова жизнь в Германии становилась невыносимой. Он решает оставить на время жену с дочерью и бежать в Голландию, чтобы оттуда отправиться в Петербург. И вновь роковые обстоятельства. На пути в Дюссельдорф его обманным путем забрали в солдаты и упрятали в крепость Везеле под усиленной охраной. С опасностью для жизни Ломоносов бежал из крепости от прусской солдатчины. С большими трудностями добрался он до Амстердама и с помощью русского посланника графа Головкина смог отплыть в Петербург.

По пути на родину его ожидало новое потрясение, научного объяснения которому не было во времена Ломоносова, нет его и в современной науке. Он увидел во сне мертвого отца на необитаемом острове. По прибытии в Петербург тотчас навел справки и узнал, что отец не вернулся с рыбного промысла: полагают, что с ним случилось несчастье. Ломоносов обратился к холмогорским рыбакам с просьбой отправиться на поиски отца. Он нарисовал для них карту с описанием безымянного острова на Белом море (каким увидел его во сне!). Просьба Ломоносова-сына была исполнена. Земляки действительно отыскали остров, нашли мертвое тело Василия Дорофеевича и предали его земле.

Сам Ломоносов не мог принять участие в поисках отца из-за отношения к нему руководства Академии. Дело в том, что годы царствования Анны Иоановны (1730—1740) отличались особенным засилием иностранцев в России. В составе Академии также преобладали бездарности, а подчас и авантюристы из иностранцев, не скрывавшие своего высокомерного и презрительного отношения к России, ее народу. Возвращение Ломоносова ими было встречено более чем прохладно. До 1742 г. он продолжал числиться «студентом», которого «профессора» имели возможность использовать для поручений, к науке мало относящихся. Только много месяцев спустя ему присваивают младшее научное звание — адъюнкта.

Ломоносов прошел все ступени отечественного и европейского образования и, казалось, мог спокойно заниматься науками. Однако судьба распорядилась иначе. В Академии начиналась напряженная борьба за российское просвещение. Потрясающий рассказ об этом сохранился в написанной Ломоносовым «Истории о поведении академической канцелярии», из которой видно, что ученый был «принужден беспрерывно обороняться от недоброжелательных происков и претерпевать нападения почти даже до самого конечного своего опровержения и истребления»*. Его постоянно пытались третировать как ученого. Плелись хитроумные интриги с целью не допустить Ломоносова к званию профессора, а затем и к самостоятельной исследовательской деятельности. Интриганы при этом рассчитывали получить от европейских ученых критические

* *Ломоносов М.В.* Полное собрание сочинений. М., 1950—1959. Т.10. С. 315. (Далее цит. по этому изданию.)

отзывы на работы Ломоносова. Но высокая оценка научных успехов Ломоносова Х.Вольфом им была известна. Тогда они, отобрав, как им казалось, самые «никчемные» сочинения ненавистного им россиянина, направили их самому Леонарду Эйлеру. Но отзыв получили совсем не такой, на который рассчитывали. Л.Эйлер писал: «Все сии сочинения не токмо хороши, но и превосходны, ибо он изъясняет физические и химические материи, самые нужные и трудные, кои совсем неизвестны и невозможны были к толкованию самым остроумным ученым людям... Я должен отдать справедливость господину Ломоносову: что он одарован самым счастливым остроумием для объяснения явлений физических и химических. Желать надобно, чтобы все прочие академии были в состоянии показать такие изобретения, которые показал господин Ломоносов»*.

Отзывы самых авторитетных европейских ученых, равно как временное покровительство отдельных российских вельмож — Разумовского, Шуваловых, Воронцовых, — несомненно, служили ему поддержкой, но не освобождали от опасности дальнейших интриг. Ломоносову приходилось надеяться больше на самого себя да разве что на Бога. В итоге вся его жизнь, по меткому слову А.С.Пушкина, была «беспрерывною борьбою, беспрерывною победою».

Так что же сделал Ломоносов для российского образования и развития педагогической мысли последующего периода? Об этом следует сказать несколько подробнее.

Прежде всего нужно иметь в виду, что Академия наук изначально мыслилась ее основателем Петром I как научный и учебный центр. Учебное дело при этом считалось не менее важным, чем научное: одним из средств реализации такого замысла должна была стать вместе с университетом академическая гимназия. Этот замысел осуществляется только с приходом в Академию М.В.Ломоносова. Он увидел, что малочисленный контингент гимназистов состоял преимущественно из детей иностранцев, что Гимназия (как и Университет) существует больше на бумагах канцелярии, чем в действительности. Такая фикция вполне устраивала распорядителя академической канцелярии Шумахера. Вопреки противодействию канцелярии Ломоносов принимает энергичные меры к созданию учебных заведений.

В письме к Шувалову он пишет: «Мое единственное желание состоит в том, чтобы привести в вожделенное течение Гимназию и Университет, откуда могут произойти многочисленные Ломоносовы...»** Здесь речь шла об академическом университете в Петербурге.

В другом письме к российскому вельможе Ломоносов развивал идею создания университета в Москве. Эта идея явилась одной из особенно плодотворных, реализованных при жизни ученого. Московский университет при активном участии в его деятельности уче-

* *Белявский М.Т.* Все испытал и все проник. С.40.

** *Ломоносов М.В.* Полное собрание сочинений. Т.10. С. 539.

ников и последователей Ломоносова вскоре превратился в главный научный и образовательный центр страны, он сыграл выдающуюся роль в развитии российского просвещения.

Особенно много Ломоносов сделал в то время, когда был назначен членом академической канцелярии и ему было поручено руководство учебными заведениями Академии.

Хотя по проекту регламента в московской гимназии предполагались два отделения: дворянское и разночинное, ученый был убежденным сторонником бессословности. Для него был «тот почтеннее, кто больше научился, а чей он сын, в том нет нужды»*. Более того, дети из демократических слоев для Ломоносова-педагога оказывались предпочтительнее: «К наилучшему прохождению школьных наук приобщаются чаще всего мальчики из простонародья, более же знатные чуждаются этих занятий...»**

В 1761 г. Ломоносов заменил К.Ф.Модераха на должности инспектора академической гимназии русским академиком С.К.Котельниковым, придерживающимся одинаковых с ним взглядов. В гимназию принимали теперь детей солдат, ремесленников, мелких приказных, имевших способности к учению. К работе были привлечены новые преподаватели из русских ученых. Ломоносов настойчиво добивался увеличения числа гимназистов сначала в три, а затем в четыре раза. Когда один из недоброжелателей российского просвещения (Фишер) стал распускать слухи, будто увеличение числа учащихся обременительно для казны, а имеющихся гимназистов и студентов девать некуда, ученый негодующе протестовал: «Мы знаем и без него... куда их в России употребить можно»***. Он говорил о великом недостатке «природных докторов, аптекарей и лекарей, механиков, юристов, металлургов...»****. Гимназическое образование в России, следовательно, рассматривалось Ломоносовым как звено в подготовке специалистов по необходимым для развития хозяйства профессиям.

Придавая большое значение университетским гимназиям, Ломоносов мечтал сделать школу и образование общедоступными. Планами создания гимназий и школ во всех «знатных и малых» городах России Ломоносов увлек И.И.Шувалова. Когда общественное положение человека определялось его сословной принадлежностью, подобные планы не могли быть реализованы в значительной мере. Однако последующее развитие российского просвещения представляло собой не что иное, как приближение к практической реализации ломоносовской идеи.

То же самое мы видим в содержании общего образования. В литературе, посвященной Ломоносову, говорится о проведенных изменениях в содержании гимназического обучения. Однако (проведя сравнительный анализ) вернее говорить не об изменениях, а о создании совершенно новой системы общеобразовательного знания, которое от общих принципов и до методических частностей разрабатывалось на научных основах. В этом заключалось принципиальное отличие педагогики нового времени, которую олицетворял собой Ломоносов.

* *Ломоносов М.В.* Полное собрание сочинений. Т.10. С.55.
** Там же. Т.10. С.126—127.
*** Там же. Т.9. С.543.
**** Там же. Т.10. С.314.

Созданию русской народной школы мешали обстоятельства, при которых великий ученый у себя на родине «претерпевал нападения» от чужеземцев, а также и то, что в массе своей система образования строилась как сословная. На первых порах количество обучающихся в гимназиях оставалось сравнительно небольшим. В сущности, это были своеобразные научные лаборатории, где формировались педагогические взгляды Ломоносова, кристаллизовались идеи, которые вскоре стали определяющими для всего последующего развития отечественной педагогики: идеи гуманистического просвещения, патриотизма, народности и демократизма. Именно они в XVIII в. составили основу большинства педагогических концепций, связанных с именами В.Г.Белинского, Н.И.Пирогова, К.Д.Ушинского, Л.Н.Толстого.

Ломоносов положил начало русскому просвещению нового времени. Во многих сочинениях он доказывал преимущества людей образованных перед лишенными знания: «Не ясно ли видите, что один почти выше смертных жребия поставлен, другой едва только от бессловесных животных разнится; один ясного познания приятным сиянием увеселяется, другой в мрачной ночи невежества едва бытие свое видит. Толь великую приносит учение... пользу, толь светлыми лучами просвещает человеческий разум, толь приятно есть красоты его наслаждение! Желал бы я вас ввести в великолепный Храм сего человеческого благополучия...»*

Хорошо известно, какой плодотворной для отечественной педагогики середины и второй половины прошлого века была идея народности. Ею пронизано большинство статей, учебных книг, исследований К.Д.Ушинского. На ее основе создавалась общеобразовательная школа в противоборстве с засилием германской педагогики. Идеей народности руководствовался в своей педагогической деятельности Л.Н.Толстой. Целая плеяда талантливых учителей трудилась над созданием народной школы во второй половине XIX в., создавая тем самым предпосылки всеобщего обучения в России. Начало же этого продолжавшегося многие десятилетия движения восходит к Ломоносову.

Не менее важное значение имела заложенная ученым материалистическая традиция в науке, просвещении и в педагогике. Именно этим объясняется отсутствие в основанном им университете богословского факультета, и то, что в число обязательных школьных предметов Ломоносов впервые вводил химию, астрономию, а препо-

* *Ломоносов М.В.* Полное собрание сочинений. Т.2. С.351.

давание философии в старшем классе соединял с преподаванием физики как «главнейшей части натурального знания». В вышедших из-под пера Ломоносова школьных программах и учебных планах впервые подобающее место занимали естественные науки, изучение природы, которая, по его словам, «держится своих законов самым крепким образом, даже в малейшем, чем мы пренебрегаем»*.

Наука в каждый период получает от прошлого известный круг идей. Каждый раз она определяет к ним свое отношение, овладевает ими и, удовлетворяя потребностям нового времени, дает свою интерпретацию унаследованного материала как исходной точки ее дальнейшего развития. В подобном же отношении находилась отечественная педагогика девятнадцатого века к наследию Ломоносова. Представители каждого из направлений и течений педагогической мысли России сознавали это.

Ломоносов — поэт и художник — снискал признание своих современников. Ломоносов-исследователь различных областей естествознания широкими кругами научной общественности был признан позднее. Значение же наследия Ломоносова-педагога по-новому понималось и оценивалось по мере того, как педагогика осознавалась ее деятелями в качестве самостоятельной научной дисциплины.

Сравнивая исходные позиции классической русской педагогики 60-х годов XIX в. с аналогичными идеями и решениями Ломоносова, приходится констатировать их созвучие, а иногда и прямое сходство. Демократическая педагогика XIX в. отвергала умозрительный подход к проблемам обучения и воспитания. В программной статье первого номера журнала «Ясная Поляна» (1862) Л.Н.Толстой заявлял: «Не философскими откровениями в наше время может подвинуться наука педагогика, но терпеливыми и упорными повсеместными опытами». Читая эти строки, нельзя не вспомнить слова Ломоносова: «...ныне ученые люди... мало взирают на родившиеся в одной голове вымыслы и пустые речи...», «мысленные рассуждения» заслуживают внимания лишь в том случае, если они «произведены бывают из надежных и много раз повторенных опытов»**.

Он учил «из наблюдений установлять теорию, через теорию исправлять наблюдение»***. Сравните этот завет великого ученого хотя бы со знаменитой статьей К.Д.Ушинского «О пользе педагогической литературы» (1857): «Пустая, ни на чем не основанная теория оказывается такой же никуда не годной вещью, как факт или опыт, из которого нельзя вывести никакой мысли, которому не предшествует и за которым не следует идея»****.

Отечественная педагогика в своих исканиях приходила к плодотворным результатам в той мере, в какой она наследовала методы

* *Ломоносов М.В.* Полное собрание сочинений. Т.1. С.161.
** Там же. Т.1. С.424.
*** Там же. Т.1. С.161.
**** *Ушинский К.Д.* Педагогические сочинения в шести томах. М., 1988. Т.I. С.161.

Ломоносова: критерии истинности теоретических положений усматривала в ясном представлении о самой вещи и, что не менее важно, изучала педагогический процесс в связи с практическими целями воспитания. Сознательно принятая методологическая позиция и устремленность на совершенствование практики создают предпосылки такого видения факта и опыта, которое недоступно для непреднамеренного наблюдения. Как говорил Ломоносов, «те, кто, собираясь извлечь из опыта истины, не берут с собой ничего, кроме собственных чувств, по большей части должны остаться ни с чем...»*.

Близость позиций прогрессивной отечественной педагогики к идеям Ломоносова предопределяла преемственность во взглядах ученых. Она проявилась в вопросе о значении родного языка и истории для общеобразовательного знания. Многое из того, что сделано великим ученым в этой области, сохраняет значение для современной методики.

На протяжении XIX в. прогрессивная педагогика вела борьбу за то, чтобы родной язык и литература стали основой школьного обучения. Важные вехи на пути к этой цели связаны с именами В.Г.Белинского, К.Д.Ушинского, Л.Н.Толстого. Следуя лингвистическим идеям Ломоносова, В.Г.Белинский создает «Основания русской грамматики...». О родном языке он пишет как о «краеугольном камне всякого образования, всякой учености». Двумя десятилетиями позже исследования К.Д.Ушинского раскрывают новые возможности родного языка как предмета обучения. Изучая родной язык, ребенок усваивает не одни только слова. Родное слово «...объясняет ему природу, как не мог бы объяснить ее ни один естествоиспытатель, оно знакомит его с характером окружающих его людей, с обществом, среди которого он живет, с его историей и его стремлением, как не мог бы познакомить ни один историк; оно вводит его в народные верования, в народную поэзию, как не мог бы ввести ни один эстетик; оно, наконец, дает такие логические понятия и философские воззрения, которые, конечно, не мог бы сообщить ребенку ни один философ»**.

Вслед за К.Д.Ушинским такой взгляд на обучение родного языка поддержали методисты второй половины XIX в., и, наконец, он стал педагогической аксиомой. Это историческое для отечественной школы приобретение начиналось Ломоносовым. Он первым начал читать научные лекции на русском языке. Он ввел русский язык вместо немецкого и латинского в число обязательных предметов гимназического образования. Его несравненные по глубине и поэтической форме характеристики русского языка известны каждому. Здесь же уместно напомнить, что Ломоносов в русском языке видел не только средство общения, но и универсальное орудие познания. «Польза его толь велика, коль далече ныне простираются

* *Ломоносов М.В.* Полное собрание сочинений. Т.1. С.125.
** *Ушинский К.Д.* Указ. соч. Т.II. С.111.

происшедшие от него в обществе человеческом знания...»* Утверждению этой истины он посвящает свои филологические исследования.

Ученый создает «Российскую грамматику» как строго научный свод законов изменения и сочетания слов, составивший эпоху и в языкознании, и в истории отечественной педагогики, показывая при этом нерасторжимую связь слова и мысли. «Тупа оратория, косноязычна поэзия, неосновательна философия, неприятна история, сомнительна юриспруденция... без грамматики», — писал Ломоносов. И заключал: «Когда в грамматике все науки таковую нужду имеют, того ради, желаю, дабы она... привлекла российское юношество к своему наставлению»**. Многие десятилетия «Грамматика» Ломоносова служила одним из самых распространенных учебных руководств. По-Ломоносову, изучение грамматики — не самоцель, как это, к сожалению, часто случалось и теперь бывает в школьной практике, а лишь путь к овладению языком как орудием познания и практической деятельности человека. Весьма многозначителен тот факт, что в составленном Ломоносовым учебном плане первым среди других предметов был не «Русский язык», а «Чистота русского языка», а на следующей ступени обучения — «Красота русского языка».

Тем же целям служила «Риторика» М.В.Ломоносова, также сыгравшая выдающуюся роль в развитии школьного образования. Его «Риторика» и «Красноречие» — это учение о формах ясного выражения сущности вещей, явлений, процессов, а понятия «ритор» и «риторика» у него близки к понятиям «учитель» и «обучение», следовательно, гораздо ближе к педагогике, чем принято об этом думать.

Аналогичное значение имели труды ученого по истории. Прогрессивным педагогам XIX в. пришлось много приложить усилий, чтобы правдивая история России стала обязательным предметом школьного преподавания. В этом Ломоносов был их прямым предшественником. Оценивая образовательное значение истории, он говорил, что она дает «младым старых разум». Изучение ее преследует не только образовательные цели, оно должно побуждать молодых людей к практическим действиям на общественное благо. Воспитывающее воздействие истории пропорционально ее достоверности: «Когда вымышленные повествования производят движение в сердцах человеческих, то правдивая история побуждать к похвальным делам не имеет силы, особенно та, которая изображает дела праотцов наших». При этом Ломоносов имел в виду попытки фальсификации отечественной истории. Исследуя источники, он обнаружил немало «свидетельств, что в России толь великой тьмы невежества не было, какую представляют многие внешние писатели»**. Такие «внешние писатели» составляли окружение ученого в

* *Ломоносов М.В.* Полное собрание сочинений. Т.7. С.394.
** Там же. Т.7. С.391.

Академии. Характерной фигурой среди них был А.Л.Шлетцер. Ломоносов не раз уличал его и И.Д.Шумахера в краже с целью вывоза за границу исторических документов и источников. В 1764 г., уже будучи тяжелобольным, Ломоносов ознакомился с упражнениями А.Л.Шлетцера в трактовке русской истории. Свой отзыв с указаниями преднамеренных искажений Ломоносов заканчивал так: «Из сего заключить должно, каких гнусных пакостей не наколобродит в российских древностях такая допущенная в них скотина»*.

Слова Ломоносова оказались пророческими: одна такая «пакость» продолжает «колобродить» в исторической науке до наших дней. Это измышления А.Л.Шлетцера и Г.Ф.Миллера о неспособности русского народа к созданию своей государственности.

В противовес фальсификациям «внешних» писателей Ломоносов создает свою «Древнюю российскую историю...», закладывая тем самым научные основы истории как предмета школьного обучения.

В педагогике со времени К.Д.Ушинского утверждалась точка зрения, согласно которой содержание школьного образования может определяться только при участии ученых соответствующих специальностей. При этом специалист в области конкретной науки должен быть одновременно и педагогом. В Ломоносове качества ученого и педагога сочетались идеальным образом. Его исторические, филологические, лингвистические исследования, обогащая науку, имели прямые выходы в школьную практику. Такое же научное и педагогическое значение имели его труды по естествознанию, физике, химии, астрономии, минералогии. От Ломоносова берет начало заинтересованное отношение ученых России к общеобразовательной школе. После него оно стало традиционным. Примеры этого — деятельность Н.И.Лобачевского, П.Л.Чебышева, Д.И.Менделеева, многих других ученых, сознававших, что «школа составляет громадную силу, определяющую быт и судьбу народов и государств, смотря по основным предметам и по принципам, вложенным в систему школьного образования, особенно среднего»**.

Кроме обеспечения научного уровня каждого из школьных предметов есть и другие проблемы общеобразовательного знания, разработка которых начиналась Ломоносовым. В педагогике XIX в. было немало дискуссий по вопросу ценности отдельных наук, и очень часто одни противопоставлялись другим, пока ученые-специалисты и педагоги пришли, наконец, к общему выводу о том, что общеобразовательное знание должно включать соразмерно науки и гуманитарные, и математические, и естественные. В сущности, это было признанием принципа, сформулированного Ломоносовым: «Имеет каждая наука равное участие в блаженстве нашем»***. Такой подход и сегодня актуален для теории и практики образования.

* *Ломоносов М.В.* Полное собрание сочинений. Т.9. С.427.
** *Менделеев Д.И.* Заметки о народном просвещении в России. СПб., 1901. С.27.
*** *Ломоносов М.В.* Полное собрание сочинений. Т.2. С.368.

Много сил положил ученый на разработку проблем воспитания. В этом отношении особенно интересны его «Регламенты». В истории российского просвещения аналогичного рода документов (положений, уставов) составлялось немало. Но стоит только сравнить разработанные Ломоносовым Регламенты для учителей и учащихся с теми уставами, что изготовлялись в бюрократических канцеляриях, чтобы увидеть их разительные отличия. «Регламент для московских гимназий», а еще более «Регламент академической гимназии» Ломоносова — явление уникальное. Если позднейшие казенные школьные уставы представляли собой простое сложение подчас противоречивых правил, то каждый из Регламентов Ломоносова составлял динамическую структуру педагогически обоснованных и целенаправленных требований и рекомендаций. Они охватывали все или почти все стороны, все моменты педагогического процесса в средней школе, отводя каждому из них надлежащее место, не умаляя, а также и не гипертрофируя значение ни одного из них.

Принципиальные отличия ломоносовских текстов от их казенных аналогов заключены в каждом разделе и параграфе. Так, в нормативных документах официальной педагогики имелась ставшая банальностью фраза о том, что учитель должен служить примером для учащихся. Но в «Способе учения», разработанном учениками и последователями Ломоносова, эта мысль выражена гораздо определеннее и содержательнее: «Никто, не имеющий воспитания сам, других воспитывать не может, и учитель, не показывающий собой примеров честности, добродетели, непорочных нравов и благоразумия, больше вреда, нежели пользы, приносит воспитываемым»*.

В «Регламенте академической гимназии» Ломоносова формулировались рекомендации, следуя которым учитель осуществлял свою роль наставника и воспитателя на всех этапах учебного процесса. Это обеспечивалось в первую очередь содержанием и методами обучения, а также предложенными Ломоносовым схемами учета и контроля за работой класса в целом и каждого ученика в отдельности, системой мер, стимулирующих ученика на достижение наибольших успехов.

Такова и дидактическая часть Регламентов. Она отвечала требованиям сознательности и прочности усвоения знаний, последовательности и систематичности, наглядности обучения и всех других принципов классической дидактики. Ведущим среди них становится принцип научности.

Как-то случилось, что о воспитании юношества в XVIII в. мы знаем больше из «Юности честного зерцала». Может быть, потому, что обращенные к «младым отрокам» требования «Зерцала» грубоваты по форме и в наши дни воспринимаются как курьезы? В Регламентах Ломоносова курьезов нет. Гимназистам предъявлялись требования, которые и сегодня вполне заслуживают внимания: не

* Антология педагогической мысли России XVIII в. М., 1985. С.144.

мешать в ученьи, гордостью и грубостью никого не огорчать, остерегаться самохвальства, а паче всего лганья.

В практике казенной школы XIX в. постоянно давал о себе знать отрыв обучения от воспитания. Такого антипедагогического разделения не было у Ломоносова: обучение и воспитание он рассматривал как взаимообусловленный процесс. Исходные его положения гласили: «Гимназия является первой основой всех свободных искусств и наук. Из нее, следует ожидать, выйдет просвещенное юношество: молодые люди должны приучаться там к правильному образу мышления и добрым нравам»*. Как видим, на первом месте стоят «основы всех свободных искусств», т.е. по нашей терминологии, основы производств и профессий. Не сумма знаний, а «правильный образ мышления» и нравственное воспитание — вот цель обучения. Его Регламенты превосходят позднейшие аналоги по ясности изложения, глубине педагогического содержания и по многим другим, как сказали бы мы сегодня, параметрам. В основе Регламентов лежали идеи, зазвучавшие в полный голос в прогрессивной педагогике XIX в.

Взгляды Ломоносова на образование каждой своей строкой обращены к юношеству. Как педагог он не оставлял без заботливого внимания ни одного из своих учеников-гимназистов и студентов, страстно желая видеть в каждом из них творческую личность, превыше всего ставящую общественное благо.

К сожалению, педагогическая часть наследия Ломоносова до недавнего прошлого оставалась невостребованной. Объясняется это несколькими причинами. Пожалуй, самая главная из них — это господствовавшая у нас в течение семи десятилетий моноидеология. Но есть и другие. Учение Ломоносова органично связано с историческими условиями жизни далекого от нас XVIII в. В его трудах одновременно присутствуют взаимопроникающие начала — поэтическое, образное, с одной стороны, и научное, логическое — с другой. Его собственно поэтические произведения вполне отвечают эстетическим и научным критериям, а сам увлекающий читателя процесс постижения связей действительности пронизан поэзией, высочайшей романтикой, радостью познания.

Наше восприятие педагогических идей Ломоносова отчасти осложнено и формой их выражения. У Ломоносова мы находим работы, непосредственно адресованные учителям и воспитателям. По своему жанру они близки нынешним: «Российская грамматика», «Краткое руководство к красноречию», «О пользе книг церковных в русском языке». Но богатство педагогических идей подобными его работами далеко не исчерпывается. Мысли о воспитании и обучении представлены в сочинениях, названия которых могут не обратить на себя внимание воспитателя: «Слово о пользе химии», «Рассуждения об обязанностях журналистов...» и др.

* *Ломоносов М.В.* Полное собрание сочинений. Т.9. С.477.

Достойные великого ученого педагогические идеи рассеяны во многих сочинениях Ломоносова, к педагогике прямо не относящихся. Формулировались они в такой же лапидарной форме, что и открытые им законы естествознания. В качестве одного из них можно назвать идею нравственно-ориентированного образования, значение которой невозможно переоценить. Во времена Ломоносова начинался процесс формирования обновленной, общественной, гражданской морали. В течение длительного времени выдающиеся ученые дореволюционной России разрабатывали положение, согласно которому образование становится положительной ценностью лишь при условии его соединения с нравственностью. Образование неполноценно и даже вредно, если оно безотносительно к человеческому пониманию правды. Истинно образованный человек принимает общественные проблемы как свои собственные. Такие положения явились итогом длительных исканий педагогов-гуманистов. Основания же их также разрабатывались Ломоносовым: «За общую пользу, а особливо за утверждение наук в отечестве, и против отца родного возстать за грех не ставлю».

Педагогические взгляды гения русской и мировой науки были обращены к будущему. Поэтому многое из его наследия приобретает со временем еще большую актуальность: это принципы построения демократической системы образования, утверждение фундаментального значения духовных ценностей в жизни общества и отдельного человека, научно обоснованные М.В.Ломоносовым и развитые классической русской педагогикой идеи всеобщего гуманистического просвещения.

ПОКАЗАНИЕ О СВОЕМ ПРОИСХОЖДЕНИИ, ДАННОЕ ПРИ ДОПРОСЕ В СТАВЛЕННИЧЕСКОМ СТОЛЕ МОСКОВСКОЙ СИНОДАЛЬНОГО ПРАВЛЕНИЯ КАНЦЕЛЯРИИ

1734-го году сентября в 4 день в Ставленническом столе Московской Славено-греко-латинской академии школы риторики ученик Михайла Васильев сын Ломоносов допрашиван.

А в допросе он сказал: отец у него города Холмогорах церкви Введения пресвятыя богородицы поп Василей Дорофеев, а он, Михайла, жил при отце своем, а кроме того нигде не бывал, в драгуны, в солдаты и в работу е. и. в. не записан, в плотниках в высылке не был, от переписчиков написан действительного отца сын и в оклад не положен. А от отца своего отлучился в Москву в 730-м году октября в первых числах и, приехав в Москву, в 731-м году в генваре месяце записался в вышеписанную Академию, в которой и доднесь пребывает и наукою произошел до риторики. Токмо он, Михайла, еще не женат, от роду себе имеет 23 года, и чтоб ему быть в попах в порученной по именному е. и. в. указу известной экспедиции статского советника Ивана Кирилова, он, Михайла, желает. А расколу, болезни и глухоты и во удесах повреждения никакого не имеет и скоропись пишет. А буде он в сем допросе сказал что ложно, и за то священного чина будет лишен, и пострижен и сослан в жестокое подначальство в дальний монастырь.

К сему допросу Славено-греко-латинской Московской академии ученик Михайло Ломоносов руку приложил

ПОКАЗАНИЕ О СВОЕМ ПРОИСХОЖДЕНИИ, ДАННОЕ ПРИ ДОПРОСЕ В МОСКОВСКОЙ СИНОДАЛЬНОГО ПРАВЛЕНИЯ КАНЦЕЛЯРИИ

В Московскую синодального правления канцелярию из прежней Камор-коллегии потребно известие: города Холмогор церкви Введения пресвятыя богородицы поп Василей Дорофеев и при нем, попе, сын его Михайло во время переписи мужеска полу душ при той церкви действительными ль написаны и коликих он, Михайло, лет? Сентября 4-го дня 1734 года. № 931. Секретарь Павел Протопопов. Канцелярист Алексей Морсочников.

А при отдаче в Камор-коллегию вышеписанной справки означенный Ломоносов сказал, что-де он — не попович, но дворцовый крестьянский сын, о чем значит обстоятельно в последующем его допросе.

Рождением-де он, Михайло, Архангелогородской губернии Двинского уезда дворцовой Куростровской деревни крестьянина Василия Дорофеева сын, и тот-де его отец и поныне в той деревне обретается с прочими крестьяны и положен в подушный оклад. А в прошлом 730-м году декабря в 9-м числе с позволения оного отца его отбыл он, Ломоносов, в Москву, о чем дан был ему и пашпорт (который утратил он своим небрежением) из Холмогорской воеводской канцелярии за рукою бывшего тогда воеводы Григория Воробьева, и с тем-де пашпортом пришел он в Москву и жил Сыскного приказу у подьячего Ивана Дутикова генваря до последних чисел 731-го году, а до которого именно числа, не упомнит. И в тех-де числах подал он прошение Заиконоспасского монастыря архимандриту (что ныне преосвященный архиепископ Архангелогородский и Холмогорский) Герману, дабы принят он был, Ломоносов, в школу, по которому его прошению он, архимандрит, его, Михайла, приняв, приказал допросить, и допрашиван, а тем допросом в Академии показал, что он, Ломоносов, города Холмогор дворянский сын. И по тому допросу он, архимандрит, определил его, Михайла, в школы, и дошел до риторики. А в экспедицию с статским советником Иваном Кириловым пожелал он, Михайло, ехать самоохотно. А что он в Ставленническом столе сказался по-

повичем, и то учинил с простоты своей, не надеясь в том быть причины и препятствия к произведению во священство. А никто его, Ломоносова, чтоб сказаться поповичем, не научал. А ныне он желает по-прежнему учиться во оной же Академии. И в сем допросе сказал он сущую правду без всякия лжи и утайки, а ежели что утаил, и за то учинено б было ему, Ломоносову, что Московская Синодального правления канцелярия определит.

К сему допросу Михайло Ломоносов руку приложил

ПОКАЗАНИЯ О ПРИЧИНЕ, ПО КОТОРОЙ Я ОКАЗАЛАСЬ ПЕРВЫМ ЧИТАТЕЛЕМ ЛОМОНОСОВСКОГО ТОМА АНТОЛОГИИ

Дело в том, что в Москве существует гимназия «Школа Ломоносова».

Однажды, готовясь к очередному педсовету, я прочитала поразившую меня фразу: «Через ученье счастлив будет!» Еще не зная, кому она принадлежит, я почувствовала необыкновенную глубину и притягательность этих слов, и появилось желание сделать их эпиграфом не только к педсовету, но и смыслом деятельности педагогического коллектива. Это было давно. И может быть с этого все началось.

Значительно позже, узнав, что автор поразивших меня строк — М.В.Ломоносов, который был всем нам знаком как великий ученый-энциклопедист и очень мало — как педагог, мы — группа учителей-энтузиастов — начали внимательно изучать его труды; и многие его идеи, сначала незаметно, а потом целенаправленно использовали при создании своей гимназии.

«Школа Ломоносова» в названии гимназии не только связывает нас с именем великого ученого, просветителя, но и, как мы надеемся, говорит о создании школы в педагогическом смысле, где будут возрождаться, реализовываться и развиваться основные идеи М.В.Ломоносова: о развитии таланта, заложенного в каждом ребенке (в систему образования гимназии введена ранняя диагностика), о счастье, которое может быть только «через ученье» (принцип «пленительности» — основополагающий в урочной и внеурочной деятельности гимназии), об эвристическом пути познания (эвристический и исследовательский методы — основные в преподавательской деятельности педагогов гимназии) и др.

Таким образом, название гимназии «Школа Ломоносова» обозначает направленность педагогического процесса и всей жизни коллектива.

Мои «заметки на полях» не попытка разъяснять учение Ломоносова — оно в этом не нуждается, а просто мысли, вызванные чтением этого живого и близкого нам текста, желание подтвердить его современность, восхититься, порой поспорить, иногда не согласиться с идеями, советами, направлениями ученого... Порой забывая, что между нами более двух столетий.

Заслуженный учитель школ России
Е.В.Кузнецова

УТРЕННЕЕ РАЗМЫШЛЕНИЕ О БОЖИЕМ ВЕЛИЧЕСТВЕ

1

Уже прекрасное светило
Простерло блеск свой от земли
И Божия дела открыло.
Мой дух, с веселием внемли,
Чудяся ясным толь лучам,
Представь, каков Зиждитель сам!

2

Когда бы смертным толь высоко
Возможно было возлететь,
Чтоб к солнцу бренно наше око
Могло, приближившись, воззреть.
Тогда б со всех открылся стран
Горящий вечно Океан.

3

Там огненны валы стремятся
И не находят берегов,
Там вихри пламенны крутятся,
Борющись множество веков;
Там камни, как вода, кипят,
Горящи там дожди шумят.

4

Сия ужасная громада —
Как искра пред тобой одна.
О, коль пресветлая лампада
Тобою, Боже, возжжена
Для наших повседневных дел,
Что ты творить нам повелел!

5

От мрачной ночи свободились
Поля, бугры, моря и лес
И взору нашему открылись,
Исполненны твоих чудес.
Там всякая взывает плоть:
«Велик Зиждитель наш, Господь!»

6

Светило дневное блистает
Лишь только на поверхность тел,
Но взор твой в бездну проницает,
Не зная никаких предел.
От светлости твоих очей
Лиется радость твари всей.

7

Творец! Покрытому мне тьмою
Простри премудрости лучи
И что угодно пред Тобою
Всегда творити научи
И, на Твою взирая тварь,
Хвалить тебя, бессмертный Царь.

ВЕЧЕРНЕЕ РАЗМЫШЛЕНИЕ О БОЖИЕМ ВЕЛИЧЕСТВЕ ПРИ СЛУЧАЕ ВЕЛИКОГО СЕВЕРНОГО СИЯНИЯ

1

Лице свое скрывает день,
Поля покрыла мрачна ночь,
Взошла на горы черна тень,
Лучи от нас склонялись прочь.
Открылась бездна звезд полна;
Звездам числа нет, бездне дна.

2

Песчинка как в морских волнах,
Как мала искра в вечном льде,
Как в сильном вихре тонкой прах,
В свирепом как перо огне,
Так я, в сей бездне углублен,
Теряюсь, мысльми утомлен!

3

Уста премудрых нам гласят:
«Там разных множество светов,
Несчетны солнца там горят,
Народы там и круг веков;
Для общей славы божества
Там равна сила естества».

4

Но где ж, натура, твой закон?
С полночных стран встает заря!
Не солнце ль ставит там свой трон?
Не льдисты ль мещут огнь моря?
Се хладный пламень нас покрыл!
Се в ночь на землю день вступил!

5

О вы, которых быстрый зрак
Пронзает в книгу вечных прав,
Которым малый вещи знак
Являет естества устав,
Вам путь известен всех планет;
Скажите, что нас так мятет?

6

Что зыблет ясный ночью луч?
Что тонкий пламень в твердь разит?
Как молния без грозны туч
Стремится от земли в зенит?
Как может быть, чтоб мерзлый пар
Среди зимы рождал пожар?

7

Там спорит жирна мгла с водой;
Иль солнечны лучи блестят,
Склонясь сквозь воздух к нам густой;
Иль тучных гор верьхи горят;
Иль в море дуть престал Зефир,
И гладки волны бьют в ефир.

8

Сомнений полон ваш ответ
О том, что окрест ближних мест.
Скажите ж, коль пространен свет?
И что малейших дале звезд?
Несведом тварей вам конец?
Скажите ж, коль велик Творец?

КРАТКОЕ РУКОВОДСТВО К КРАСНОРЕЧИЮ

Книга первая, в которой содержится риторика, показующая общие правила обоего красноречия, то есть оратории и поэзии, сочиненная в пользу любящих словесные науки.

ВСТУПЛЕНИЕ

§ 1

Красноречие есть искусство о всякой данной материи красно говорить и тем преклонять других к своему об оной мнению. Предложенная по сему искусству материя называется речь или слово.

§ 2

К приобретению оного требуется пять следующих средствий: первое — природные дарования, второе — наука, третие — подражание авторов, четвертое — упражнение в сочинении, пятое — знание других наук.

§ 3

Природные дарования разделяются на душевные и телесные. Душевные дарования, а особливо остроумие и память к получению сего искусства, толь необходимо нужны, как добрая земля к посеянию чистого семени, ибо как семя на плодородной земле, так и учение в худой голове тщетно есть и бесполезно. А для того Аполлоний Алабенденский, славный в древних временах красноречия учитель, по свидетельству Цицерона, тех, которые от родителей своих к нему в училище присылались, в самом начале учения природную остроту прилежно рассматривал и которых приметил к тому

NB ***Сколько споров, неудовольствия, а часто и просто горя, вызывает отказ принять в гимназию того или иного ребенка после психолого-педагогического консилиума! (Сегодняшняя наша действительность позволяет нам подобрать уже разработанные методики, многие из которых используются в мировой практике для того, чтобы свести ошибки консилиума к минимуму).***

Встретив размышления Ломоносова о таких же, может быть, не менее болезненных отказах учителей древности, хочется еще раз поразмышлять вместе с читателем над этим вопросом. Действительно ли отказ принять в данную гимназию прелестного малыша должен вызывать гнев или недоумение его родителя. А может быть, чувство благодарности за то, что, сопоставляя потенциальные возможности ребенка, задачи и нагрузку данного учебного заведения, не обрекли малыша на муки преодоления непреодолимых препятствий, на состояние дискомфорта в течение многих лет, на бессмысленные труды и разочарования всей семьи? Нет! Еще и еще раз убеждаешься — ребенку надо подобрать то учебное заведение, в котором труды его принесут ощутимые плоды и жизнь в течение долгих школьных лет будет радостной и счастливой. Видимо, в этом и есть одна из многочисленных граней гуманной педагогики, сформировавшейся веками.

быть неспособных немедленно назад отсылал, чтобы они напрасными трудами себя не изнуряли.

Телесные дарования, громкий и приятный голос, долгий дух и крепкая грудь в красноречии, а особливо в произношении слова упражняющимся очень надобны; также дородство и осанковатый вид приличны, ежели слово пред народом говорить должно.

§ 4

Наука состоит в познании нужных правил, которые показывают подлинный путь к красноречию. Они должны быть, первое, кратки, чтобы не отяготить памяти многим изусть учением, а особливо тем, чему легче можно с примеров научиться, нежели по правилам; второе, порядочны, для того чтобы они были вразумительны и тем к научению способственны; третие, удовольствованы примерами, которые бы показывали самую оных силу для яснейшего их понятия и для способнейшего своих примеров против оных сочинений. Мы будем стараться, чтобы в настоящем нашем предприятии поступить по сим требованиям.

§ 5

Изучение правил следует подражание авторов, в красноречии славных, которое учащиеся едва не больше нужно, нежели самые лучшие правила. Всяк знает, что и в художествах того миновать нельзя, например: кто учится живописту, тот старается всегда иметь у себя лучшие рисунки и картины славных мастеров и, к ним применяясь, достигнуть совершенства в том художестве. Красноречие, коль много превышает прочие искусства, толь больше требует и подражания знатных авторов. Но о сем пространнее предложено будет на конце сея книги особливо.

§ 6

Подражание требует, чтобы часто упражняться в сочинении разных слов. От беспрестанного упражнения возросло красноречие древних великих авторов, которых от того ни старость, ни великая честь и достоинство отвратить не могли, ибо генералы, сенаторы и сами консулы, как Ирций и Панса, будучи на высочайшей степени

римския власти, у Цицерона приватно в красноречии обучались и в домах своих в произношении слова упражнялись. Азиний Поллион, славный генерал римский, презрев печаль о умершей своей дочери, в четвертый день после ея смерти обучался в произношении слова. Отсюду последовало, что таковые трудолюбивые люди не готовясь говорили публично прекрасные речи. Сие прежде началось у греков, а потом уже в Риме возвысилось на самую высочайшую степень. Такие речи, без приготовления пред народом произнесенные, назывались божественными, ибо оне казались быть выше сил человеческих. Того ради надлежит, чтобы учащиеся красноречию старались сим образом разум свой острить чрез беспрестанное упражнение в сочинении и произношении слов, а не полагаться на одне правила и чтение авторов, ежели при всяком случае и о всякой материи готовы быть желают к предложению слова.

§ 7

Материя риторическая есть все, о чем говорить можно, то есть все известные вещи в свете, откуда явствует, что ежели кто имеет большее познание настоящих и предшедших вещей, то есть чем искуснее в науках, у того большее есть изобилие материи к красноречию. Итак, учащиеся оному великое будут иметь в своем искусстве вспоможение, ежели они обучены по последней мере истории и нравоучению.

§ 8

Слово двояко изображено быть может — прозою или поэмою. Проза есть слово, которого части не имеют точно определенной меры и порядка складов, ни согласия, в произношении точно назначенного, но все речения располагаются в нем таким порядком, какого обыкновенный разговор требует. Поэма состоит из частей, известною мерою определенных, и притом имеет точный порядок складов по их ударению или произношению. Первым образом сочиняются проповеди, истории, учебные книги, другим составляются гимны, оды, комедии, сатиры и других родов стихи.

§ 9

Но хотя проза от поэмы для отменного сложения разнится, а потому и в штиле должна быть отлична, однако в рассуждении общества материи весьма с оною сходствует, ибо об одной вещи можно писать прозою и стихами. Итак, оба сии красноречия роды имеют в себе купно обоим общее и особливо каждому отменное.

§ 10

Мы предлагаем здесь вкратце руководство к обоему красноречию и для того, поступая по натуральному порядку, показываем, во-первых, учение о красноречии вообще, поколику оно до прозы и до стихов касается, и затем при правилах полагаются в нем примеры прозою и стихами. Потом сообщаем наставление к сочинению речей в прозе и примеры присовокупляем прозаичные из славных авторов. Наконец, прилагается о стихотворстве учение с приложенными в примеры стихами.

Сии три учения составляют три книги сего руководства: Риторику, Ораторию и Поэзию.

ЧАСТЬ I
О ИЗОБРЕТЕНИИ

ГЛАВА 1
О изобретении вообще

§ 3

Изобретение риторическое есть собрание разных идей, пристойных предлагаемой материи. Идеями называются представления вещей или действий в уме нашем; например, мы имеем идею о часах, когда их самих или вид оных без них в уме изображаем; также имеем идею о движении, когда видим или на мысль приводим вещь, место свое беспрестанно переменяющую.

§ 4

Идеи суть простые или сложенные. Простые состоят из одного представления, сложенные из двух или многих, между собою соединенных и совершенный разум имеющих. Ночь, представленная в уме, есть простая идея, но когда себе представишь, что ночью люди после трудов покоятся, тогда будет уже сложенная идея, для того что соединяется пять идей, то есть о дне, о ночи, о людях, о трудах и о покое.

§ 5

Все идеи изобретены бывают из общих мест риторических, которые суть: 1) род и вид, 2) целое и части, 3) свойства материальные, 4) свойства жизненные, 5) имя, 6) действия и страдания, 7) место, 8) время, 9) происхождение, 10) причина, 11) предыдущее и последующее, 12) признаки, 13) обстоятельства, 14) подобия, 15) противные и несходные вещи, 16) уравнения.

§ 6

Родом называется общее подобие особенных вещей. Такое подобие видим Невы с Двиною, Днепром, Волгою и другими в моря протекающими великими водами и оное называем однем словом — река, которая есть род, а Нева, Двина, Днепр, Волга, Висла и прочие суть виды оного.

§ 7

Целое есть то, что соединено из других вещей, а части называются оные вещи, которые то составляют, например, город есть целое, а стены, башни, домы, улицы и прочая суть его части.

§ 8

Свойства материальные суть те, которые чувствительным вещам животным и бездушным приписуются, как величина, фигура, тягость, твердость, упругость, движение, звон, цвет, вкус, запах, теплота, стужа, внутренние силы.

§ 9

Жизненные свойства принадлежат к одушевленным вещам, из которых, во-первых, суть главные душевные дарования: понятие, память, совображение, рассуждение, произволение. Второе — страсти: радость и печаль, удовольствие и раскаяние, честь и стыд, надежда и боязнь, упование и отчаяние, гнев и милосердие, любовь и ненависть, удивление и гнушение, желание и отвращение. Третие — добродетели: мудрость, благочестие, воздержание, чистота, милость, тщивость, благодарность, великодушие, терпение, праводушие, незлобие, простосердечие, искренность, постоянство, трудолюбие, дружелюбие, послушание, уклонность, скромность. Четвертое — пороки: безумие, нечестие, роскошь, нечистота, лютость, скупость, неблагодарность, малодушие, нетерпеливость, лукавство, злоба, лицемерство и ласкательство, продерзливость, непостоянство, леность, сварливость, упрямство, грубость, самохвальство. Пятое — внешнее состояние: благородие и неблагородие, счастие и несчастие, богатство и убожество, слава и бесславие, власть и безвластие, вольность и порабощение. Шестое — телесные свойства и дарования: возраст, век, пол, сила, красота, здравие, проворность. Седьмое — чувства: зрение, слышание, обоняние, вкушение, осязание.

§ 10

Имя есть свойственное или приложенное. Свойственное есть, которым что обыкновенно называют, как: небо, Москва, август и прочая. Приложенные имена даются сверх свойственных, что бывает следующим образом: 1) когда имя иностранное с другого языка на природный переведено будет, например: Мельхиседек с еврейского по-российски — царь правды, Андрей с греческого — мужественный, Квинт с латинского — пятый; 2) когда по особливым делам или свойствам даю кому будет проименование, так: Александр от великого мужества назывался великий, Аттила от строгости — бич божий; 3) когда чрез преложение письмен, имя составляющих, будет составлено речение, другое знаменование имеющее, например: Рим чрез преложение письмен может назваться мир; 4) когда слово будет взято в знаменовании другой вещи, ежели она сходное имя имеет, наприклад: речение свет (вселенная) принято

будет в знаменовании света, чрез который мы видим; 5) когда к имени приложено будет речение, от которого оно происходит, например: Владимир назовется владетель мира.

§ 11

Действие и страдание есть всякая перемена, которую одна вещь в другой производит. Перемену производящее называется действующим, а то, в чем перемена производится, страждущим. Например: сильный ветр море волнует — сильный ветр есть действующее, а море есть страждущее. Самое волнование есть действие в рассуждении ветра, страдание в рассуждении моря. С действием и страданием совокуплены бывают инструменты, вспоможения, воспрящения, удобность или неудобность, возможность или невозможность, пристойность или непристойность, польза или вред, угодность или неугодность, честность или гнусность, также действие имеет иногда свое воспоследование и удачу, а иногда уничтожение свое и неудачу.

§ 12

Время есть указательное и количественное: указательное познается чрез вопрошение *когда*? Например: плоды собираются в осень. Количественное время познается чрез вопрошение *коль долго*? Например: Август, цесарь римский, царствовал сорок четыре года.

§ 13

Место разделяется на одержимое и проходимое. Первое назначается вопрошением *где*? Например: остров Сицилия лежит на Посредиземном море. Второе показано бывает на вопрошение *по чему*? Например: молния блещет по воздуху. При месте наблюдать должно оного пространство, близость, далекость, вышину, низкость, стороны и прочая, также и наречия и предлоги: куда, откуда, доколе, вне, внутрь, у, за, пред, против, под, над, около, вплоть, до и прочие, до места надлежащие. Сюда принадлежит содержащее и содержимое, например: город есть содержащее, а люди, в нем живущие, — содержимое. Содержимое может иногда быть купно и содержащее, так: река в рассуждении животных и судов, в ней плавающих, есть содержащее, а в рассуждении берегов есть содержимое.

§ 14

Происхождение есть начало, от которого что другое происходит и свое бытие имеет, например: металлы происходят от земли, мед — от пчел, бесславие и казни — от худых дел; земля, пчелы и худые дела суть происхождение металлов, меда, худых дел.

§ 15

Причина есть конец, для которого всякая вещь есть или бывает, наприклад: земледелец пашет землю и насевает, чтобы получить

себе хлеб на пищу. Получение хлеба на пищу земледельцу есть причина орания и насевания земли.

§ 16

Предыдущее есть что пред вещию необходимо бывает, последующее — что оной последует, так: весна предходит лету, которому осень последует; и потому весна есть в рассуждении лета предыдущее, а осень — последующее; так: младенчество и старость суть мужеского возраста предыдущее и последующее.

§ 17

Признаком называют, чтó другую вещь показывает, когда она сама чувствам не подвержена. Вещи отделяются от чувств местом или временем, прошедшим или будущим, и посему признаки суть трех родов: 1) которые показывают вещь настоящую, так: дым показывает сокровенный огонь, шум дерев изъявляет ветр; 2) которые показывают вещь будущую, как: находящие густые тучи предвещают дождь, заря утренняя предсказывает восхождение солнца; 3) которые объявляют прошедшую вещь: обагренная кровью Тициева шпага, бледное его лицо, отдаление от людей и бег от Семпрониева мертвого тела суть признаки учиненного им убийства. К сему месту принадлежат пророчества, предзнаменования и свидетельства.

§ 18

Обстоятельства суть те вещи, которые хотя с данною вещию не соединены, однако имеют к ней некоторую принадлежность; так, встречающиеся путнику звери, около пути лежащие места, по реке плавающие суда и птицы, пчела, на розе сидящая, суть обстоятельства путника, реки и розы.

§ 19

Подобие риторическое есть снесение двух вещей в свойствах или действиях. Сердце человека, гневом возмущенного, уподоблено быть может волнующемуся морю, скорое течение острых мыслей — стреле. Подобие разделяется на простое и сложенное; в простом сносится только одно свойство или действие одной вещи с однем же свойством или действием другой, как скорость мыслей со скоростию стрелы. В сложенном подобии сносятся два или многие свойства либо действия одной вещи с двумя или многими свойствами либо действиями другой, например: как подсыхает ветвь, подъеденная от червя, так печалью сокрушенное сердце ослабевает. Здесь сердце с ветвию, печаль с червем, ослабение с подсыханием сносится.

§ 20

Противными называются те вещи, которые вдруг быть не могут вместе, как день и ночь, зной и стужа, богатство и убожество, любовь и ненависть. Несходственные вещи бывают, когда вместо одной противной вещи полагается то, что от ней происходит, например: любить и обидеть (вместо *ненавидеть*), не бояться неприятеля и от него бегать (вместо *бояться*), ибо обида от ненависти, а бегство от боязни происходит.

§ 21

Уравнение есть снесение двух вещей, одну другой за равную, большую или меньшую почитая. Пример первого: Иулий Цесарь завидовал славе Александра Великого, равно как Александр — славе отца своего Филиппа. Пример второго: Фридерик-цесарь несчастливее был в реке Цидне, нежели Александр Великий, ибо сей, умывшись в ней, только разболелся, а оный живота лишился. Пример третиего: войну удобнее начать, нежели к концу привести.

§ 22

Сие описание риторических мест показано здесь вкратце только для одного истолкования оных; употребление и польза их предлагается в следующих главах. В правилах риторических причитается обыкновенно к местам изобретения определение, которое я оттуда выключил, для того что логические точные определения состоят из рода и свойств главных самой определяемой вещи, которые показаны бывают в местах риторических того имени, и, следовательно, такое определение не можно почесть за особливое место, но за идею, сложенную из идей, происшедших от рода и свойств. Сие же должно рассуждать и о наклонении, которое также в иных риториках за особливое место признается. Риторические определения надлежат до украшения, и для того о том предлагается в третией части Риторики. Примеры от уравнениев не разнятся. Молва людская надлежит к жизненным свойствам (§ 9 и 5), свидетели — до признаков (§ 17), закон, присяга, пятка надлежат особливо до судебных речей, о чем смотри в книге второй. Сии шесть последних называются от некоторых авторов внешними местами без довольного основания.

ГЛАВА 6
О возбуждении, утолении и изображении страстей

§ 94

Хотя доводы и довольны бывают к удовлетворению о справедливости предлагаемыя материи, однако сочинитель слова должен сверх того учинить страстными к оной. Самые лучшие доказательства иногда столько силы не имеют, чтобы упрямого преклонить на свою сторону, когда другое мнение в уме его вкоренилось. Мало есть таких людей, которые могут поступать по рассуждению, преодолев свои склонности. Итак, что пособит ритору, хотя он свое

мнение и основательно докажет, ежели не употребит способов к возбуждению страстей на свою сторону или не утолит противных?

§ 95

А чтобы сие с добрым успехом производить в дело, то надлежит обстоятельно знать нравы человеческие, должно самым искусством чрез рачительное наблюдение и философское остроумие высмотреть, от каких представлений и идей каждая страсть возбуждается, и изведать чрез нравоучение всю глубину сердец человеческих. Из сих источников почерпнул Демосфен всю свою силу к возбуждению страстей, ибо он немалое время у Платона учился философии, а особливо нравоучению. Также и Цицерон оттуда же имел чрезвычайную свою власть над сердцем слушателей, которой и самые жестокие нравы не могли противиться. Для сего предлагаются здесь правила к возбуждению страстей, которые по большой части из учения о душе и из нравоучительной философии происходят.

§ 96

Страстию называется сильная чувственная охота или неохота, соединенная с необыкновенным движением крови и жизненных духов, причем всегда бывает услаждение или скука. В возбуждении и утолении страстей, во-первых, три вещи наблюдать должно: 1) состояние самого ритора, 2) состояние слушателей, 3) самое к возбуждению служащее действие и сила красноречия.

§ 97

Что до состояния самого ритора надлежит, то много способствует к возбуждению и утолению страстей: 1) когда слушатели знают, то он добросердечный и совестный человек, а не легкомысленный ласкатель и лукавец; 2) ежели его народ любит за его заслуги; 3) ежели он сам ту же страсть имеет, которую в слушателях возбудить хочет, а не притворно их страстными учинить намерен, ибо он тогда не токмо словом, но и видом и движением действовать будет; 4) ежели он знатен породою или чином; 5) с важностию знатного чина и породы купно немало помогает старость, которой честь и повелительство некоторым образом дает сама натура. Довольно было Августу к внезапному усмирению замешательства, учинившегося между знатными молодыми дворянами, сказать: «Слушайте, молодые люди, старика, которого во младости старики слушали».

§ 98

Нравы человеческие коль различны и коль отменно людей состояние, того и сказать невозможно. Для того разумный ритор прилежно наблюдать должен хотя главные слушателей свойства, то есть 1) возраст, ибо малые дети на приятные и нежные вещи обращаются и склоннее к радости, милосердию, боязни и к стыду, взрослые способнее приведены быть могут на радость и на гнев, старые пе-

ред прочими страстьми склоннее к ненависти, к любочестию и к зависти, страсти в них возбудить и утолить труднее, нежели в молодых; 2) пол, ибо мужеский пол к страстям удобнее склоняется и скорее оные оставляет, но женский пол, хотя на оные еще и скорее побуждается, однако весьма долго в них остается и с трудом оставляет; 3) воспитание, ибо кто к чему привык, от того отвратить трудно; напротив того, большую к тому же возбудить склонность весьма свободно: спартанского жителя, в поте и в пыли воспитанного, трудно принудить, чтобы он сидел дома за книгами; напротив того, афинеанина едва вызовешь ли от учения в поле; 4) наука, ибо у людей, обученных в политике и многим знанием и искусством важных, надлежит возбуждать страсти с умеренною живностию и с благочинною бодростию, предложениями важного учения исполненными; напротив того, у простаков и у грубых людей должно употреблять всю силу стремительных и огорчительных страстей, для того что нежные и плачевные столько у них действительны, сколько лютна у медведей. При всех сих надлежит наблюдать время, место и обстоятельства. Итак, разумный ритор при возбуждении страстей должен поступать, как искусный боец: умечать в то место, где не прикрыто, а особливо того наблюдать, чтобы там приводить в страсти, кому что больше нужно, пристойно и полезно.

§ 99

Сим следует главное дело, то есть самая сила к возбуждению или утолению страстей и действие красноречия. Оно долженствует быть велико, стремительно, остро и крепко, не первым токмо стремлением ударяющее и потом упадающее, но беспрестанно возрастающее и укрепляющееся. Здесь присовокупить должно крепость голоса и напряжение груди. И таким образом, ежели кто хочет приятную или скучную страсть возбудить, то должен он своим слушателям представить все к предлагаемой вещи принадлежащее добро или зло в великом множестве и скоро одно после другого. К сему требуется, чтобы ритор имел великое остроумие и рачение для изыскания идей, к сему делу пристойных. Буде же он какую-нибудь страсть утолить хочет, то должен слушателям показать, что оного добра или зла в предлагаемой вещи нет, к которому они толь страстны, или по последней мере изъяснить, что оное добро или зло не толь велико, как они думают. Здесь не меньше надлежит употребить силы и стремления в слове, а притом еще надобно больше иметь предосторожности, нежели в первом случае.

§ 100

Больше всех служат к движению и возбуждению страстей живо представленные описания, которые очень в чувства ударяют, а особливо как бы действительно в зрении изображаются. Глубокомысленные рассуждения и доказательства не так чувствительны, и страсти не могут от них возгореться; и для того с высокого седалища разум к чувствам свести должно и с ними соединить, чтобы он в

страсти воспламенился. Сему в пример служить может следующее описание. Когда преславный город Смирна от трясения земли разорился, тогда посланный к Антонинам, кесарям римским, Аристид представлял: «Смирна, украшение Азии, честь вашей империи, огнем и трясением земли повержена и сотренна (потом, описав ее бывшую красоту, говорит). Сие все покрыто пепелом, затворилась оная пристань, разрушились прекрасные площади, исчезли преизрядные улицы, училища с учительми и отроками упали, храмы иные рассыпались, иные поглощены землею. Приятнейший зрению город, и по имени своему прекраснейший, стал неприятное позорище, громада разрушенных зданий и трупов. Уже ныне по опустошенному только зефиры провевают».

При сих словах оба кесари не могли от слез удержаться. Во время замешательства, которое между солдатами и чернью в Риме весьма кровопролитно было, Пупиен-кесарь ни словом, ни властию оного утолить не мог. Но как только сына своего Гордиана, младенца, бунтующим показал, то немедленно все смятение утолилось. Обнаженная раненых солдатов грудь, сетующие их родители, жены и малые дети, в слезах и рыдании представленные, великую силу имеют к возбуждению жалости и милосердия. Искусный ритор при возбуждении и утолении страстей должен стараться, как бы подобные случаи так живо слушателям в слове изобразить, чтобы они предлагаемое дело как перед глазами ясно видели.

§ 101

Сии суть общие правила, учащие возбуждению и утолению страстей. Им следуют правила особливые о знатнейших страстях, которые от риторов чаще других употреблены бывают. Из них мягкие и нежные суть радость, любовь, надежда, милосердие, честь или любочестие и стыд. Напротив того, печаль, ненависть, гнев, отчаяние, раскаяние и зависть суть жестокие и сильные страсти. Прочие между сильными и нежными посредственны.

§ 102

Радость есть душевное услаждение в рассуждении настоящего добра, подлинного или мнимого. Сия страсть имеет три степени. В самом начале производит немалое, однако свободное движение и играние крови, скакание, плескание, смеяние. Но как несколько утихнет, тогда переменяется в веселие, и последует некоторое распространение сердца, взор приятный и лицо веселое. Напоследи, как уже веселие успокоится, наступает удовольствие мыслей и перестают все чрезвычайные в теле перемены.

§ 103

К возбуждению радости в слушателях должно представить: 1) что они великое добро или много оного получили; 2) что оное полученное добро есть то, которое они любят; 3) что они того долго искали; 4) притом предложить употребленные на снискание оного

труды, попечения и беды, которых воспоминание всегда приятно бывает; 5) упомянуть, что того добра другие желали, но не получили; 6) что неприятели слушателей в том им завидуют и весьма печальны, ибо о печали недругов натурально радуемся; 7) ежели слушатели к приобретению оного добра показали, какие заслуги или искусство употребляли, то приложить к тому их похвалу, ибо всяк, слыша себя похваляема, радуется; 8) буде же по случаю или по милости великой особы получили, то должно сказать, что они того достойны; 9) представить, что полученное добро будет долговременно и безопасно.

§ 104

В сем случае должно употребить предложения, которыми обыкновенно слушатели увеселяются, то есть новые, неслыханные, полезные, словом чистым, мягким, витиеватым и наподобие весны цветущим. Надлежит высматривать склонность слушателей, чувствами ли они больше увеселяются или разумом; последних хотя и мало бывает, однако для них должно вмещать при возбуждении радости важные и ученые предложения. В рассуждении последних надобно смотреть, чем оне больше увеселяются, и по тому представлять им радость о данной материи.

§ 105

Примеров на все правила о сей страсти краткости ради не предлагаем, как и в описании других страстей поступаем, однако несколько избранных прикладов для удовольствия учащихся как здесь, так и у прочих присовокупляем. Цицерон по изгнании Катилины, возбуждая радость в римском народе, говорит: «Уже мы, наконец, римляне, Катилину, дерзостию бесящегося, беззаконием дышащего, язву на отечество злобно нанести хотящего, вам и граду сему мечем и пламенем грозящего, из града или извергнули, или выпустили, или хотя словами проводили. Выступил, ушел, вырвался, убежал. Ужасное сие чудовище уже никакого разорения стенам сим, в них же будучи, приуготовлять не будет. Нет сомнения, что мы сего внутренния войны предводителя победили. Меч сего злодея между нашими ребрами обращаться не будет. Ни в поле, ни на площади, ни в Сенате, ни в собственных наших домах его бояться не станем. Уже он искоренен, когда из града выгнан. Явно с ним, как с неприятелем, законную войну иметь будем. Без сомнения мы сего человека низложили и великолепно победили, когда его из коварного вора учинили явным разбойником. Но что он вынес не по желанию своему меч, еще не окровавленный, что, не убив нас, вышел, что ему оружие мы из рук исторгли, что он стоящий в целости град и невредимых граждан оставил, о том как вы чаете? Коликою печалию удручен, мучится? Лежит повержен, римляне, и часто, искосив глаза, оглядывается на сей город, о котором, из челюстей своих исхищенном, плачет. Но он, как видно, радуется, что изблевал толикую язву и вон извергнул».

В сем примере возбуждается радость больше чрез воспоминание прошедших бед и страху и чрез представление печали и зависти неприятельской, что мы в четвертом и шестом правиле (§ 103) показываем. Но довольно всяк видеть может пример и силу к возбуждению сея страсти в прекрасном слове Златоустого на святую Пасху, печатанном в службе на сей великий день.

§ 106

Радости противная страсть есть печаль, которая состоит в жестокой скуке о настоящем зле, и так происходит она, когда в уме представляется лишение великого добра или терпение великого несчастия. Для того, ежели кто хочет в слушателях печаль возбудить, то должен он представить, 1) что они великое, нужное и полезное добро потеряли; 2) потеряли то, что они любили; 3) чего толь долго искали; 4) для чего столько трудов и попечения положено и бед претерплено; 5) потеряли то, что прежде у других с трудом перехватили; 6) что неприятели их о том радуются; 7) что того несчастия давно было должно остерегаться, однако оно небрежением их учинилось, и что уже о том стараться поздно; 8) представить те времена и места, в которые и на которых они добром тем увеселялись; 9) припомнить посторонние обстоятельства, которые, соединившись с потерянным добром, их радость умножали; 10) упомянуть о признаках, которые оное несчастие предвозвещали. Пример предлагается из надгробного слова маршалу французскому де Тюренну, которое говорил Флешье, епископ Низмский:

Едва не прихожу в замешательство и едва могу слово выговорить. Тюренн умер! Все пришло в беспорядок: счастие колеблется, победа утружденна, мир отделяется, добрые намерения союзников ослабевают, храбрость солдатская печалию угнетается и купно ободряется мщением. Весь стан стоит неподвижно. Раненые больше думают о сей великой утрате, нежели о своих ранах. Умирающие отцы посылают сынов своих оплакивать усопшего своего генерала и прочая.

§ 107

Печали следует утешение, в котором представляются средствия, печаль утоляющие. Для сего должно представлять слушателям: 1) что им за потеряние оного добра другое возвратится, равное или еще большее; 2) что от лишения оного будет им честь или вечная слава; 3) что они имеют в той печали себе товарищей; 4) что жизнь человеческая таким переменам подвержена и что большие, знатнейшие и сильнейшие то же часто претерпевают; 5) что в печали великодушие весьма похвально; 6) что печалью и сокрушением потерянного добра возвратить невозможно; 7) особливо должно ободрять надеждою, о чем ниже предлагается. Пример утешения к сродственникам убиенных на войне солдатов из 14-го слова Цицеронова против Антония: «Преславное дело с вами учинилось, прехрабрые в жизни, а ныне блаженнейшие воины, что ваше мужество

ни забвением ныне живущих, ни молчанием потомков не помрачится, ибо знак бессмертной памяти вашей почти своими руками построил Сенат и народ римский. Часто многие воинства во время карфагенских, галльских и италийских браней были славны и велики, однако некоторым толь великая честь воздана не бывала. О, дабы мы воздать вам могли еще больше, ибо мы от вас превеликое благодеяние получили! Вы бесящегося Антония от града отвратили, вы силящегося паки на нас возвратиться отогнали. За сие построим вам великолепную громаду с надписанием о божественном вашем мужестве, свидетельствущем вовеки. Никогда не умолкнет о вас сладчайшая беседа видящих вашу гробницу или об ней слышащих. Так вы за временную жизнь бессмертия достигли! Но понеже, господа сенаторы, в славу добрым и мужественным гражданам воздаем публичный знак памяти, то должно утешать и их сродников, которым лучшее всех утешение есть сие: родителям, что толиких защитителей отечества родили, детям, что имеют домашние примеры мужества, женам, что оне таких мужей лишились, которых больше должно хвалить, нежели оплакивать, братьям, что они как лицом, так и мужеством им подобными быть надеяться могут. О, дабы всем сим могли мы приговорами и советами нашими отереть слезы или бы можно было употребить такое всенародное слово, для которого бы радовались о том, что хотя род человеческий различным смертям подвержен, однако ближним их прекраснейшая приключилась».

§ 108

Любовь есть склонность духа к другому кому, чтобы из его благополучия иметь услаждение. Сия страсть по справедливости назваться может мать других страстей, ибо часто для любви веселимся, плачем, уповаем, боимся, жалеем, стыдимся, раскаиваемся и прочая. Любовь сильна, как молния, но без грому проницает, и самые сильные ея удары приятны. Когда ритор сию страсть в послушателях возбудит, то уже он в прочем над ними торжествовать может.

§ 109

Возбуждать любовь к слушателям должен ритор таким образом: 1) представить надлежит, что человек, о котором слово, весьма добродетелен, где добродетели его обстоятельно и живо описать должно, а особливо показать, что он доброго и честного нраву; 2) объявить оного взаимную к ним любовь, ибо мы любящих нас обыкновенно любим; 3) склонность и любовь двоих к одной вещи между ими любовь рождает, для того и сие представлять должно; 4) показывать подобие оного с ними, ибо подобные подобных и любят; 5) сказать, что он купно с ними радуется о счастии, печалится о несчастии; 6) что часто с ними бывал в однех случаях и обстоятельствах; 7) что они получили от него благодеяние или впредь того ожи-

дать должны; 8) что он приятен в обходительстве и ведет себя честно; 9) что их за очи хвалит; 10) что никого не осуждает и не переговаривает; 11) что никогда не злобствует и обид, себе учиненных, не помнит; 12) что гневным уступает; 13) что удивляется знатным их делам; 14) что, в одном с ними деле упражняясь, им же подражает, не для того чтобы их превзойти, но только чтобы им последовать; 15) что открывает им свои тайны и поступает нескрытно; 16) что в дружбе поступает верно, в очи и за очи, в счастье и несчастье; 17) что их почитает; 18) удостоверить, что его не должно бояться, ибо любовь и боязнь вместе быть не могут; 19) что их сродники и приятели в любви его содержали или содержат; 20) предложить о его искусстве и о науке. Цицерон в слове за Архию-стихотворца, возбуждая к нему любовь в судиях, говорит: «Коль часто я видал, что он, не написав ни единого слова, множество прекрасных стихов, не готовясь, говорил о той вещи, которая тогда была в действии? Коль часто, возобновив то же другими словами и речами, при мне говаривал? Но что он, надумавшись, с рачением писал, оное так одобряли, что и древних писателей похвалы почитали быть достойным. Сего ли мне не любить? Сему ли не удивляться? Сего ли не защищать мне всеми силами? Мы прияли от великих и ученых мужей, что другие науки состоят в правилах и в учении, но стихотворцы от натуры силою ума бодры и якобы некоторым божественным духом вдохновенны бывают. И для того по справедливости наш Енний стихотворцев называет священными, ибо кажется, что они даются нам как некоторое божие дарование. Итак, почитайте, вы, судии, вы, люди учтивейшие, имя стихотворца свято, которого никогда и варвары не озлобляли. Камни и пустыни гласу их ответствуют, свирепые звери часто пением склоняются и удержаны бывают, то нам ли, наученным добрым нравам, не почувствовать гласа стихотворцев? Гомера колофоняна гражданином своим называют, хиана себе присвояют, саламиняна того же требуют, смирняна в том утверждают, что он их собственный, и для того капище в честь его в своем городе построили. Сверх сего многие другие о нем прение имеют. Итак, когда они чужого и уже по смерти в свое гражданство принять желают, для того что он был стихотворец, то нам ли надлежит сего гражданина отвергнуть, который по своему произволению и по законам наш есть, а особливо, что Архия прежде сего свое рачение и все свое остроумие употребил на возвышение славы и на похвалу римского народа?»

§ 110

Сей страсти противна ненависть, которая рождается из многих противных и неприятных свойств или действий, в ком-нибудь примеченных. Посему, ежели кто хочет возбудить против кого-нибудь ненависть, то должен он показать, какие в нем есть недостатки, как он зол, вредителен, нечистив, неправнодушен и прочая (смотри § 9). Однем словом, можно предложить все противное тому, что показано к возбуждению любви; например, Златоуст, возбуждая ненависть

против неправильной клятвы, говорит: «И как я прежде вас просил, чтобы, усеченную главу Иоаннову, теплую кровь еще изливающую, взяв, каждый из вас в дом свой возвратился и думал бы, что она пред его очами глас свой испускает и вопиет: имейте в ненависти клятву моего убийцы; чего обличение не учинило, то учинила клятва, и чего не мог гнев мучительский, то произвела боязнь клятвопреступления. Когда пред всем народом был обличаем, обличение великодушно стерпел мучитель, но, когда обязал себя клятвою, тогда блаженную ту главу усекнул. Итак, о сем прошу и просить не престану, чтобы мы, куда только пойдем, повсюду главу сию с собою носили и всем бы показывали вопиющую и клятву укоряющую».

§ 111

Надежда есть услаждение о получении будущего добра. Движением сея страсти бедные утешаются и ободряются ослабевшие. Ритор, когда оную в ком возбудить хочет, то должен он представить: 1) что оное добро получить возможно; 2) что в получении оного хотя есть препятствия и затруднения, однако преодолеть их не весьма трудно; 3) что к получению оного есть довольные способы; 4) что есть примеры, как другие прежде подобным образом то же достали или он и сам прежде сего получал; 5) что время, место или обстоятельства к тому способны; 6) что есть признаки божией помощи, на которую уповать должно. У Тацита, в житии Агриколы, Галгак, ободряя солдатов своих к получению победы, говорит: «Не устрашайтесь тщетного вида и сияющего серебра и золота, которое не вредит и не ранит. Середи самых неприятелей найдем наших помощников. Британцы узнают, что мы за них воюем. Галлы вспомнят прежнюю свою вольность, оставят их и прочие германцы, равно как недавно узипияна от них отступили. Больше сего нет никакого страху: крепости пусты, переведенцы все старые люди. Между владеющими неправедно и невольно повинующимися нет ни бодрости, ни согласия».

И Димосфен в первом слове против Филиппа: «Того ради, афинеане, ежели вы впредь так поступать будете, чего вы прежде сего отнюдь не делали, ежели каждый из вас без умедления и без обегания для пользы республики тем спомоществовать будет, чего нужда требует и кто сколько может: богатые довольными вспомогательными деньгами, молодые люди военною службою, и, словом сказать, ежели вы впредь употреблять будете собственные ваши силы и перестанете на других надеяться, которые между тем одне воевать должны, когда вы дремлете, то с помощию божею все свое вскоре возвратите, что вы небрежением потеряли, и своим неприятелем по желанию вашему отмстить можете. Не думайте, афинеане, что Филипп был бог, которому неотменно всегда счастие служить будет, и что его благополучие не переменилось. Нет, афинеане, есть такие люди, которые его ненавидят, боятся и ему завидуют, и еще между теми, которые ныне себя приятельми показывают».

Так же Александр Великий ободряет своих солдатов у Курция, в книге 6: «Коль удобнее низложить еще устрашенного и едва ум свой имеющего неприятеля! Только на четыре дни пути нам осталось, тем, которые перешли столько снегов, через столько рек переправились, столько верхов высоких гор преодолели. Не удержало нас оное море, которое, наводнившись волнами своими, путь покрывает. Не заключил нас и узкий проход Киликийский. Все нам открыто и отворено. Стоим в преддверии у самой победы, и только немногие беглецы и убийцы государя своего остались».

§ 112

Противная надежде страсть — боязнь есть скука от ожидания приближающегося зла. Итак, ежели кого в боязнь привести хочешь, то должно представить: 1) такие приближающиеся вещи, от которых смерть приключается, как гром, пожары, наводнения, звери, неприятельские нападения, язва, мор, трясение земли, бури и прочая; или 2) которые великую печаль наводят, как лишение родителей, супругов, детей, богатства, чести, также поношение, наказание, темница, заточение и прочая; 3) сказать, что есть приходящего зла признаки или предзнаменования, как кометы и другие чрезвычайные явления на небе, сновидения и прочая; 4) особливо смотреть, чтобы представить опасность в том, кто что больше любит, ибо сие место очень мягко и самому легкому движению уступает; 5) предложить примеры, как другие в том пострадали; 6) что наступающее зло еще не имеет себе подобных; 7) что с ним другие беды соединены; 8) что силы столько не будет оное вытерпеть; 9) что оное зло весьма долго не окончится; 10) что его уже отвратить нельзя; 11) что к тому способствуют те, которые во всем власть имеют и притом озлоблены; 12) ежели боязнь состоит в сомнительном получении желаемой вещи, которой также и другие ищут, то предложить, что они к получению оной сильнее и лучше способы имеют. Мозгейм, рассуждая о смерти, говорит: «День приближается, в который я уже не буду господин тому, что ныне имею, и с досадою увижу, что я семена свои для других посеял. Скоро, скоро пойму ясно, что располагал я богатством, которое есть не мое собственное, и что заемные пожитки называл своими. Час придет, и кто знает: коль скоро? Час придет, когда я любезнейшим моим буду причиною страха, печали, тесноты и плача. Каково мне на сердце будет, когда моя вдова, мои сироты, мои сродники и мои откровенные друзья станут около моей постели и то о себе, то обо мне и о моей скорби плакать станут? Как возмогу я стерпеть взгляды и слезы тех, которые для моего отлучения, может быть, в бедности останутся? Теперь живу я в радости и наслаждаюсь богатством сего света. Но время приближается, в которое от всех роскошей отвращение иметь буду. День недалече, в который, может быть, нынешние мои забавы умножат мое мучение и неспокойство. Как стерплю я таковое состояние? Каково мне тогда будет, когда от меня врач скрывать, а служитель слова божия ясно смерть предвозвещать станет? Что тогда буду я думать, когда мне объявят, что я уже должен от сего света отказаться, позабыть свою честь, сложить чины и только помышлять об одной вечности? И как я готов буду, когда мне скажут, что час уже при дверях, в который бог меня судить станет? О господи! Коль страшно предстоять пред твоим престолом! О господи! Како трепещет естество человеческое, когда о твоем взоре помышляет, который отнюдь мрака не причастен? О господи! Како грешник возмущен будет, который нечист от чрева матери своея, на сем свете не стяжал себе ничего, кроме беззаконий, когда пред престолом твоим поставлен будет, на котором седит правосудие и святость?»

§ 113

Гневом называется великая скука, нанесенная досадою или обидою и соединенная с ненавистью того, кто обидел. Сия страсть напрягается, когда стыд, раскаяние, страх или отчаяние с нею соединены будут по обстоятельствам; в высокой своей степени называется яростию. Когда ритор в ком сию страсть против кого-нибудь возбудить хочет, должен он представить: 1) что ему от того нанесена великая беда, обида или досада; 2) что он притом еще его презирает и осмехает; 3) что тою учиненною им обидою хвастает; 4) что грозится еще и впредь больше изобидеть; 5) что от него чинятся во всех добрых предприятиях препятствия; 6) или ежели он подчинен, то показать, что чинятся от него преслушания и пустые отговорки; 7) буде же власть имеет, то сказать, что он незаконно и неправильно повелевает и излишно трудами отягощает; или 8) что обида учинилась от того, от кого оной надеяться не можно было по сродству или по дружеству; 9) что оная обида нанесена вместо благодарения за учиненные благодеяния; 10) или что она касается до тех, кого он любит; 11) что учинена от такого, кто много хуже породою, чином, учением, заслугами или возрастом и летами; 12) что тот, кому нанесена обида, много честнее и достойнее того, кто изобидел; 13) что сия обида и другим, которые хуже его, была бы нестерпима; 14) что и меньшей обиды снести невозможно; 15) ежели сему обидчику уступить, то и другие, на него смотря, нападать станут; 16) ежели бы в его силе было, то бы он еще и больше изобидел; 17) также на гнев побуждает представление о непочтении; 18) или ежели кто радуется о чьем несчастии; 19) либо кто ругается тем, чего другой с великим трудом доступает; 20) сердимся и на тех, которые нерадостную весть приносят. В пример служить может Демосфеново побуждение на гнев афинеян в первом слове против Филиппа: «Вы видите, что делается, афинеяна, и сколь предерзостен стал человек сей. Он не дает вам воли ни войны иметь, ни мира, но угрожает гордыми словами. Он тем недоволен, что уже имеет, но предприемлет еще большие дела и окружает вас сетьми своими в нерадении вашем и непроворстве».

И Александр Великий, хотя солдат своих подвигнуть на гнев против Бесса, Дариева убийцы, говорит у Курция, в книге 6: «По-

грешили мы, любезные мои солдаты, ежели Дария для того только победили, чтобы холопу его отдать государство, который дерзнул учинить крайнее беззаконие и государя своего, уже от чужих помощи требующего, как пленника держал во узах, которого бы мы, победители, пощадили. Наконец убил, чтобы он нами сохранен не был. Сему ли вы царствовать попустите, которого я на виселице видеть поспешаю во отмщение нарушения верности за всех народов и государей?»

§ 114

Гневу противно сожаление или милосердие, которое есть скука для несчастия или бедности того, кому мы добра желаем, происходит от любви к тому, кто такое противное состояние терпеть принужден. Итак, для возбуждения сея страсти должно: 1) страждущего учинить любимым (по § 108); 2) бедное его состояние живо представить; 3) показать, что он такое зло терпит безвинно; 4) или по последней мере излишно страждет; 5) что с ним родители, жена и дети тоже сносить принуждены; 6) чтобы всяк по себе рассудил, ежели бы ему такое зло приключилось; 7) что он в вине своей признается и сожалеет; 8) что в том прощения просит, а впредь делать того не станет; 9) что он то сделал от нестерпимой досады в гневе; 10) что то учинилось ненарочно и не с умыслу; 11) что лета и возраст, то есть младенчество, молодость или старость, к тому привели; 12) что он другой надежды ко спасению не имеет. Сверх сего можно употреблять предложения, противные тем, которыми гнев возбуждается. Пример из Цицеронова слова за Лигария: «Когда ты сохранишь Лигария, кесарь, то сделаешь ты многим своим приятелям угождение. Притом рассуди еще, о чем ты обыкновенно рассуждаешь. Я могу тебе представить сабинян, которым ты столь много веришь, и весь сабинский уезд, цвет Италии и крепость республики. Ты знаешь их довольно; то посмотри на всех их печаль и сокрушение. Сего Т.Броха, которого, не сомневаюсь, что почитаешь, видишь ты и с сыном его в слезах и в горести. Но что сказать еще о его братьях? Не думай, что сие дело до одной головы касается. Три Лигария должно тебе удержать в городе или три искоренить из оного. Всякая ссылка вожделеннее им будет дому своего и отечества, ежели один сослан будет. Итак, когда они в сем по-братски благочестиво и толь печально поступают, то умилосердись над их слезами, над их добродетелью и над братской их любовию. Ежели ты его помилуешь, то три предобрые и беспорочнейшие братья не токмо сами друг другу, не токмо сим присутствующим толиким сановитым мужам, не токмо нам, ближним их сродникам, но и всей республике тобою подарены будут».

Уликс, утоляя гнев Ахиллесов на Агамемнона, налив чашу вина и хотя пить, говорит у Гомера, в «Илиаде», Иота:

За здравие твое. Мы как бы у Атрида;
Твоею, Ахиллес, здесь пищею довольны.
Ты нас столом своим довольно угостил.

Не ради пиршества к тебе мы нынь пришли:
Нас греческих полков погибель устрашает,
И наши корабли едва ли уцелеют.
Уже тебе пора во крепость облещись:
Трояна близ судов поставили свой стан,
И их союзники зажгли в полках огни,
Грозятся купно все, что с брегу не отступят,
Пока до кораблей ахейских не достигнут,
И, грянув, сам Зевес дает им добрый знак.
Надеясь на него, Приямов храбрый сын
В ужасной ярости всех греков презирает
И в бешенстве своем богов не почитает.
Желает, чтоб заря скорее началась,
И хвастает отсечь все носы у судов,
И флот весь истребить, возжегши хищный пламень,
И греков всех убить, смятенных в мрачном дыме.
Сего весьма страшусь, и чтоб сему Зевес
Так быть не попустил, и не судил бы рок
Под Троей умереть далече от Еллады.
Как если хочешь ты, то стань за нас хоть поздно
И греческих сынов избавь от сей беды.
Ты будешь сам тужить, как нам случится зло,
И рад бы пособить, да способов не будет.
Подумай, чтобы нынь избыть от злой годины.
Приятель, вспомни, что родитель приказал,
В который день тебя к Атриду посылал:
Дадут тебе, сказал, Юнона и Минерва
Победу на врагов, ты будь великодушен.
Всего похвальнее добросердечным быть.
Блюдись всегда вражды и ссоры начинать,
То будут тебя чтить и стары, и младые.
Он так тебя учил, а ты позабываешь.
Покинь свой лютый гнев и будь спокоен духом.
За то Агамемнон почтит тебя дарами.

§ 115

Честь или честолюбие есть услаждение добрым мнением, которое об нас люди имеют. Сия страсть рождается, когда кому честь как нечто особливое и великое представлена бывает, и после того показывается, что он такую честь имеет. Итак, ежели понадобится возбудить в ком честолюбие, то надлежит: 1) похвалить его поступки и по обстоятельствам, по времени и по месту оные увеличить; 2) в некоторых пристойных вещах можно его предпочтить другим, ему равным; 3) упомянуть, что почтение есть самое лучшее награждение великодушия и благородного поведения; 4) что все великие люди честь и похвалу любили; 5) что без сей страсти не чинились бы на свете знатные предприятия, и великие дела к концу бы не приходили; 6) и для того ничего нет, что бы толь велико и трудно было, чего бы честолюбивый не мог привести в состояние. Так возбуждает сию страсть Цицерон в слове за Архию-стихотворца: «Что я во время своего консульства купно с вами для благополучия сего града и правления, к сохранению граждан и для пользы всей республики учинил, тое начал сей Архия стихами описывать. И коль

скоро я о том уведомился, советовал ему в оном далее простираться, для того что сие казалось мне важно и приятно. Добродетель не требует никакого иного награждения, кроме похвалы и чести. Ежели сих не будет, то какая в том и прибыль, что мы в жизни сей толикими трудами отягощаемся? И по правде, ежели мы предбудущего ничего видеть не можем и ежели конец жития нашего всем нашим помышлениям предел полагает, то не почто бы удручать себя толикими трудами и мучить толикими бедами, в ночь сна лишаться и повергать жизнь свою в бедствия. Однако во всякой благородной душе есть некоторая потаенная сила, которая днем и ночью сердце на честь побуждает и ободряет и всегда сие на память приводит, что воспоминание своего имени не должно окончать с жизнию, но оное распростерть до самых позднейших потомков.

Или мы все толь малодушны, которые в республике, в уголовных бедах и трудах обращаемся и даже до последнего часа в тишине и в покое отдохнуть не можем, или мы все думаем, что все умрет купно с нами? Когда истуканные изображения, которые не души, но тела подобие представляют, многие великие люди по себе оставить старались, то не больше ли нам должно стараться, чтобы оставить по себе изображение ума и добродетелей наших, составленное и красноречием украшенное от людей, в том искусных?»

§ 116

Стыд есть немалая скука от худа, которое кто на себе имеет и которое другим известно. И так происходит он, когда кто о своих недостатках рассуждает или о худых своих поступках, которые людям известны. Посему для возбуждения сея страсти должно представить, 1) кто что на себе худо имеет или что непристойное сделал, 2) показать, что другие, которые много хуже, того на себе не имеют или не делают, 3) что он от своих предков в том далече остался и еще, может быть, впредь много хуже будет, 4) что об нем другие весьма худое мнение имеют и в том осуждают, 5) что в том ему уже извиниться нельзя, для того что оное дело всем очевидное, 6) и ежели положить, чтобы того никто не знал, то надобно, однако, и своей совести стыдиться, 7) а особливо от того утаиться нельзя, кто знает сердца и помышления человеческие, 8) еще для приведения в больший стыд можно сказать, что про то знают люди разумные и знатные или для своей старости почтенные. Так, Нуман приводит в стыд троян, приехавших с Енеем в Италию, у Вергилия в Енеиде, книга 9:

Не стыдно ли уж вам в осаде снова
И смерти ждать в стенах? вы дважды взяты в Трое.
Улисса нет у нас, у нас Атридов нет.

* * *

Жестокий наш народ от роскоши бежит,
Мы хладною водой младенцев укрепляем,
Подрослые в лесах всегда зверей гоняют.

* * *

Но вас багряная одежда украшает,
Вы любите плясать и в роскошь отдаваться.

* * *

Подите по горам Диндимским за свирельми:
Венера вас зовет тимпаном и трубами;
Оружие свое мужчинам, нам отдайте.

§ 117

Зависть есть скука, которая происходит от благополучия того, кого мы ненавидим. Сию страсть хотя не надлежит ритору как человеку, добрым делам и нравам учащему, в слушателях возбуждать, однако способы к движению оныя знать надобно тем, которые хотят кого-нибудь описать, в других зависть возбуждающего, или кого завидующего представить. Для себя предлагают: 1) что тот человек (на которого зависть подвигнуть должно), хотя ему (в ком зависть возбуждать надлежит) летами, породою или искусством, либо заслугами равен, или еще и меньше, однако много большее награждение, похвалу или чин имеет; 2) что, хотя он искал богатства, чести или какого-нибудь добра, однако другой у него перехватил; 3) что другой в кратком времени стал толь счастлив; 4) что другого честь — утрата его славы и другого прибыток есть его убыток; 5) что его добро другому достается; 6) что кому он желает несчастия, тому счастие приключилось. Алекта, возбуждая зависть в Турне, короле рутулском, к Енею, говорит у Вергилия в Енеиде, книга 7:

Что? Разве ты понес, о Турн, труды вотще?
Уступишь ты свой скиптр троянским беглецам?
Латин уж не тебе, но им отдать намерен,
Лавинию свою, придано и наследство,
Что все ты заслужил сам кровию своей.

§ 118

Зависти сродна есть ревность и разнится от ней в том, что завидующий желает, дабы другой не имел того или такого же добра, какого он желает или имеет, а ревнующий желает только, чтобы и себе получить такое же посильное добро, какое другой имеет. Посему ревность есть похвальна, а зависть, напротив того, за порок почитается. Кто ревность в ком возбудить хочет, должен представить: 1) что он достоин того же добра, что другой имеет; 2) что ему будет стыдно, ежели он того же не получит; 3) что предки или родители его то же имели; 4) что ревность возводит на высокие степени достоинства, приобретает богатство и бессмертную славу; 5) что ревновать не зазорно такой особе, которая его не хуже или еще и лучше; 6) что к оной особе, и другие не хуже его ревность имеют. Противно сей страсти есть презрение и возбуждается противными представлениями вышепоказанным. Цицерон о ритore к Бруту приводит сему пример из потерянной своей речи за Корне-

лия: «Не привлекает меня богатство, чем всех Африканов и Лелиев многие продаваемые рабы и купцы превзошли, ни платье, ни резное серебро и золото, чем наших древних Маркеллов и Максимов многие сирские и египетские евнухи превысили, ни украшения градские, каковыми сей град и всю Италию Павел и Муммий наполнили, ибо они могли легко в том быть превышены от какого-нибудь делианина или сирина».

§ 119

Раскаяние есть скука, происшедшая от учиненного нами дела, которое мы после за злое почитаем. Итак, рождается оно, когда мы о наших худых поступках рассуждаем; для того, кто сию страсть в другом возбудить хочет, должен: 1) предложить обстоятельно все его худые дела; 2) что в сих делах запереться нельзя, для того что всем явны; 3) что он первый такое зло учинил или большее, нежели другие; 4) что от него не надеялись такого злого поступка; 5) что оное злое дело вредит больше ему, нежели другим; 6) что для того все люди от него отвращение имеют; 7) что следствия худых своих дел скоро он чувствовать будет; 8) что очень бы хорошо было, ежели бы то злое дело не учинилось. Цицерон, изобличая Катилину, говорит в первом против него слове: «Чего ожидаешь ты еще, Катилина, когда уже ни ночь злобных твоих сборов покрыть и голоса заговору твоего, ни стены приватного дому удержать не могут, когда уже все ясно и наружу вышло? Перемени свои мысли, поверь мне, позабудь о убийстве и о зажжении. Со всех ты сторон пойман. Все твои предприятия яснее полуденного света. Что ты ни делаешь, что ни предприемлешь, что ни замышляешь, то все я не токмо слышу, но ясно вижу и почти руками щупаю. Вспомни со мною оную прошедшую ночь, то уразумеешь, что я тщательнее бодрствую для спасения республики, нежели ты для погубления оныя. Я сказываю всем явно, что ты прошлой ночи между косцами пришел в дом Марка Лекки, и собрались туда же многие согласники того же безумия и беззакония. Что? Не хочешь ли в том запереться? Что молчишь? Изобличу, ежели отрицаться станешь, ибо я вижу некоторых и здесь в Сенате, которые с тобой вместе были. О вы, бессмертные боги! В каком мы теперь народе? В каком мы живем городе? Какую республику имеем? Здесь, здесь между нами, господа сенаторы, в сем преименитом и святейшем всего земного круга совете есть такие люди, которые думают погубить меня и всех нас, истребить сей град и, следовательно, всю вселенную. Сих я, консул, вижу и от республики прошу приговора, и которых мечом погубить долженствовало, тех ниже словом уязвляю. Итак, был ты, Катилина, у Лекки в доме, разделил Италию на части, положил по своему хотению, куда кому идти, выбрал, кому в Риме остаться и кого с собою вывесть, расписал части града к зажжению. В таких обстоятельствах, Катилина, поступай далее в начатом твоем деле, выйди наконец из города; ворота отворены, поезжай; уже чрез меру долго ожидает манлианское войско тебя, своего предводителя; выведи с собою всех своих сообщников или хотя большую часть оных, очисти город; от великого меня избавишь страху, сколь скоро между мною и тобою стена будет; с нами быть тебе больше невозможно. Не снесу, не стерплю, не попущу».

§ 120

Прочие страсти обстоятельно и особливо не предлагаются здесь, для того что 1) возбуждаются оне по большой части чрез вышепоказанные, как желание — чрез возбуждение любви и надежды, отвращение — движением ненависти и боязни, 2) что не толь часто у авторов употребительны. Итак, остается еще упомянуть о смехе и о слезах. Первое происходит от представления таких вещей, которые в себе прекословие заключают, то есть которые в натуре быть не могут или нравам и обыкновениям человеческим весьма противны и общему понятию странны кажутся, как:

О волк, овец изрядный пастырь! —

о чем смотреть должно в третией главе вторыя части сея книги, также и в следующей главе сея части. Возбуждают авторы смех особливо в комедиях, сатирах и эпиграммах, где главное и нужное сего употребление. Но в прозаичном, а особливо в важном слове должно оного остерегаться и не употреблять, как только соединив с некоторою осанкою и удаляясь от подлости, в чем Цицерон имел великое искусство. Пример из его слова за Мурену о стоическом учении: «Понеже сие слово предлагаем не перед простым народом, не в собрании сельских людей, для того несколько посмеляе о нравоучении поговорим то, что вам и мне приятно. Преизящные и божественные добродетели, которые мы видим в Марке Катоне, за собственные его почитайте, но примеченные в нем недостатки не от натуры, но от учителя происходят. Был некто превеликого остроумия человек, именем Зенон. Ревнители его изобретений называются стоики. Мнения и законы его таковы суть: не должно премудрому склоняться на милость, никому не прощать в преступлении. Никто не может быть милостив, кроме безумных и легкомысленных. Мужу неприлично удерживать гнев и на просьбу склоняться. Одне премудрые суть прекрасны, ежели они изуверы; богаты, ежели отнюдь ничего не имеют; короли, ежели живут в порабощении, а нас, непремудрых, называют они беглецами, ссыльными, неприятельми и безумными. Все согрешения у них суть равны; всякий порок ставят за превеликое беззаконие. У них не за меньшее преступление почитается, когда кто убьет петуха без нужды, нежели кто отца своего удавит. Премудрый ничего не чает, ни в чем раскаяния не имеет, ни в чем не обманывается, никогда мнения своего не переменяет.

На сие, как говорят, сказал Катон такие слова: Bone deus quam ridiculum habemus consulem! (Боже мой, коль смешного имеем мы консула!). Также, хотя Квинтилиан и другого о сем мнения, то есть чтоб важное слово насмешества в себе не имело, и говорит: Plerique Demostheni facultaten huius rei defuisse credunt, Ciceroni modum (Мно-

гие верят, что Демосфен не имел к тому натуральной склонности, а Цицерон — меры), однако в сем Цицерона оправить должно, для того что иногда насмешество много больше действует, нежели самая важная речь, как Гораций говорит:

..... idiculum acri
Fortius et melius magnas plerumque secat res.
(Насмешка остротой скорее проницает
И знатные дела свободно пресекает)».

§ 121

Слезы слушателей суть похвала риторов, которую, однако, немногие получают, ибо к сему не одно токмо сильное и сердца человеческия преклоняющее красноречие приводит, но не меньше того свойства и вид самого ритора, обстоятельства, время, место и состояние самой предлагаемой материи действуют. Хотя краткое слово Флавия, епископа антиохийского, предложенное к Аркадию, греческому императору, для испрошения оному городу прощения состоит из важных и сердце человеческое движущих идей, как то Златоуст изображает в одном слове к народу антиохийскому, однако помянутый государь не меньше побужден был к слезам плачевным видом того, сединами украшенного и слезами обливающегося архиерея, нежели жалостными его словами.

§ 122

Часто с немалым успехом для движения одной страсти возбуждают риторы другую, как: для радости — надежду или честолюбие, для печали — боязнь или стыд, для милосердия — любовь и прочая. Цицерон в последнем слове против Верреса, чтобы на него возбудить гнев в судьях, движет в них милосердие к Гавию, которого Веррес в Сицилии мучил: «Били розгами середи мессинской площади гражданина римского. Между тем никакого стенания, никакого крику от бедного сего человека не было слышно, кроме сего: Я — римский гражданин. Он чаял, что воспоминанием сего гражданства отвратит все удары и отторгнет все мучения от своего тела. Но чрез сие не токмо не получил себе никакой помощи, но, еще когда часто призывал в помощь и употреблял имя сего града, сверх того виселицу приуготовляли несчастливому и оскорбленному сему человеку, который никогда не видал такой власти. О, сладчайшее имя вольности! О, преизящнейшее право нашего града! и прочая».

И Уликс у Гомера, приводя Ахиллеса к милосердию, возбуждает в нем гнев против Гектора и других троян, что смотри в § 114.

§ 123

К утолению страстей служат еще сверх вышепоказанного (§ 99) следующие два правила: 1) каждая страсть имеет себе противную; то для утоления оныя сию возбудить должно, и так противное от противного уничтожится; таким образом, печаль утолить можно

возбуждением радости, любовь — возбуждением ненависти и прочая; 2) каждую страсть можно представить силлогизмом и потом одну или обе посылки опровергнуть, например, кто радуется, тот думает так: кто такую вещь получил, тот нажил великое добро и посему имеет причину, чтобы радоваться, но я такую вещь получил, следовательно, имею великое добро, и потому мне радоваться должно. Здесь надлежит показать, что в оной вещи нет никакого добра или оно весьма мало, или хотя бы оно подлинно было, однако он того не имеет, или оно ненадежно.

§ 124

Предложенными о движении и утолении страстей правилами следует учение о том, как себя или кого-нибудь другого представить страстным, что весьма нередко употребляют сочинители слова. Немало служит сие и к возбуждению и утолению страстей, ибо кто хочет в одном возбудить любовь или утолить ненависть, тот может представить и описать живо, как другой его любит, или кто хочет солдат своих возбудить к надежде и смелости, тот может изобразить, в какой робости неприятели их находятся. Или, возбуждая радость, представить неприятелей печальных, как Цицерон Катилину в слове 2.

§ 125

Правила, которые служат к изображению страстных людей, суть те же, по которым страсти возбуждены бывают, и вся разность в том состоит, что сочинитель слова, возбуждая страсти, слушателям показывает и внушает оных причины, а изображаемый страстный человек представляется так, что он свою страсть показывает, изъявляя те же причины, которые его в страсть приводят. Например, чтобы представить кого в радости, то должно сказать: 1) как он тем услаждается, что получил великое добро; 2) а особливо, что он оное любил и ныне любит; 3) как он в радости воспоминает положенные труды, преодоленные препятства и беды в снискании оного; 4) как ему то приятно, что он сие добро один получил, хотя и другие то же достать старались, и прочая (смотри § 103). Амвросий святый, изъявляя печаль и любовь о умершем брате своем Сатире, говорит в надгробном слове: «Я тебя, любезный мой брат, учинил наследником, но ты меня наследником оставил. Я тебя желал после себя в жизни оставить, но ты меня после себя жива покинул. Что мне, наследнику своего наследника? Что мне делать, оставшемуся после своей жизни? Что мне делать, лишившись света, которого желаю? О тебе ли мне, любезный мой брат, не жалеть? О тебе ли позабыть? Какое благодарение, какой дар тебе воздам? Кроме слез ничего не могу. Или, может быть, надеясь на свои заслуги, и слез не требуешь, которые мне одне остались, ибо еще при своей смерти запрещал ты о себе плакать и удостоверивал, что смерть тебе сноснее, нежели печаль наша. Имею себе залог, которого ни едино странствование от меня не отторгнет, имею оставшуюся для объятия плоть

твою, имею гроб, который телом своим покрою. О, дабы возмог я противу твоей смерти повергнуть свое тело! Когда бы мечи устремлялись на твое заколение, то бы я себя за тебя представил. Ничего не помогло мне почерпание последнего твоего дыхания, ни мои тебе, умирающему, вдохновения, ибо я чаял чрез сие восприятие в себя смерть твою или жизнь свою тебе вдохнуть».

Сенека представляет честолюбие Геркулесово в трагедии, называемой «Геркулес Етейский», таким образом:

Зевес, богов отец, его же сильный гром
Страшит восток, и юг, и дальний солнцев дом,
Я мир тебе принес, ты царствуй безопасно:
Что было на земли и в тартаре ужасно,
То все я сокрушил геройской сей рукой
И свету показал, что я рожден тобой.
Уж некуда тебе бросать гремящи стрелы;
Я спас от лютых бед вселенныя пределы.

И Калфурний в буколических своих стихах говорит в любовной страсти:

Ах, жалко! Без тебя лилеи почернели,
И ясные струи, и вина мне противны.
Но если придешь ты, лилеи побелеют,
И ясные струи, и вина будут сладки.

§ 126

В изображении страстного человека представляют при словах его купно и движение тела, как взгляды, махания и плескания руками, трясение членов и прочая, что дает великую живность слову и умножает силу красноречия. Так представляет Цицерон печального Катилину, о чем смотри в примере § 105:

«Лежит повержен, римляне, и часто, искосив глаза, оглядывается на сей город, о котором, из челюстей своих исхищенном, плачет».

И Овидий, представляя гневного Аякса в словопрении с Уликсом о оружии Ахиллесове, говорит в книге 13 о превращениях:

Он, гневом воспален, возвел свирепый взор
На Илионский брег, где гречески суда,
И, руки протянув, вскричал: «О, сильный Боже!
Пред флотом я в суде, и мне Уликс соперник!»

§ 127

Весьма возвышается слово смешением страстей, и для того славные авторы нередко представляют одного человека, двумя разными или и противными страстями объятого. Так, Вергилий изображает Дидону, королеву карфагенскую, одержимую яростию, раскаянием и отчаянием, при отъезде Енея, генерала троянского, в книге 4 своея Енеиды:

Уже всходя заря на землю сыплет блеск,
Восстав с багряного Тритонова одра.
Дидона на свету с высокого чертога
Узрела, что уж флот отходит парусами
И что на берегу матросов больше нет;
Ударила рукой в свою прекрасну грудь
И, волосы свои терзая, говорит:
О, боже мой! Уйдет пришлец сей насмеявшись?
Или не хочет град за ним бежать в погоню
И карфагенский флот ограбить их судов?
Расправьте парусы, с огнем гребите вслед.
Но что я говорю? Где я? И где мой разум?
Тебя нынь рок постиг, несчастлива Дидона!
Тогда б то говорить, когда давала скиптр.
Таков мне верен тот, что отческих богов
И в старости отца из пламени исхитил.
Не можно ль было мне терзать его на части,
Убить товарищей и сына умертвить
И члены бы его отцу поставить в снедь?
Но счастье на бою сомнительно. Да пусть бы,
Хотящей умереть кого уже бояться?
Зажгла б все корабли, и с сыном бы отца
Истнила, и сама поверглась бы на них.
О солнце, что на всю вселенную взираешь,
И знающая всю тоску мою, Юнона,
Прозерпина, и вы, о мстящие фурии,
И боги умереть желающей Дидоны!
Внемлите и мою услышьте днесь мольбу:
Когда Зевес судил, чтоб лютый сей злодей,
Достигнул до земли и до брегов Гесперских,
Что рок так положил и переменить не можно:
То пусть хотя его жестока мучит брань;
Изгнан и отлучен от сына своего,
Пусть просит помощи, зря злую смерть другов.
И как уж заключит поносный мир с врагами,
То пусть тогда, своим не насладився царством,
Не видев радости, безвременно падет
И будет посреди песку не погребен.
Сего прошу и дух мой с кровью проливаю.

У Сенеки Медея борется с двумя противными страстьми, со гневом и любовию к своим детям, которых она убить хочет за неверность отца их, Язона, следующим образом:

Умножь теперь свой гнев и будь бодра, как прежде,
И стары злы дела почти за добродетель.
Медея ныне я, и дерзость в зле растет,
Весьма полезно мне, что мной убит мой брат,
Что мной растерзан был и на пути разметан;
Полезно, что отец лишен руна златого.
Не знаю, что теперь злый дух мой умышляет
И сам себе едва представить ясно смеет.

* * *

К неслыханному злу рука моя готова.
Примите, дети, казнь за отческу неверность.
Трепещет грудь моя и члены цепенеют!
Отходит лютость прочь: я стала снова мать.
Ах! Как мне кровь пролить драгих своих детей?

* * *

Однако не мои, пускай уже погибнут.
Ах, нет, они мои! и ничему невинны!
Но равно, как они, и брат невинен был.
Что зыблешься, мой дух? И слезы что текут?
Любовь влечет в страну, а гнев влечет в другую.

* * *

Ко мне, дражайший плод, в объятия бегите:
Единых видит вас сей скорбный дом отраду.
Но ненависть кипит, болезнь воспламенилась,
И прежний гнев бодрит мои к убийству руки,
Я следую тебе, куда ни поведешь.

§ 128

О предложенных в сей главе правилах для возбуждения, утоления и изображения страстей может кто подумать, что они не происходят от общего источника изобретения, то есть от мест риторических, как учения, в прочих главах предложенные. Правда, что оне имеют свое основание на философском учении о нравах, однако причины, возбуждающие страсти, должно распространять из помянутых мест риторических, например: когда для возбуждения радости представить хочешь полученное великое добро, то можешь с похвалою предложить пространно его части (§ 57), описать лучшие материальные или жизненные свойства (§ 58 и 59), показать знатные его действия (§ 61) и из прочих мест увеличить и доказать его достоинство. И таким образом можешь поступать и в рассуждении прочих правил как при возбуждении, утолении или изображении сея, так и других страстей.

ПРОГРАММА

Смотреть на роскошь, преизобилующия натуры, когда она в приятные дни наступающего лета поля, леса и сады нежною зеленью покрывает и бесчисленными родами цветов украшает; когда текущие в источниках и реках ясные воды с тихим журчаньем к морям достигают и когда обремененную семенами землю то любезное солнечное сияние согревает, то прохлаждает дождя и росы благорастворенная влажность; слушать тонкий шум трепещущихся листов и внимать сладкое пение птиц есть чудное и чувства и дух восхищающее увеселение. Ожидать плодородия от полей и садов, в поте лица посеянных и насажденных, взирать на зыблющиеся желтые класы и на плоды, обременившие встви и руку господина своего, уже к себе привлекающие, есть сладчайшая и труд понесенный в забвение приводящая надежда. Собирать полные рукояти благословенныя жатва и зрелые плоды неповинною рукою и теми наполнять гумна и житницы свои вожделенное и без опасностию огражденное есть удовольствие. Но высшее всего, и сердце и ум наш к небу возводящее, спасительное есть дело представлять в уме своем непостижимое величество и непонятную премудрость всевышнего зиждителя, показавшего нам сие толь дивное позорище, сложенное из различных тварей на увеселение и пользу нашу, и за сие благодарить его щедроте.

Сии суть истинные блаженства рода человеческого и беспорочные преимущества, которыми хвалятся древние

NB ***С удовольствием и наслаждением читаешь эти поэтические строки, говорящие о глубоко чувственном восприятии окружающего мира великим ученым. И размышляешь... В наш прагматический век нужно ли воспитывать детей, подростков и юношей, способных к подобному восприятию?.. И возможно ли в городском ребенке воспитать ощущение непостижимого величия и красоты окружающего мира? Мира, в котором нет компьютера, «видика», плеера и пр.?***

Нужно! Иначе не будет острого чувства потребности защитить природу, сохранить эту красоту для детей и внуков.

Нужно! Ибо только красотой природы — нежной зеленью, тихим журчанием ясных вод, любезным солнечным сиянием — можно сохранить, развить и умножить заложенные в душе ребенка чистые и светлые чувства человеческие.

А как это сделать, используя в том числе и «видео», и плеер, давайте подумаем...

веки, успокоившие первых обитателей вселенныя и которыми, может быть, и ныне некоторые, препровождая неповинную и безмятежную жизнь, услаждаются.

Но хотя они толь приятны, вожделенны, полезны и святы, однако могут приведены быть в несравненно высшее достоинство, чего должно искать в подробном познании свойств и причин самих вещей, от которых сии блаженства и преимущества происходят. Кто, разобрав часы, усмотрел изрядные и приятные фигуры частей, пристойное их расположение, взаимный союз и самую причину движения, не больше ли веселится их красотою, не надежнее ли чает в них постоянного движения, не безопаснее ли полагается на их показание времени, не вяще ли удивляется хитрому художеству и хвалит самого мастера, нежели тот, кто смотрит только на внешний вид сея машины, внутреннего строения не зная? Равным образом, кто знает свойства и смешение малейших частей, составляющих чувствительные тела, исследовал расположение органов и движения законы, натуру видит как некоторую художницу, упражняющуюся перед ним без закрытия в своем искусстве, видит, как она почти умерщвленные от зимнего хладу древа весною паки оживляет, как обогащает лето жатвою и плодами и готовит семена к будущему времени, как день и ночь, зной и стужу умаляет и умножает, движет и удерживает ветры, дождь ниспускает, зажигает молнии и громом смертных устрашает, управляет течением вод и прочие удивительные действия производит; коль вящее увеселение имеет он перед тем, кто только на внешний вид вещей смотрит и вместо самих почти одну тень оных видит. Кто таковые мысленные рассуждения о натуральных вещах в гражданских или домостроительных предприятиях в действие производит, того надежда об оканчеваемых его делах тем тверже есть и увеселительнее, тем безопаснее и полнее есть его удовольствие по окончании оных, тем яснее видит он сокровенные силы рачительныя натуры в произведении самих оных вещей. Но кто притом представляет еще всесильного строителя и начальника натуры, взирает просвещенным и проницающим оком в сокровенные внутренности многообразных тварей, видит взаимным союзом соединенные и стройным чином расположенные их части, таинства иным несведомые, в которых непостижимая зиждителева премудрость тем великолепнее является, тем тончае есть оных строение, тот не токмо легкими крилами благоговения к небу восхищается, но и сам якобы в некое обожение приходит.

NB

Рассуждение ученого о пользе любознательности, его размышления о необходимости познания, стремление увидеть, понять, оценить явление, вновь и вновь наводят на мысли об одной из самых актуальных проблем современной школы — как пробудить у школьника заложенный от природы интерес к самому процессу узнавания, постижения истины, к необходимости задать вопросы не только «как?», «когда?», но и главный — «почему?». Как воспитать у ребенка потребность задавать эти вопросы, научить искать на них ответы.

Да! Сегодня, как и в XVIII в., одна из основных задач учителя — пробудить интерес, желание ученика ответить на вопрос «почему?».

Понимание интереса к научным изысканиям в области природных явлений наблюдается сейчас не только у молодежи России. Это, видимо, повсеместное явление в цивилизованных странах — обратная сторона технически развитых цивилизаций. Что в этом случае должна предпринимать школа? Поиск ответа на этот вопрос перейдет, видимо, в XXI в.

NB

Из сих всех явствует, что блаженства человеческие увеличены и в высшее достоинство приведены быть могут яснейшим и подробнейшим познанием натуры, которого источник есть натуральная философия, обще называемая физика. Она разделяет смешение, различает сложение частей, составляющих натуральные вещи, усматривает в них взаимные действия и союз, показывает оных причины, описывает непоколебимо утвержденные от создателя естественные уставы и в уме воображает, что от чувств наших долготою времени, дальностию расстояния или дебелостию великих тел закрыто или для безмерной тонкости оным не подвержено.

Сея толь полезныя и достохвальныя науки основанием суть надежные и достоверные опыты над разными телами и оных действиями, с надлежащею осторожностию учиненные, из которых выводят и поставляют мысленные физические предложения, показывают и доводами утверждают причины натуральных перемен и явлений. Для того приступающим к учению натуральной философии предлагаются в академиях прежде, как подлинное основание, самые опыты, посредством пристойных инструментов, и присовокупляют к ним самые ближние и из опытов непосредственно следующие теории.

Императорской Академии наук здесь присутствующие члены по узаконению премудрого ее основателя Петра Великого кроме обыкновенных трудов, которые от них полагаются на изыскание новых приращений в высоких науках, должны трудиться в наставлении молодых людей. По сему узаконению они в сей должности хотя и упражняются, однако их учения по сие время предлагались на чужих языках, и так купно и физические опыты в Академии наук на российском языке никогда толкованы не были. Но как уже в Академическое собрание некоторые российские профессоры вступили, то по указу Правительствующего Сената, Академии наук президент, ее императорского величества действительные камергер и кавалер, граф Кирила Григорьевич Разумовский, определил, чтобы тоя ж Академии член и профессор господин Ломоносов показывал публично физические опыты по сокращенной Вольфианской экспериментальной физике и оные бы толковал на российском языке, которые за помощию божиею начнет он в Академии наук, в физических камерах, сего июня 20 дня, пополудни, в начале третьего часа и будет оные показывать по дважды в неделю по вторникам и пятницам, по два часа на день.

Того ради императорская Академия наук желающих учиться натуральной философии на помянутые опыты призывает, ничего иного от них не желая, как только постоянного слушания.

Печатана в Санкт-Петербурге при императорской Академии наук июня 19 дня 1746 года.

СЛОВО О ПОЛЬЗЕ ХИМИИ, В ПУБЛИЧНОМ СОБРАНИИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК СЕНТЯБРЯ 6 ДНЯ 1751 ГОДА ГОВОРЕННОЕ МИХАЙЛОМ ЛОМОНОСОВЫМ

Рассуждая о благополучии жития человеческого, слушатели, не нахожу того совершеннее, как ежели приятными и беспорочными трудами пользу приносить. Ничто на земле смертному выше и благороднее дано быть не может, как упражнение, в котором красота и важность, отнимая чувствие тягостного труда, некоторою слабостию ободряет, которое, никого не оскорбляя, увеселяет неповинное сердце и, умножая других удовольствие, благодарностию оных возбуждает совершенную радость. Такое приятное, беспорочное и полезное упражнение где способнее, как в учении, сыскать можно? В нем открывается красота многообразных вещей и удивительная различность действий и свойств, чудным искусством и порядком от всевышнего устроенных и расположенных. Им обогащающийся никого не обидит затем, что неистощимое и всем обще предлежащее сокровище себе приобретает. В нем труды свои полагающий не токмо себе, но и целому обществу, а иногда и всему роду человеческому пользою служит. Все сие коль справедливо и коль много учение остроумием и трудами тщательных людей блаженство жития нашего умножает, ясно показывает состояние европейских жителей, снесенное со скитающимися в степях американских.

NB *Америка! Как поразительна ее история! Переняв философию, науку, искусство старой Европы, приняв на свою территорию тысячи и тысячи «не старых умом» европейцев, в течение двух веков Америка сумела на старом заимствованном фундаменте построить новое, во многих отношениях отличное от Европы процветающее государство. Этот пример, приведенный великим учителем, воспринимается нами как шутка. Вот уж действительно, ярчайшее подтверждение того, что с момента написания всех этих трудов прошло два века...*

Представьте разность обоих в мыслях ваших. Представьте, что один человек немногие нужнейшие в жизни вещи, всегда перед ним обращающиеся, только назвать умеет, другой не токмо всего, что земля, воздух и воды рождают, не токмо всего, что искусство произвело чрез многие веки, имена, свойства и достоинства языком изъясняет, но и чувствам нашим отнюдь не подверженные понятия ясно и живо словом изображает. Один выше числа перстов своих в счете происходить не умеет, другой не токмо через величину тягость без весу,

через тягость величину без меры познавает, не токмо на земли неприступных вещей расстояние издалека показать может, но и небесных светил ужасные отдаления, обширную огромность, быстротекущее движение и на всякое мгновение ока переменное положение определяет. Один лет своея жизни или краткого веку детей своих показать не знает, другой не токмо прошедших времен многоразличные и почти бесчисленные приключения, в натуре и в обществах бывшие по летам и месяцам располагает, но и многие будущие точно предвозвещает. Один, думая, что за лесом, в котором он родился, небо с землею соединились, страшного зверя или большое дерево за божество малого своего мира почитает, другой, представляя себе великое пространство, хитрое строение и красоту всея твари, с некоторым священным ужасом и благоговейною любовию почитает создателеву бесконечную премудрость и силу. Поставьте человека, листвием или сырою звериною кожею едва наготу свою прикрывающего, при одеянном златотканными одеждами и украшенном блистанием драгоценных камней. Поставьте поднимающего с земли случившийся камень или дерево для своей от неприятеля обороны при снабденном светлым и острым оружием и молнию и гром подражающими махинами. Поставьте заостроватым камнем тонкое дерево со многим потом едва претирающего при употребляющем сильные и хитросложенные махины к движению ужасных тягостей, к ускорению долговременных дел и к точному измерению и разделению величины, весу и времени. Воззрите мысленными очами вашими на плывущего через малую речку на связанном тростнике и на стремящегося по морской пучине на великом корабле, надежными орудиями укрепленном, силою ветра против его же самого бегущем и вместо вожда камень по водам имеющим. Не ясно ли видите, что один почти выше смертных жребия поставлен, другой едва только от бессловесных животных разнится; один ясного познания приятным сиянием увеселяется, другой в мрачной ночи невежества едва бытие свое видит? Толь великую приносит учение пользу, толь светлыми лучами просвещает человеческий разум, толь приятно есть красоты его наслаждение! Желал бы я вас ввести в великолепный храм сего человеческого благополучия, желал бы вам показать в нем подробно проницанием остроумия и неусыпным рачением премудрых и трудолюбивых мужей изобретенные пресветлые украшения, желал бы удивить вас многообразными их отменами, увеселить восхищающим изрядством и привлещи к ним неоцененною пользою, но к исполнению такового предприятия требуется большее моего разумение, большее моего красноречие, большее время потребно, нежели к совершению сего намерения позволяется. Того ради прошу, последуйте за мною мыслями вашими в един токмо внутренний чертог сего великого здания, в котором потшусь вам кратко показать некоторые сокровища богатыя натуры и объявить употребление и пользу тех перемен и явления, которые в них химия производит. В показании и изъяснении оных ежели слово мое где недовольно будет, собственною ума вашего остротою наградите.

Учением приобретенные познания разделяются на науки и художества. Науки подают ясное о вещах понятие и открывают потаенные действий и свойств причины; художества к приумножению человеческой пользы оные употребляют. Науки довольствуют врожденное и вкорененное в нас любопытство; художества снисканием прибытка увеселяет. Науки художествам путь показывают; художества происхождение наук ускоряет. Обои общею пользою согласно служат. В обоих сих коль велико и коль необходимо есть употребление химии, ясно показывает исследование натуры и многие в жизни человеческой преполезные художества.

NB ***Если бы, читая эти рассуждения, мы не знали, что это статья Ломоносова «О пользе химии», то наверняка решили бы, что это совершенно современная актуальная статья о необходимости сочетать искусство и науку, гуманитарное и точное.***

Сколько было споров, предложений и отрицаний, и даже реальных экспериментов в попытке оторвать одно от другого: школы математические и школы иностранного языка, школы литературные и школы физические и пр., пр., и пр. Мы полностью поддерживаем право на существование подобных учебных заведений, видим в них воплощение мечты поколений советских учителей, лишенных в условиях массовой школы возможности сохранить и развить ярко выраженные природные способности одаренных детей. Однако не следует забывать и об идее равновесия в постижении точных и гуманитарных наук, высказанной Ломоносовым. Я убеждена, что и математик, окончивший гимназию, и физик, и химик должны быть не менее образованными в восприятии прекрасного, чем выпускники гуманитарных классов.

Натуральные вещи рассматривая, двоякого рода свойства в них находим. Одни ясно и подробно понимаем, другие, хотя ясно в уме представляем, однако подробно изобразить не можем. Первого рода суть величина, вид, движение и положение целой вещи, второго — цвет, вкус, запах, лекарственные силы и прочие. Первые чрез геометрию точно размерить и чрез механику определить можно; при других такой подробности просто употребить нельзя, для того что первые в телах видимых и осязаемых, другие в тончайших и от чувств наших удаленных частицах свое основание имеют. Но к точному и подробному познанию какой-нибудь вещи должно знать части, которые оную составляют. Ибо как можем рассуждать о теле человеческом, не зная ни сложения костей и составов для его укрепления, ни союза, ни положения мышцей для движения, ни распростертия нервов для чувствования, ни расположения внутренностей для приуготовления питательных соков, ни протяжения жил для обращения крови, ни прочих органов сего чудного строения? Равным образом и вышепоказанных второго рода качеств подробного понятия иметь невозможно, не исследовав самых малейших и неразделимых частиц, от коих они происходят и которых познание толь нужно есть испытателям натуры, как сами оные частицы к составлению тел необходимо потребны. И хотя в нынешние веки изобретенные микроскопы силу зрения нашего так увеличили, что едва видимой пылинке весьма многие части ясно распознать можно, однако сии полезные ин-

струменты служат только к исследованию органических частей, каковы суть весьма тонкие и не видимые простым глазом пузырьки и трубочки, составляющие твердые части животных и растущих вещей, а тех частиц, из которых состоят смешанные материи, особливо зрению представить не могут. Например, через химию известно, что в киновари есть ртуть и в квасцах — земля белая, однако ни в киновари ртути, ни в квасцах земли белой ни сквозь самые лучшие микроскопы видеть нельзя, но всегда в них тот же вид кажется. И посему познания оных только через химию доходить должно. Здесь вижу я, скажете, что химия показывает только материи, из которых состоят смешанные тела, а не каждую их частицу особливо. На сие отвечаю, что подлинно по сие время острое исследователей око толь далече во внутренности тел не могло проникнуть. Но ежели когда-нибудь сие таинство откроется, то подлинно химия тому первая предводительница будет, первая откроет завесу внутреннейшего сего святилища натуры. Математики по некоторым известным количествам неизвестных дознаются. Для того известные и неизвестными слагают, вычитают, умножают, разделяют, уравнивают, превращают, переносят, переменяют и, наконец, искомое находят. По сему примеру рассуждая о бесчисленных и многообразных переменах, которые смешением и разделением разных материй химия представляет, должно разумом достигать потаенного безмерною малостию виду, меры, движения и положения первоначальных частиц, смешанные тела составляющих. Когда от любви беспокоящийся жених желает познать прямо склонность своей к себе невесты, тогда, разговаривая с нею, примечает в лице перемены цвету, очей обращение и речей порядок, наблюдает ее дружества, обходительства и увеселения, выспрашивает рабынь, которые ей при возбуждении, при нарядах, при выездах и при домашних упражнениях служат, и так по всему тому точно уверяется о подлинном сердца ее состоянии. Равным образом прекрасныя натуры рачительный любитель, желая испытать, толь глубоко сокровенное состояние первоначальных частиц, тела составляющих, должен высматривать все оных свойства и перемены, а особливо те, которые показывает ближайшая ее служительница и наперсница и в самые внутренние чертоги вход имеющая химия, и, когда она разделенные и рассеянные частицы из растворов в твердые части соединяет и показывает в них фигуры, выспрашивать у осторожной геометрии, когда твердые тела на жидкие, жидкие на твердые переменяет и разных родов материи разделяет и соединяет, советовать с точною и замысловатою механикою, и когда чрез слитие жидких материй разные цветы производит, выведывать чрез проницательную оптику. Таким образом, когда химия пребогатыя госпожи своея потаенные сокровища разбирает, любопытный и неусыпный натуры рачитель оныя чрез геометрию вымеривать, чрез механику развешивать и чрез оптику высматривать станет, то весьма вероятно, что он желаемых тайностей достигнет. Здесь, уповаю, еще вопросить желаете, чего ради по сие время исследователи естественных вещей в сем деле столько не успели? На сие ответствую, что к сему

NB ***Если в восемнадцатом веке Ломоносов требовал искусного химика и глубокого математика в одном человеке, то современность требует постижения техники, неведомой Ломоносову, а именно компьютерной, каждым независимо от его профессии. А так как компьютеризация во многом использует математический аппарат, то существует проблема обучения математике представителей гуманитарных профессий, кстати, в юридических вузах введено изучение математики, что также подтверждает непреходящую ценность идеи Ломоносова о равновесии в постижении точных и гуманитарных наук.***

требуется весьма искусный химик и глубокий математик в одном человеке. Химик требуется не такой, который только из одного чтения книг понял сию науку, но который собственным искусством в ней прилежно упражнялся, и не такой, напротив того, который хотя великое множество опытов делал, однако, больше желанием великого и скоро приобретаемого богатства поощряясь, спешил к одному только исполнению своего желания и ради того, последуя своим мечтаниям, презирал случившиеся в трудах своих явления и перемены, служащие к истолкованию естественных тайн. Не такой требуется математик, который только в трудных выкладках искусен, но который, в изобретениях и в доказательствах привыкнув к математической строгости, в натуре сокровенную правду точным и непоползновенным порядком вывесть умеет. Бесполезны тому очи, кто желает видеть внутренность вещи, лишаясь рук к отверстию оной. Бесполезны тому руки, кто к рассмотрению открытых вещей очей не имеет. Химия руками, математика очами физическими по справедливости назваться может. Но как обе в исследовании внутренних свойств телесных одна от другой необходимо помощи требуют, так, напротив того, умы человеческие нередко в разные пути отвлекают. Химик, видя при всяком опыте разные и часто нечаянные явления и произведения и приманиваясь тем к снисканию скорой пользы, математику, как бы только в некоторых тщетных размышлениях о точках и линиях упражняющемуся, смеется. Математик, напротив того, уверен о своих положениях ясными доказательствами и, чрез неоспоримые и беспрерывные следствия выводя неизвестные количеств свойства, химика, как бы одною только практикою отягощенного и между многими беспорядочными опытами заблуждающего, презирает и, приобыкнув к чистой бумаге и к светлым геометрическим инструментам, химическим дымом и пепелом гнушается. И для того по сие время сии две, общею пользою так соединенные сестры толь разномысленных сынов по большой части рождали. Сие есть причиною, что совершенное учение химии с глубоким познанием математики еще соединено не бывало. И хотя в нынешнем веку некоторые в обоих науках изрядные успехи показали, однако сие предприятие выше сил своих почитают и для того не хотят в испытании помянутых частиц с твердым намерением и постоянным рачением потрудиться, а особливо когда приметили, что некоторые, с немалою тратою труда своего и времени, пустыми замыслами и в одной голове ро-

дившимися привидениями натуральную науку больше помрачили, нежели свету ей придали.

NB ***На протяжении столетий история запечатлела извечные споры и попытки ученых объяснить строение вещей. Рассуждения Демокрита о дискретном строении вещества, дебаты французских энциклопедистов о существовании молекул... И М.В.Ломоносов в своих трудах обращался ненавязчиво к этой проблеме. Он пришел к выводу, что тела, из которых все состоит, взаимодействуют друг с другом, определяя свойства предметов, обмениваются энергией, нагревая и охлаждая предметы, чье движение не подлежит сомнению... Вся многострадальная молекулярно-кинетическая теория в работах Ломоносова!***

Исследованию первоначальных частиц, тела составляющих, следует изыскание причин взаимного союза, которым они в составлении тел сопрягаются и от которого вся разность твердости и жидкости, жесткости и мягкости, гибкости и ломкости происходит.

Все сие чрез что способнее испытать можно, как через химию? Она только едина то в огне их умягчает и паки скрепляет, то, разделив, на воздух поднимает и обратно из него собирает, то водою разводит и, в ней сгустив, крепко соединяет, то, в едких водках растворяя, твердую материю в жидкую, жидкую в пыль и пыль в каменную твердость обращает. Итак, толь многими образы в бесчисленных телах умножая между частьми союзную силу взаимного сцепления, великое множество разных путей любопытному физику отверзает, по которым бы достигнуть сего хитрыя натуры великого искусства. Но в коль широкое и коль приятною пестротою украшенное поле натуры испытателей химия вводит, показуя чрез разные действия толикое цветов множество, толикое различие и применение! Ибо одна медь не токмо все чистые цветы, которые призматическими стеклами оптика показывает, но и всякого рода смешанные в разных обстоятельствах производит. Что же смешение и разделение прочих минералов, также растущих и животных материй в переменах сего приятного тел свойства зрению представляет, того краткое мое слово обнять не может, но все сии, подобно некоторым пантомимам или молчащим изображателям на пространном естества театре, разновидными изменениями сокровенные свои причины догадливому смотрителю объявить и как бы некоторым безгласным разговором истолковать тщится.

Животные и растущие тела состоят из частей органических и смешанных. Смешанные суть твердые или жидкие. Жидкие твердыми содержатся, твердые от жидких питаются, возрастают, цветут и плод приносят. В исполнении сего переменяется натура в разных к тому устроенных сосудах свойства соков, а особливо вкус и дух оных, отделяет от них сладкое млеко и горькую желчь из одной пищи и на одной земли кислые и пряные плоды и травы неприятного запаху купно с благовонными рождает. Во всех сих коль многие отмены произведены бывают, довольно известно знающим строение одушевленного тела и множества земных прозябаний. Во всех сих химия натуре точно подражать тщится: коль часто сильные вкусы умягчает и изощряет слабые; из противного на языке свинцу и из

острого уксусу производит мед превосходящую сладость и чрез смешение минералов испускает тонкое благоухание приятныя розы; напротив того, из селитры, которая духу никакого и вкусу сильного не имеет, рождает проницательную и твердые металлы разъедающую кислость и смрад, отъемляющий дыхание. Не ясно ли из сего понимаете, что изыскание причины разных вкусов и запахов не инако с желаемым успехом предпринять можно, как, последую указанию предыдущия химия и применяясь по ее искусству, угадывать в тонких сосудах органических тел закрытые и только вкушению и обонянию чувствительные перемены.

Великая часть физики и полезнейшая роду человеческому наука есть медицина, которая чрез познание свойств тела человеческого достигает причины нарушенного здравия и, употребляя приличные к исправлению оного средства, часто удрученных болезнию почти из гроба восставляет. Болезни по большей части происходят от повреждения жидких материй, к содержанию жизни человеческой нужных, обращающихся в теле нашем, которых качества, составляющие части и их полезные и вредные перемены и производящие и пресекающие их способы без химии никак испытаны быть не могут. Ею познается натуральное смешение крови и питательных соков, ею открывается сложение здоровых и вредных пищей, ею не токмо из разных трав, но из недра земного взятых минералов приуготовляются полезные лекарства. И словом, медик без довольного познания химии совершен быть не может, и всех недостатков, всех излишеств и от них происходящих во врачебной науке поползновений дополнения, отвращения и исправления от одной почти химии уповать должно.

Долго исчислять и подробну толковать будет, что чрез химию в натуре открылось и впредь открыто быть должно. Того ради одно только самое важнейшее в сем ея действие ныне вам представляю. Огонь, который в умеренной своей силе теплотою называется, присутствует и действием своим по всему свету толь широко распростирается, что нет ни единого места, где бы он не был, ибо и в самых холодных, северных, близ полюса лежащих краях середи зимы всегда оказывает себя легким способом. Нет ни единого в натуре действия, которого бы основание ему приписать не было должно, ибо от него все внутренние движения тел, следовательно, и внешние происходят. Им все животные и зачинаются, и растут, и движутся. Им обращается кровь и сохраняется здравие и жизнь наша. Его силою производят горы во внутренностях своих всякого рода минералы и целительные слабостей тела нашего воды проливают. И вы, приятные поля и леса, тогда только прекрасною одеждою покрываетесь, ободряете члены и услаждаете чувства наши, когда любезная теплота, кротким своим пришествием разогнав морозы и снеги, питает вас тучною влагою, испещряет сияющими и благоговонными цветами и сладкими плодами обогащает; кроме сего увядает красота ваша, бледнеет лице земное, и во вретище сетования вселенная облекается. Без огня питательная роса и благораствоpенный дождь не могут снисходить на нивы; без него заключатся

источники, прекратится рек течение, огустевший воздух движения лишится, и великий океан в вечный лед отвердеет; без него погаснуть солнцу, луне затмиться, звездам исчезнуть и самой натуре умереть должно. Для того не токмо многие испытатели внутреннего смешения тел не желали себе почтеннейшего именования, как философами, чрез огонь действующими, называться, не токмо языческие народы, у которых науки в великом почтении были, огню божескую честь отдали, но и само священное писание неоднократно явление божие в виде огня бывшее повествует. Итак, что из естественных вещей большие испытания нашего достойно, как сия всех созданных вещей общая душа, сие всех чудных перемен, во внутренности тел рождающихся, тонкое и сильное орудие? Но сего исследования без химии предпринять отнюдь не возможно, ибо кто больше знать может огня свойства, измерить его силу и отворить путь к потаенным действ его причинам, как все свои предприятия огнем производящая химия? Она, не употребляя обыкновенных способов, в холодных телах внезапно огонь и в теплых великий холод производит. Известно химикам, что крепкие водки, растворяя в себе металлы, без прикосновения внешнего огня согреваются, кипят и опаляющий пар испускают, что чрез слитие сильной селитряной кислости с некоторыми жирными материями не токмо страшное кипение, дым и шум, но и ярый пламень в мгновение ока воспаляется, и, напротив того, теплая селитра, в теплой же воде разведенная, дает толь сильную стужу, что она в пристойном сосуде середи лета замерзнет. Не упоминаю здесь разных фосфоров, химическим искусством изобретенных, которые на свободном воздухе от себя загораются и тем купно с вышепомянутыми явлениями ясно показывают, что свойства огня ничем толь не способно, как химиею, исследовать. Никто ближе приступить не может к сему великому алтарю, от начала мира пред вышним вожженному, как сия ближайшая священница.

Сия есть польза, которую физика от химии почерпает. Сей есть способ, который ясным вещей познанием открывает свет и прямую стезю показывает художествам, в которых сия наука, коль непреминуема и коль сильна, кратко показать ныне постараюсь.

Между художествами первое место, по моему мнению, имеет металлургия, которая учит находить и очищать металлы и другие минералы. Сие преимущество дает ей не токмо великая древность, которая, по свидетельству Священного писания и по самим делам рода человеческого, неспорима, но и несказанная и повсюду разливающаяся польза оное ей присвоит. Ибо металлы подают укрепление и красоту важнейшим вещам, в обществе потребны. Ими украшаются храмы божии и блистают монаршеские престолы, ими защищаемся от нападения неприятельского, ими утверждаются корабли и, силою их связаны, между бурными вихрами в морской пучине безопасно плавают. Металлы отверзают недро земное к плодородию; металлы служат нам в ловлении земных и морских животных для пропитания нашего; металлы облегчают купечество удобною в сему монетою, вместо скучныя и тягостныя мены товаров. И

кратко сказать, ни едино художество, ни едино ремесло простое употребления металлов миновать не может. Но сии толь нужные материи, а особливо большее достоинство и цену имеющие, кроме того что для одобрения нашего к трудам глубоко в земли закрыты, часто внешним видом таятся. Дорогие металлы, смешавшись с простою землею или соединясь с презренным камнем, от очей наших убегают; напротив того, простые и притом в малом и бесприбыточном количестве часто золоту подобно сияют и разностию приятных цветов к приобретению великого богатства неискусных прельщают. И хотя иногда незнающему дорогой металл в горе ненарочно сыскать и узнать случится, однако мало ему в том пользы, когда от смешанной с ним многой негодной материи отделить не умеет или, отделяя, большую часть неискусством тратит. В сем случае коль проницательно и коль сильно есть химии действие! Напрасно хитрая натура закрывает от нея свои сокровища толь презренною завесою и в толь простых ковчегах затворяет, ибо острота тонких перстов химических полезное от негодного и дорогое от подлого распознать и отделить умеет и сквозь притворную поверхность видит внутреннее достоинство. Напрасно богатство свое великою твердостию тяжких камней запирает и вредными жизни нашей материями окружает, ибо, вооруженная водою и пламенем, химия разрушает крепкие заклепы и все, что здравию противно, прогоняет. Напрасно сие руно златое окружает она хоботом толь лютого и страшного дракона, ибо искатель оного, научен незлобивою нашею Медею, ядовитые зубы его выбьет и данными от ней лекарствами от убивающих паров оградится. Сия от химии польза начинается и в нашем отечестве, и подобное событие в нем исполняется, каковое воспоследовало в Германии, с которой некогда рассуждал древний римский историк Корнилий Тацит. Не могу сказать, написал он, чтобы в Германии серебро и золото не родилось, ибо кто искать их старался? И как там в последовавшие веки великое богатство обретено, что свидетельствуют славные миснийские и герцинские заводы, так и в России того же ожидать должно, а особливо имея к тому не токмо довольные опыты, но и очевидную прибыль. Напрасно рассуждают, что в теплых краях действием солнца больше дорогих металлов, нежели в холодных, родится, ибо по нелживым физическим исследованиям известно, что теплота солнечная до такой глубины в землю не проницает, в которой металлы находятся. И знойная Ливия, металлов лишенная, и студеная Норвегия, чистое серебро в камнях своих содержащая, противное оному мнению показывают. Все различие в том состоит, что там металлы лежат ближе к земной поверхности, чему причины ясно видеть можно. И, во-первых, проливаются там часто превеликие дожди и в некоторых местах по полугоду беспрерывно продолжаются, умягчают и размывают землю и легкий ил сносят, оставляя тяжкие минералы; для того тамошние жители всегда после дождливой части года ищут по пристойным местам золота и дорогих камней. Второе, частые земли трясения раздробляют и оборачивают горы и, что во внутренности их произвела натура, выбрасывают на поверх-

ность. Итак, следует, что не большим количеством, но свободнейшим приобретением металлов жаркие места у наших преимущество отъемлют. Но сие северных жителей прилежанием, которым они под жарким поясом живущих превосходят, награждать должно. Рачения и трудов для сыскания металлов требует пространная и изобильная Россия. Мне кажется, я слышу, что она к сынам своим вещает: простирайте надежду и руки в мое недро и не мыслите, что искание ваше будет тщетно. Воздают нивы мои многократно труды земледельцев, и тучные поля мои размножают стада ваши, и лесы и воды мои наполнены животными для пищи вашей; все сие не токмо довольствует мои пределы, но и во внешние страны избыток их проливается. Того ради можете ли помыслить, чтобы горы мои драгими сокровищами поту лица вашего не наградили? Имеете в краях моих, к теплой Индии и к Ледовитому морю лежащих, довольные признаки подземного моего богатства. Для сообщения нужных вещей к сему делу открываю вам летом далеко протекающие реки и гладкие снеги зимою подстилаю. От сих трудов ваших ожидаю приращения купечества и художеств, ожидаю вящего градов украшения и укрепления и умножения войска, ожидаю и желаю видеть пространные моря мои покрыты многочисленным и страшным неприятелю флотом и славу и силу моея державы распростереть за великую пучину в неведомые народы. Спокойна буди о сем, благословенная страна, спокойно буди, дражайшее отечество наше, когда в тебе толь щедрая наук покровительница государствует. Изыскал в тебе и умножил великий твой просветитель к защищению твоему твердые металлы; августейшая дщерь его изыскивает и умножает драгоценные к твоему украшению и обогащения, распространяет с прочими науками и химическое искусство, которое, материм сея великая монархини попечением утвердясь и ободрясь великодушием, в средину гор проникнет и, что в них лежит без пользы, очистит для умножения нашего блаженства и, сверх сего своего сильного в металлургии действия, иные полезные тебе плоды принести потщится.

Широко распростирает химия руки свои в дела человеческие, слушатели. Куда ни посмотрим, куда ни оглянемся, везде обращаются пред очами нашими успехи ея прилежания. В первые времена от сложения мира принудили человека зной и стужа покрывать свое тело; тогда по первом листия и кож употреблении домыслился он из волны и из других мягких материй приготовлять себе одежды, которые хотя к защищению тела его довольно служили, однако скучливое одним видом человеческое сердце и непостоянная охота требовали перемены, гнушались простою белизною и, пестреющими полями завидуя, подобного великолепия и в прикрытии тела искали. Тогда химия, выжимая из трав и цветов соки, вываривая коренье, растворяя минералы и разными образы их между собою соединяя, желание человеческое исполнять старалась, и тем сколько нас украсила, не требуете слов моих к доказательству, но очами вашими завсегда ясно видите.

Сии химические изобретения не токмо увеселяющие взор наш перемены в одеяниях производят, но и другие склонности наши довольствуют. Что вящее усердие к себе и почитание в нас возбуждает, как родители наши? Что собственных детей своих любезнее в жизни человеку? Что искренних другов приятнее? Но их часто отсутствие в дальних местах или от света отшествие отъемлет из очей наших. В таком состоянии что нас больше утешит и скорбь сердечную умягчить может, как лица их подобие, живописным искусством изображенное? Оно отсутствующих присутствующими и умерших живыми представляет. Все, что долготою времени или расстоянием места от зрения нашего удалилось, приближает живопись и оному подвергает. Ею видим бывших прежде нас великих государей и храбрых героев и других великих людей, славу у потомков заслуживающих. Видим отстоящие в дальних землях пространные грады и великолепные и огромные здания. Обращаясь в полях пространных или между высокими горами, взираем и во время тишины на волнующуюся пучину, на сокрушающиеся корабли или способными зефирами к пристанищу бегущие. Середи зимы услаждаемся видением зеленеющих лесов, текущих источников, пасущихся стад и труждающихся земледельцев. Все сие живописту мы должны. Но его совершенство от химии зависит. Отними искусством ея изобретенные краски, лишатся изображения приятности, потеряется с вещами сходство, и самая живность их исчезнет, которую от них имеют. Правда, что краски не сохраняют своей ясности и доброты толь долго, как мы желаем, но в краткое время изменяются, темнеют и, наконец, великия части красоты своея лишаются. К кому же для отвращения сего недостатка должно было прибегнуть? Кто изобрести мог к долговременному и непременному пребыванию живописных вещей средства? Та же химия, которая, видя, что от строгих перемен воздуха и от лучей солнечных нежные составы ее увядают и разрушаются, сильнейшее искусства своего орудия, огонь употребила и, твердые минералы со стеклом в великом жару соединив, произвела материи, которыя светлостию и чистотою прежних в деле превосходят, а твердостию и постоянством воздушной влажности и солнечному зною так противятся, что чрез многие веки нимало красоты своея не утратили, что свидетельствуют прежде тысячи лет мусиею наведенные в Греции и в Италии храмы. И хотя еще в древнейшие времена употреблены были к тому природные разных цветов камни, для того что тогда и в обыкновенной живописи служили натуральные разные земли за неимением красок, искусством составленных, но великие преимущества, которые стеклянные составы перед камнями имеют, привлекли в нынешнее время искусных римских художников к их употреблению. Ибо, во-первых, редко и весьма трудно прибрать можно тени толь многих цветов из натуральных камней, какие в составах выходят по произволению художника. Второе, хотя иногда с великим трудом и приберутся, однако немалые и к другим делам угодные дорогие камни должно портить. Третие, из составов для их большей мягкости отделить и выплавливать части желаемой величины и фигуры, к чему

природные камни много поту и терпеливости требуют. Наконец, искусством выкрашенные стекла добротою цвета природных камней много выше изобретены и впредь старанием химиков большего совершенства достигнуть могут. Правда, что камни стеклянную материю твердостию превосходят, но она в сем деле бесполезна, в котором требуется только на солнце и на воздухе цветов постоянно. Итак, не тщетно нынешние мастера в сем деле художество натуре предпочитают, которое меньшим трудом и иждивением лучшее действие производит. Предложив сие едино употребление стекла в живописном художестве, едва могу преминуть, чтобы не показать кратко и другие многие пользы, происходящие от великого сего химического изобретения. Но предложение его требует целого особливого слова, что в сем моем предприятии невместно. Того ради к другим действиям нашей науки, в художествах силу свою являющимся, поспешаю. Но коль широкое пред собою вижу пространство! Еще разные предложат вещи, которые слово мое одна перед другою к себе привлекают. И когда хочу вам представить, сколько в приуготовлении приятных пищей и напитков химия нам способствует, предваряет рассуждение о самих сосудах, из которых мы онымі наслаждаемся. Воображается их чистота, прозрачность, блистание и разные украшения, которыми сие искусство вкушаемых сладость усугубляет, соединяя языка и очей удовольствие. Итак, подробным всего исчислением не хочу преодолеть вашу терпеливость, но заключу единым спасительным роду человеческому благодеянием, от химии учиненным.

Коль плачевные приключения и перемены в древние времена по разным странам и коль часто бывали, то не без жалости читаем в историях, которые повествуют дальних и неведомых народов внезапное нашествие, великих и славных городов в дым и пепел превращение, опустошение сел и целых народов, которые скорому неприятелю не успевали противиться, конечно, разорение и расточение, так что от великого могущества и славы одно только имя осталось. Повествуют наполненные поля многими тысячами побитых и широкие реки кровию и трупами огустевшие, что превосходит вероятность времен наших, в которые толь ужасных примеров не имеем. Однако таковых знатных писателей важность и самые развалины древних городов о справедливости слезных оных позорищ сомнение отъемлют. Откуда же видим вселившуюся между смертными толикую умеренность? Не Орфей ли какой умягчил сладким пением человеческие нравы? Но имеем и в нынешние веки злобною завистию терзающиеся сердца к похищению чужих владения. Не Ликург или Солон строгими законами связал страсти? Но и ныне нередко почитается сильное оружие вместо прав народных. Не великий ли древнего Креза имением многократно превосходящий богач насытил алчное сребролюбие? Но сие подобно пламени, которое, чем больше дров подлагается, тем сильнее загорается. Кто же толь великое благодеяние нам сделал? Кто умалил толь свирепое кровопролитие? Человек простой и убогий, который, убегая своей скудости, следовал издалеча химии к получению достатков

неведомыми себе дорогами и в намерении отворить себе вход во внутренность дорогих металлов соединил с угольем серу и селитру и на огонь в сосуде поставил. Внезапно страшный звук и крепкий удар воспоследовал! И хотя сам не без повреждения остался, однако больше того был обрадован надеждою, что он получит сильную и нерушимый металл разрушающую материю. Для того запирал и заклепывал состав свой в твердые железные сосуды, но без успеха. Отсюда произошло огнестрельное оружие, загремели полки и городские стены, и из рук человеческих смертоносная молния блеснула! Что же сие, скажете, не оживляет, но убивает, достигает далее прежнего и сильнее поражает. Отвечаю: тем больше и спасает. Рассудите о сражении, в котором воин против воина, меч против меча, удар против удара в близости устремляются; не в едино ли мгновение ока пасть должно многим тысячам побитых и смертно раненных? Сравните сие с нынешним боем и увидите, что скорее можно занести руку, нежели зарядить ружье порохом и металлом: удобнее ударить в досягаемого неприятеля на ясном воздухе, нежели сквозь дым густой трясущимися от блистания и воздушного стенания руками в отдаленного уметить; ярче возгорается сердце на супостата, которого прямо против себя идущего видеть можно, нежели на закрытого. Сие есть причиною, что нет в нынешние веки Ганнибалов, оному подобных, который с убиенных в едином сражении дворян римских снятые золотые перстни четвериками мерил. Нет бесчеловечных Батыев, которые бы, в краткое время от Кавказских до Альпийских гор протекая, многие земли в запустении полагали. Не смеет внезапный неприятель тревожить покоящихся народов, но боится, чтобы, построенные и снабденные новым сим изобретением крепости за собою оставив, не токмо своей добычи, но и жизни не лишиться. Напротив того, кто имеет силу такие укрепления разрушать подобным изобретением химии, тот к далеко отстоящим местам нечаянно достигнуть не может; не может увесистым снарядом отягощенное войско долговременным шествием сравниться скороспешному слуху, приходящую беду возвещающему и собирающему народы к своему защищению. Так химия сильнейшим оружием умалила человеческую пагубу и грозою смерти многих от смерти избавила! Веселитесь, места ненаселенные, красуйтесь, пустыни непроходные: приближается благополучие ваше. Умножаются, очевидно, племена и народы и поспешнее прежнего распространяются; скоро украсят вас великие городы и обильные села; вместо зверей диких наполнится пространство ваше глазом веселящегося человека и вместо терния пшеницею покроется. Но тогда великой участнице в населении вашем, химии, возблагодарить не забудьте, которая ничего иного от вас не пожелает, как прилежного в ней упражнения, к вящему самих вас украшению и обогащению. Предложив о пользе химии в науках и художествах, слушатели, предостеречь мне должно, дабы кто не подумал, якобы все человеческой жизни благополучие в одном сем учении состояло и якобы я с некоторыми нерассудными любительми одной своей должности с презрением взирал на прочие искусства. Имеет каждая наука равное участие в блаженстве нашем, о чем несколько в начале сего моего слова вы слышали. Великое благодарение всевышнему человеческий род воздавать должен за дарованную ему к толиким знаниям способность. Большее того приносить должна Европа, которая паче всех таковыми его дарами наслаждается от прочих народов. Но коль горячего усердия жертву полагать на алтарь его долженствует Россия, что он в самое тое время, когда науки после мрачности варварских веков паки воссияли, воздвигнул в ней премудрого героя, великого Петра, истинного отца отечеству, который удаленную от светлости учения Россию принял мужественною рукою и, окружен со всех сторон внутренними и внешними супостатами, дарованною себе от Бога крепостию покрывался, разрушил все препятствия и на пути ясного познания оную поставил. И по окончании тяжких трудов военных, по укреплению со всех сторон безопасности целого отечества первое имел о том попечение, чтобы основать, утвердить и размножить в нем науки. Блаженны те очи, которые божественного сего мужа на земли видели! Блаженны и треблаженны те, которые пот и кровь свою с ним за него и за отечество проливали и которых он за верную службу в главу и в очи целовал помазанными своими устами. Но мы, которые на сего великого государя в жизни воззреть не сподобились, сие ныне имеем сильное утешение, что видим на престоле его достойную толикого отца дщерь и наследницу, всемилостивейшую самодержицу нашу. Видим отца боголюбивого дщерь благочестивую, отца-героя дщерь мужественную, отца премудрого дщерь прозорливую отца, наук основателя, дщерь — щедрую их покровительницу. Видят науки матернее ея о себе попечение со благоговейным усердием желают, чтобы во время благословения ея жизни и благополучного владения не токмо сие собрание, но и все отечество учеными сынами своими удовольствовано было.

РЕПОРТ В КАНЦЕЛЯРИЮ АКАДЕМИИ НАУК О ПОЭТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ Н. Н. ПОПОВСКОГО

В КАНЦЕЛЯРИЮ АКАДЕМИИ НАУК

РЕПОРТ

Порученный прошлого 1752 года мне студент Николай Поповский от Канцелярии Академии Наук, чтоб он от меня получал в стихотворстве наставления, показывает в оном весьма изрядные опыты своей особливой способности. И уже прошлого 1752 года на торжественный праздник коронования е. и. в. сочинил оду, которую письменную приватно показывал я при дворе моим благодетелям и немалую похвалу от них слышал. А в последних месяцах минувшего 1752 года подал мне он свой перевод Горациевых стихов о стихотворстве (Ars poetica) и некоторых од, который так хорошо сделал, что напечатания весьма достоин. И при отъезде двора знающие в красноречии силу желали их видеть в печати.

Того ради Канцелярия Академии Наук да соблаговолит оные напечатать, а помянутому студенту Поповскому сделать отличное ободрение от прочих награждением ранга и жалованья, ибо он уже ныне в состоянии искусством своим в чистоте российского штиля и стихотворства приносить Академии Наук честь и пользу. Сочиненные им с Горациевых стихи при сем прилагаются.

Коллежский советник и профессор
Михайло Ломоносов

РЕПОРТ В КАНЦЕЛЯРИЮ АКАДЕМИИ НАУК ОБ УСПЕХАХ СТУДЕНТОВ, ЗАНИМАВШИХСЯ ПОД РУКОВОДСТВОМ ЛОМОНОСОВА ПОЭЗИЕЙ И ХИМИЕЙ

В КАНЦЕЛЯРИЮ АКАДЕМИИ НАУК

РЕПОРТ

В прошлом 1751 году августа 30 числа порученные мне студенты, по ордеру его сиятельства Академии Наук президента, для наставления в поэзии Николай Поповской, а в химии Василей Клементьев, Иван Братковской, Иван Федоровской имеют в науках следующие прогрессы. Николай Поповской задаванные ему от меня разные материи стихами сочинял и переводил письма изрядно и ныне имеет опыт своего искусства в переводе стихами, который уже по соизволению Канцелярии Академии Наук к печатанию отдан. Того ради по моему рассуждению весьма достоин, чтоб его, Поповского, за его особливую в красноречии способность отличить от прочих студентов чином и жалованьем и отделить квартерою от их общежития, чтобы он, с хорошими людьми обращаясь, привык к пристойному обхождению, ибо между студентами, которые пристойного воспитания не имели и для своей давней фамилиарности не без грубостей поступают, учтивых поступков научиться нельзя. Что ж до моих химических лекций касается, то имеют оные быть окончены около майя месяца сего 1753 года, и по окончании оного явится успех каждого. Между тем могу засвидетельствовать, что на чинимые на лекциях моих вопросы способнее других ответствуют Степан Румовский, который по соизволению Канцелярии с прочими студентами на мои лекции прилежно ходит; Иван Братковский также бы мог иметь равный успех, если бы не часто лекции прогуливал. Василей Клементьев всех прилежнее и, как по обстоятельствам примечаю, изрядно понимает и помнит, однако на вопросы ответствовать весьма застенчив, так то иногда сказать не может того, что ему, конечно, весьма памятно быть должно. Иван Федоровской, хотя нарочитое понятие имеет, однако приметил я в нем невеликую к химии охоту.

Коллежский советник и профессор
Михайло Ломоносов

И. И. ШУВАЛОВУ

Милостивый государь Иван Иванович!

Милостивое вашего превосходительства меня письмом напоминовение уверяет к великой моей радости о непременном вашем ко мне снисходительстве, которое я чрез много лет за великое между моими благополучиями почитаю. Высочайшая щедрота несравненныя монархини нашея, которую я вашим отеческим представительством имею, может ли меня отвести от любления и от усердия к наукам, когда меня крайняя бедность, которую я для наук терпел добровольно, отвратить не умела. Не примите, ваше превосходительство, мне в самохвальство, что я в свое защищение представить смелость принимаю. Обучаясь в Спасских школах, имел я со всех сторон отвращающие от наук пресильные стремления, которые в тогдашние лета почти непреодоленную силу имели. С одной стороны, отец, никогда детей, кроме меня, не имея, говорил, что я, будучи один, его оставил, оставил все довольство (по тамошнему состоянию), которое он для меня кровавым потом нажил и которое после его смерти чужие расхитят. С другой стороны, несказанная бедность: имея один алтын в день жалованья, нельзя было иметь на пропитание в день больше как на денежку хлеба и на денежку квасу, прочее на бумагу, на обувь и другие нужды. Таким образом жил я пять лет и наук не оставил. С одной стороны, пишут, что, зная моего отца достатки, хорошие тамошние люди дочерей своих за меня выдадут, которые и в мою там бытность предлагали; с другой стороны, школьники, малые ребята, кричат и перстами указывают: смотри-де, какой болван лет в двадцать пришел латине учиться! После того вскоре взят я в Санкт-Петербург и послан за море, и жалованье получал против прежнего в сорок раз. Оно меня от наук не отвратило, но по пропорции своей умножило охоту, хотя силы мои предел имеют. Я всепокорнейше прошу ваше превосходительство в том быть обнадежену, что я все свои силы употреблю, чтобы те, которые мне от усердия велят быть предосторожну, были обо мне беспечальны, а те, которые из недоброхотной зависти толкуют, посрамлены бы в своем неправом мнении были и знать бы научились, что они своим аршином чужих сил мерить не должны, и помнили б, что музы не такие девки, которых всегда изнасильничать

можно. Оне кого хотят, того и полюбят. Ежели кто еще в таком мнении, что ученый человек должен быть беден, тому я предлагаю в пример с его стороны Диогена, который жил с собаками в бочке и своим землякам оставил несколько остроумных шуток для умножения их гордости, а с другой стороны — Невтона, богатого лорда Бойла, который всю свою славу получил употреблением великой суммы, Вольфа, который лекциями и подарками нажил больше пятисот тысяч и сверх того баронство, Слоана в Англии, который после себя такую библиотеку оставил, что никто приватно не был в состоянии купить, и для того парламент дал за нее двадцать тысяч фунтов штерлингов. По приказанию вашему все исполнить не примину, с глубоким высокопочитанием пребывая

вашего превосходительства
всепокорнейший слуга
Михайло Ломоносов

И. И. ШУВАЛОВУ

Милостивый государь Иван Иванович!

Полученное вчерашнего числа от 24 мая письмо вашего превосходительства, в котором я чувствую непременный знак особливой вашей ко мне милости, премного меня обрадовало, особливо тем, что вы объявить изволили свое удостоверение о том, что я наук никогда не оставлю. В рассуждении других не имею я никакого особливого удивления, затем что они имеют примеры в некоторых людях, которые только лишь себе путь к счастию учением отворили, в тот час к дальнейшему происхождению другие дороги приняли и способы изыскали, а науки почти совсем оставили, имея у себя патронов, которые у них наук мало или ничего не спрашивают, и, не как ваше превосходительство в рассуждении меня дел требуете, довольствуются только однем их именем. В помянутых оставивших в своем счастии учение людях весьма ясно видеть можно, что они только одно почти знают, что в малолетстве из-под лозы выучились, а будучи в своей власти, почти никакого знания больше не присовокупили. Я, напротив того (позвольте, милостивый государь, не ради тщеславия, но ради моего оправдания объявить истину), имеючи отца хотя по натуре доброго человека, однако в крайнем невежестве воспитанного, и злую и завистливую мачеху, которая всячески старалась произвести гнев в отце моем, представляя, что я всегда сижу по-пустому за книгами. Для того многократно я принужден был читать и учиться, чему возможно было, в уединенных и пустых местах и терпеть стужу и голод, пока я ушел в Спасские школы. Ныне, имея к тому по высочайшей е.и.в. милости совершенное довольство вашим отеческим предстательством и трудов моих одобрение ваше и других знателей и любителей наук и почти общее в них удовольствие и, наконец, уже не детское, несовершенного возраста рассуждение, могу ли я ныне в моем мужестве дать себя посрамить перед моим детством [...]

СЛОВО О ЯВЛЕНИЯХ ВОЗДУШНЫХ, ОТ ЭЛЕКТРИЧЕСКОЙ СИЛЫ ПРОИСХОДЯЩИХ, ПРЕДЛОЖЕННОЕ ОТ МИХАЙЛА ЛОМОНОСОВА

У древних стихотворцев обычай был, слушатели, что от призывания богов или от похвалы между богами вмещенных героев стихи свои начинали, дабы слогу своему приобрести больше красоты и силы; сему я последовать в начинании нынешнего моего слова рассудил за благо. Приступая к предложению материи, которая не токмо сама собою многотрудна и неисчетными преткновениями превязана, но сверх того скоропостижным поражением трудолюбивого рачений наших сообщника много прежнего ужаснее казаться может, к очищению оного мрака, который, как думаю, смутным сим роком внесен в мысли ваши, бóльшую плодовитость остроумия, тончайшее проницание рассуждения, изобильнейшее богатство слова иметь я должен, нежели вы от меня чаять можете. Итак, дабы слову моему приобретена была важность и сила и взошло бы любезное сияние к изведению из помрачения прежнего достоинства предлагаемой вещи, употреблю имя героя, которого едино воспоминание во всех народах и языках внимание и благоговение возбуждает. Дела Петра Великого по всей подсолнечной устами рода человеческого проповедуются, и по целой Российского самодержавства обширности в государственных советах важность и в дружеских разговорах святость повествованием их рождается. Того ради здесь ли толикого имени величество со благоговением не вспомянем, где не токмо слово мое силы и важности требует, но и от целого сего собрания изъявление благодарных сердец к своему основателю по справедливости быть должно. Ибо между многочисленными великого государя великими делами сия в нашем отечестве наук обитель, невероятною и почти божественною его премудростию основанная, была главное его попечение. О сем всяк не сомневается, кто неизмеримую наук пользу, в просвещении народа широко распростирающуюся, беспристрастным рассуждением мерит, или в бозе почивающего государя горячее рачение изведать учения и в отечестве распространить самолично видел и удивлялся или громкостию славы уверен чудился. Ибо монарх, к великим делам рожденный, когда новое войско против неприятеля поставить, новым флотом занять море, новым величеством законов умножить правосудия святость, новыми стенами укрепить городы, новыми грамотами и вольностьми поощрить купечества и художеств прилежание и, словом, всех подданных нравы исправить и целое отечество якобы снова родить намерился, — тогда усмотрел ясно, что ни полков, ни городов надежно укрепить, ни кораблей построить и безопасно пустить в море, не употребляя математики, ни оружия, ни огнедышащих махин, ни лекарств поврежденным в сражении воинам без физики приготовить, ни законов, ни судов правости, ни честности нравов без учения философии и красноречия ввести, и, словом, ни во время войны государству надлежащего защищения, ни во время мира украшения без вспоможения наук приобрести невозможно. Того ради не токмо людей, всякими науками и художествами знатных, превеликими награждениями и ласковым и безопасным в Россию приятием из дальных земель призвал, не токмо во все европейские государства и городы, академиями, гимназиями, военными училищами и художников искусством славные, избранных юношей пчелам подобное множество рассыпал, но и сам, всех общий пример и предводитель, паче обыкновения других государей, неоднократно удаляясь из отечества, в Германии, Франции, Англии и Голландии, пылая снисканием знаний, странствовал. В оных путешествиях было ли какое ученых людей общество, которое бы он миновал и не почтил своим присутствием? Никак! Но сам в число их вписан быть не отказался. Было ли где великолепное узорочных вещей собрание, или изобильная библиотека, или почтенных художеств произведение, которых бы он не видел, и всего взору своего достойного не выспросил и не высмотрел. Был ли тогда человек, учения славою знатный, которого бы великий сей гость не посетил и, наслаждясь его ученым разговором, благодеянием не украсил. Коль великие употребил иждивения на приобретение вещей драгоценных, многообразною натуры и художества хитростию произведенных, которые к распространению наук в отечестве удобны быть казались! Какие обещал воздаяния, ежели кто великое что или новое в исследовании натуры либо искусства знание за собою сказывал или изобрести обещался! Всего сего хотя немало очевидных свидетелей, здесь присутствующих, видим, но сверх оных то же свидетельствуют многие махины, неутомимою рукою августейшего художника устроенные. Свидетельствуют великие корабли, твердые крепости и пристани, которых начертание и строение его начинанием и предводительством скоро и безопасно учинились. Свидетельствуют военные и гражданские училища, его попечением учрежденные. Свидетель есть сия наук Академия, толь многими тысящами книг, толиким множеством естественных и художественных чудес снабденная и призванием славных во всякого рода учении мужей основанная. Наконец, свидетельствуют и самые оные орудия, к произвождению разных математических действий удобные, следовавшие ему во всех его путешествиях. Ибо, когда Азовского, Белого, Балтийского, Каспийского моря волны покрывал флотом, когда чрез Ливонию, Финляндию, Польшу, Померанию, Пруссию, Данию, Швецию победитель и защититель предводил свое воинство, когда преходил Дунайские степи и знойные Персидские пустыни, — везде оные орудия

везде людей ученых имел с собою. Из сего всего явствует, что он для толь великих дел употребить был должен все роды учений, а оные никем другим, кроме его, не могли употреблены быть с толь великою пользою. Итак, когда употребление наук не токмо в добром управлении государства, но и в обновлении, по примеру Петра Великого, весьма пространно, того ради истинным сим доказательством уверенным нам быть должно, что оных людей, которые бедственными трудами или паче исполинскою смелостию тайны естественные испытать тщатся, не надлежит почитать продерзкими, но мужественными и великодушными, ниже оставлять исследования натуры, хотя они скоропостижным роком живота лишились. Не устрашил ученых людей Плиний, в горячем пепеле огнедышащего Везувия погребенный, нижé отвратил пути их от шумящей внутренним огнем крутости. Смотрят по вся дни любопытные очи в глубокую и яд отрыгающую пропасть. Итак, не думаю, чтобы внезапным поражением нашего Рихмана натуру испытающие умы устрашились и электрической силы в воздухе законы изведывать перестали; но паче уповаю, что все свое рачение на то положат с пристойною осторожностию, дабы открылось, коим образом здравие человеческое от оных смертоносных ударов могло быть покрыто.

Посему и мне, о электрических явлениях на воздухе предлагающему, и вам, слушающим, много меньше опасаться должно; а особливо, что уже толь много учинено бедственных опытов, которые умолчать есть противно общей пользе человеческого рода. Сверх того мои рассуждения, кроме предприятой к предложению материи, включают в себе вообще многие вещи о переменах воздушных, которых знания нет ничего роду человеческому полезнее. Что больше от всевышнего божества смертному дано и позволено быть может, как чтобы он перемены погод мог предвидеть, что подлинно претрудно и едва постижимо быть кажется? Но бог все за труды нам платит, все трудами от него приобрести возможно, чему ясный пример видим в предсказании течения светил небесных, которое чрез толь многие веки было сокровенно.

Того ради часто в свободные часы, смотря на небо не без сожаления привожу на память, что многие главы натуральной науки и в малейших частях весьма ясно истолкованы, но знание воздушного круга еще великою тьмою покрыто, которое, ежели бы на равном степени совершенства возвышено было, на котором прочие видим, коль бы великое приобретение тогда обществу человеческому воспоследовало, всяк легко рассудит. Подлинно многие и почти бесчисленные наблюдения перемен и явлений, на воздухе бывающих, не токмо по всей Европе, но и в других частях света учинены от испытателей натуры и тиснением сообщены ученому свету, так чтобы нарочитой подлинности в предсказании погод уповать можно было, если бы инструментов, к сему делу изобретенных, несовершенство, обстоятельств разность, наблюдателей неравные рачения, наблюдений превеликое и беспорядочное множество всего размышления, всего рачения, всей остроумия и рассуждения силы не приводило в беспорядок, не отягощало и не угнетало. Итак, когда инструментов

полное совершенство, обстоятельств точное знание, наблюдателей должная осторожность наблюдений подробное расположение не токмо всем не доставали, но и от многих почти отчаяны были, того ради воздушные перемены не столько для истолкования оных, сколько для исполнения должности физиками наблюдаемы быть казались. В таком состоянии, утомленна и почти умерщвленна была сия лучшая часть натуральной науки. Но всех, наконец, возбудило благополучие нашего веку и как бы некоторое знамя подняло, дабы добрую надежду об ней имели и всем рачением прилежали. Ускорили небеса вдохновением своим труды испытующим натуру, когда ужасный оный смертным огнь, в гремящих облаках рожденный, с электрическими искрами, которые неусыпность их из тел выводить в наши дни научилась, кроме чаяния сродственен быть ясно объявили. Оттуда естественных таинств исследователи мысли и сердца к размышлению о воздушных явлениях, а особливо о электрических, обратили. Оным я рассуждениями больше, нежели опытами, издалеча последуя, каковы учинил успехи, предложу кратко, как времени обстоятельство и ваша терпеливость понести может.

И. И. ШУВАЛОВУ

Милостивый государь Иван Иванович!

Полученным от вашего превосходительства черновым доношением Правительствующему Сенату, к великой моей радости, я уверился, что объявленное мне словесно предприятие подлинно в действо произвести намерились к приращению наук, следовательно, к истинной пользе и славе отечества. При сем случае довольно я ведаю, сколь много природное ваше несравненное дарование служить может и многих книг чтение способствовать. Однако и тех совет вашему превосходительству небесполезен будет, которые сверх того университеты не токмо видали, но и в них несколько лет обучались, так что их учреждения, узаконения, обряды и обыкновения в уме их ясно и живо, как на картине, представляются. Того ради, ежели Московский университет по примеру иностранных учредить намеряетесь, что весьма справедливо, то желал бы я видеть план, вами сочиненный. Но ежели ради краткости времени или ради других каких причин того не удостоюсь, то, уповая на отеческую вашего превосходительства ко мне милость и великодушие, принимаю смелость предложить мое мнение о учреждении Московского университета кратко вообще.

1. Главное мое основание, сообщенное вашему превосходительству, весьма помнить должно, чтобы план Университета служил во все будущие роды. Того ради, несмотря на то что у нас ныне нет довольства людей ученых, положить в плане профессоров и жалованных студентов довольное число. Сначала можно проняться теми, сколько найдутся. Со временем комплект наберется. Остальную с порожних мест сумму полезнее употребить на собрание университетской библиотеки, нежели, сделав ныне скудный и узкий план по скудости ученых, после как размножатся, оный снова переделывать и просить о прибавке суммы.

2. Профессоров в полном Университете меньше двенадцати быть не может в трех факультетах.

В юридическом три

I. Профессор всей юриспруденции вообще, который учить должен натуральные и народные права, также и узаконения Римской древней и новой империи.

II. Профессор юриспруденции российской, который кроме вышеписанных должен знать и преподавать внутренние государственные права.

III. Профессор политики, который должен показывать взаимные поведения, союзы и поступки государств и государей между собою, как были в прешедшие веки и как состоят в нынешнее время.

В медицинском три

I. Доктор и профессор химии.
II. Доктор и профессор натуральной истории.
III. Доктор и профессор анатомии.

В философском шесть

I. Профессор философии.
II. Профессор физики.
III. Профессор оратории.
IV. Профессор поэзии.
V. Профессор истории.
VI. Профессор древностей и критики.

3. При Университете необходима должна быть Гимназия, без которой Университет, как пашня без семян. О ее учреждении хотел бы я кратко здесь вообще предложить, но времени краткость возбраняет.

Не в указ вашему превосходительству советую не торопиться, чтобы после не переделывать. Ежели дней полдесятка обождать можно, то я целый полный план предложить могу, непременно с глубоким высокопочитанием пребывая

вашего превосходительства
всепокорнейший слуга
Михайло Ломоносов

РАССУЖДЕНИЕ ОБ ОБЯЗАННОСТЯХ ЖУРНАЛИСТОВ ПРИ ИЗЛОЖЕНИИ ИМИ СОЧИНЕНИЙ, ПРЕДНАЗНАЧЕННОЕ ДЛЯ ПОДДЕРЖАНИЯ СВОБОДЫ ФИЛОСОФИИ

Всем известно, сколь значительны и быстры были успехи наук, достигнутые ими с тех пор, как сброшено ярмо рабства и его сменила свобода философии. Но нельзя не знать и того, что злоупотребление этой свободой причинило очень неприятные беды, количество которых было бы далеко не так велико, если бы большинство пишущих не превращало писание своих сочинений в ремесло и орудие для заработка средств к жизни, вместо того чтобы поставить себе целью строгое и правильное разыскание истины. Отсюда проистекает столько рискованных положений, столько странных систем, столько противоречивых мнений, столько отклонений и нелепостей, что науки уже давно задохлись бы под этой огромной грудой, если бы ученые объединения не направили своих совместных усилий на то, чтобы противостоять этой катастрофе. Лишь только было замечено, что литературный поток несет в своих водах одинаково и истину и ложь, и бесспорное и небесспорное, и что философия, если ее не извлекут из этого состояния, рискует потерять весь свой авторитет, — образовались общества ученых и были учреждены своего рода литературные трибуналы для оценки сочинений и воздания должного каждому автору согласно строжайшим правилам естественного права. Вот откуда произошли как академии, так — равным образом — и объединения, ведающие изданием журналов. Первые — еще до того как писания их членов выйдут в свет — подвергают их внимательному и строгому разбору, не позволяя примешивать заблуждение к истине и выдавать простые предположения за доказательства, а старое — за новое. Что же касается журналов, то их обязанность состоит в том, чтобы давать ясные и верные краткие изложения содержания появляющихся сочинений, иногда с добавлением справедливого суждения либо по существу дела, либо о некоторых подробностях выполнения. Цель и польза извлечений состоит в том, чтобы быстрее распространять в республике наук сведения о книгах.

Не к чему указывать здесь, сколько услуг наукам оказали академии своими усердными трудами и учеными работами, насколько усилился и расширился свет истины со времени основания этих благотворных учреждений. Журналы могли бы также очень благо-

творно влиять на приращение человеческих знаний, если бы их сотрудники были в состоянии выполнить целиком взятую ими на себя задачу и согласились не переступать надлежащих граней, определяемых этой задачей. Силы и добрая воля — вот что от них требуется. Силы — чтобы основательно и со знанием дела обсуждать те многочисленные и разнообразные вопросы, которые входят в их план; воля — для того, чтобы иметь в виду одну только истину, не делать никаких уступок ни предубеждению, ни страсти. Те, кто, не имея этих талантов и этих склонностей, выступают в качестве журналистов, никогда не сделали бы этого, если бы, как указано, голод не подстрекал их и не вынуждал рассуждать и судить о том, чего они совсем не понимают. Дело дошло до того, что нет сочинения, как бы плохо оно ни было, чтобы его не превозносили и не восхваляли в каком-нибудь журнале; и, наоборот, нет сочинения, как бы превосходно оно ни было, которого не хулил бы и не терзал какой-нибудь невежественный или несправедливый критик. Затем число журналов увеличилось до того, что у тех, кто пожелал бы собирать и только перелистывать ««Эфемериды», «Ученые газеты», «Литературные акты», «Библиотеки», «Записки» и другие подобного рода периодические издания, не оставалось бы времени для чтения полезных и необходимых книг и для собственных размышлений и работ. Поэтому здравомыслящие читатели охотно пользуются теми из журналов, которые признаны лучшими, и оставляют без внимания все жалкие компиляции, в которых только списывается и часто коверкается то, что уже сказано другими, или такие, вся заслуга которых в том, чтобы неумеренно и без всякой сдержки изливать желчь и яд. Ученый, проницательный, справедливый и скромный журналист стал чем-то вроде феникса.

Доказывая то, что я только что высказал, я испытываю затруднение скорее вследствие обилия примеров, чем их недостатка. Пример, на который я буду опираться в последующей части этого рассуждения, взят из журнала, издаваемого в Лейпциге и имеющего целью давать отчеты о сочинениях по естественным наукам и медицине*.

Среди других вещей там изложено содержание «Записок императорской Петербургской Академии». Однако нет ничего более поверхностного, чем это изложение, в котором опущено самое любопытное и самое интересное и одновременно содержатся жалобы на то, что академики пренебрегли фактами или свойствами, очень хорошо известными специалистам; между тем выставлять их напоказ было бы просто смешно, особенно в предметах, не допускающих строгого математического доказательства.

Одно из самых неудачных и наименее сообразных с правилами здравой критики извлечений — это извлечение из работ г-на советника и профессора химии Михаила Ломоносова; в нем допущено

---

* Он имеет заглавие: Commentarii de rebus in scientia naturali et medicina gestis [Записки об успехах естественных наук и медицины]. (Примечание М. Ломоносова.)

много промахов, которые стоит отметить, чтобы научить рецензентов такого сорта не выходить из своей сферы. Вначале объявляется о замысле журналиста; оно — грозное, молния уже образуется в туче и готова сверкнуть. «Г-н Ломоносов, — так сказано, — *хочет дойти до чего-то большего, чем простые опыты*»*. Как будто естествоиспытатель действительно не имеет права подняться над рутиной и техникой опытов и не призван подчинить их рассуждению, чтобы оттсюда перейти к открытиям. Разве, например, химик осужден на то, чтобы вечно держать в одной руке щипцы, а в другой тигель и ни на одно мгновение не отходить от углей и пепла?

Затем критик старается высмеять академика за то, что тот пользуется принципом достаточного основания и, по его выражению, истекает потом и кровью, применяя этот принцип при доказательстве истин, которые он мог бы предложить сразу как аксиомы. Во всяком случае, он говорит, что сам он принял бы их за таковые. Однако в то же время он отвергает самые очевидные положения, считая их чистым вымыслом, и тем самым впадает в противоречие с самим собой. Он издевается над строгими доказательствами там, где они необходимы, и требует их там, где они излишни. Пусть философы, желающие избежать столь разумных насмешек, подумают, как им взяться за дело, чтобы ничего не доказывать и в то же время все-таки доказывать.

Движение колоколов — предмет, который журналист подвергает критике, лишенной всякой основательности. Он упрекает Ломоносова в том, что тот не дает правильного представления об этом вопросе. Но можно ли судить с большой дерзостью? Когда говорят таким образом, то что это: недостаток ума, внимательности или справедливости? Критик смешивает внутреннее движение колокола с его движением в целом, хотя это две совершенно разные вещи, и никто не может принять дрожания колокола за его внутреннее движение, после того как академик так определенно сказал в § 3 своей работы, что внутреннее движение состоит в изменении положения нечувствительных частиц...

До сих пор приводились бесспорные доказательства неспособности и крайней небрежности журналиста. Но вот место, где под большим подозрением его добросовестность и где он, по-видимому, решительно задался целью ввести в заблуждение мир, полагая, должно быть, что «Записки императорской Петербургской Академии» — книга редкая, к которой не всякий имеет возможность обратиться. Уверенный в этом, он осмеливался приписывать академику невежество, доходящее до отрицания существования воздуха в порах соли, тогда как даже новички в физике не могут не знать этого. Нет никакой возможности вывести что-либо подобное из рассуждений автора даже путем любого насилия над ними; отсюда вытекает вполне естественный вывод. Ведь следующие слова § 41 могут подать к тому повода: «...*воздух, рассеянный в воде, не входит в*

* Majora guam experimenta sola molitur Michael Lomonosow. [Михаил Ломоносов замышляет нечто большее, чем одни только опыты.]

поры соли». Слово «*входить*» не было никогда синонимом слова «*содержаться*». Академик хочет сказать и не может хотеть сказать что-либо другое, как только то, что воздух не входит из воды в соли, которые в ней растворяются, и непонятно, как можно переделать это утверждение в другое: «*Поры солей совсем не содержат воздуха*»...

Не следует упускать из виду еще одного, последнего, признака той спешки, которую наш судья считает возможным сочетать со своей строгостью, хотя они и несовместимы. Он воображает, будто г-н Ломоносов в своем «*Прибавлении к размышлениям об упругости воздуха*» имел главным образом в виду исследовать «*то свойство упругого воздуха, благодаря которому его сила пропорциональна его плотности*». Он ошибается и обманывает других, высказывая такое суждение. При несколько большей внимательности он увидел бы и прочитал бы, что дело идет здесь именно о противоположном и что утверждается необходимость — для уплотнения воздуха — наличия сдавливающих сил в тем более значительной степени, в чем более узкие пределы заключен этот воздух; отсюда следует, что плотность непропорциональна силам.

Разве не это называется самой настоящей уликой, изобличающей все недостатки, из-за которых журналист может потерять авторитет и доверие, которые он намерен приобрести у публики? Может ли кто-либо, обладающий хотя бы тенью стыда и остатком совести, оправдывать подобные приемы? Давая таким способом отчет о сочинениях людей науки, человек не только наносит вред их репутации, на которую он не имеет никаких прав, но и душит истину, представляя читателю мысли, совершенно с ней не сообразные. Поэтому естественно всеми силами бороться против столь несправедливых приемов. Если продолжать обращаться таким образом с теми, кто стремится приносить пользу республике наук, то они могут впасть в полное уныние, и успехи наук потерпят значительный урон. Это было бы, прежде всего, полным крушением свободы философии.

Для подобных рецензентов следует наметить надлежащие грани, в пределах которых им подобает держаться и ни в коем случае не переходить их. Вот правила, которыми, думается, мы должны закончить это рассуждение. Лейпцигского журналиста и всех подобных ему просим хорошо запомнить их.

1. Всякий, кто берет на себя труд осведомлять публику о том, что содержится в новых сочинениях, должен прежде всего взвесить свои силы. Ведь он затевает трудную и очень сложную работу, при которой приходится докладывать не об обыкновенных вещах и не просто об общих местах, но схватывать то новое и существенное, что заключается в произведениях, создаваемых часто величайшими людьми. Высказывать при этом неточные и безвкусные суждения — значит сделать себя предметом презрения и насмешки; это значит уподобиться карлику, который хотел бы поднять горы.

2. Чтобы быть в состоянии произносить искренние и справедливые суждения, нужно изгнать из своего ума всякое предубеждение, всякую предвзятость и не требовать, чтобы авторы, о которых мы беремся судить, рабски подчинялись мыслям, которые властвуют над нами, а в противном случае не смотреть на них как на настоящих врагов, с которыми мы призваны вести открытую войну.

3. Сочинения, о которых дается отчет, должны быть разделены на две группы. Первая включает в себя сочинения одного автора, который написал их в качестве частного лица; вторая — те, которые публикуются целыми учеными обществами с общего согласия и после тщательного рассмотрения. И те и другие, разумеется, заслуживают со стороны рецензентов всякой осмотрительности и внимательности. Нет сочинений, по отношению к которым не следовало бы соблюдать естественные законы справедливости и благопристойности. Однако надо согласиться с тем, что осторожность следует удвоить, когда дело идет о сочинениях, уже отмеченных печатью одобрения, внушающего почтение, сочинениях, просмотренных и признанных достойными опубликования людьми, соединенные познания которых естественно должны превосходить познания журналиста. Прежде чем бранить и осуждать, следует не один раз взвесить то, что скажешь, для того чтобы быть в состоянии, если потребуется, защитить и оправдать свои слова. Так как сочинения этого рода обычно обрабатываются с тщательностью и предмет разбирается в них в систематическом порядке, то малейшие упущения и невнимательность могут повести к опрометчивым суждениям, которые уже сами по себе постыдны, но становятся еще гораздо более постыдными, если в них скрываются небрежность, невежество, поспешность, дух пристрастия и недобросовестность.

4. Журналист не должен спешить с осуждением гипотез. Они дозволены в философских предметах и даже представляют собой единственный путь, которым величайшие люди дошли до открытия самых важных истин. Это — нечто вроде порыва, который делает их способными достигнуть знаний, до каких никогда не дохо-дят умы низменных и пресмыкающихся во прахе.

5. Главным образом пусть журналист усвоит, что для него нет ничего более позорного, чем красть у кого-либо из собратьев высказанные последним мысли и суждения и присваивать их себе, как будто он высказывает их от себя, тогда как ему едва известны заглавия тех книг, которые он терзает. Это часто бывает с дерзким писателем, вздумавшим делать извлечения из сочинений по естественным наукам и медицине.

6. Журналисту позволительно опровергать в новых сочинениях то, что, по его мнению, заслуживает этого, — хотя не в этом заключается его прямая задача и его призвание в собственном смысле; но раз уже он занялся этим, он должен хорошо усвоить учение автора, проанализировать все его доказательства и противопоставить им действительные возражения и основательные рассуждения, прежде

чем присвоить себе право осудить его. Простые сомнения или произвольно поставленные вопросы не дают такого права; ибо нет такого невежды, который не мог бы задать больше вопросов, чем может их разрешить самый знающий человек. Особенно не следует журналисту воображать, будто то, чего не понимает и не может объяснить он, является таким же для автора, у которого могли быть свои основания сокращать и опускать некоторые подробности.

7. Наконец, он никогда не должен создавать себе слишком высокого представления о своем превосходстве, о своей авторитетности, о ценности своих суждений. Ввиду того что деятельность, которой он занимается, уже сама по себе неприятна для самолюбия тех, на кого она распространяется, он оказался бы совершенно неправ, если бы сознательно причинял им неудовольствие и вынуждал их выставлять на свет его несостоятельность.

ПРОЕКТ РЕГЛАМЕНТА МОСКОВСКИХ ГИМНАЗИЙ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

О приеме школьников в Гимназию

§ 1

Науки благороднейшими человеческими упражнениями справедливо почитаются и не терпят порабощения. Того ради в первую Гимназию принимать только детей дворянских или которых отцы дворянского рангу дослужились. В другую Гимназию принимать разночинцев, кроме тех, которые, состоя в синодальном ведомстве, имеют нарочно для них учрежденные училища. Не принимать никаких крепостных помещичьих людей, кроме того, когда помещик, усмотрев в ком из них особливую остроту, пожелает его обучать в Московской гимназии и в Университете свободным наукам; должен его прежде объявить вольным и, отказавшись от своего права и власти, которую он над ним имел прежде, дать ему увольнительное письмо за своею рукою и за приписанием свидетелей. Данное отпускное письмо хранить в университетском архиве при директории, а иного школьника производить с прочими разночинцами по его учению и пользоваться ему теми ж с ними привилегиями; когда ж явится негоден, отдать его помещику обратно по-прежнему.

§ 2

Сие все разумеется о приеме на определенное жалованье в комплект. А на своем коште позволяется всякого чина людям отдавать детей своих для обучения в оные гимназии, выключая крепостных помещичьих людей без отпускного письма, как выше показано.

§ 3

В обоих гимназиях на жалованье в комплекте не должно быть иностранных больше пятой доли, но и тем, которых отцы обязались быть вечными российскими подданными. Без жалованья вольных иностранных принимать кто лишь только похочет.

§ 4

Всяк, кто желает детей своих или поверенных себе под опеку отдать для обучения в Московскую гимназию из дворян или из разночинцев, должен оных представить в университетской директории при доношении, в котором объявить представляемого ученика лета и чему он обучился или нет, на казенном ли жалованьи или на своем коште содержать его намерен. В первом случае имеет быть принят в комплект и введен по свидетельству ректорскому в пристойную школу, ежели будет порожнее место; когда ж того не будет, ожидать по порядку времени, как кто подал доношение, между тем обучаться может на своем коште. Во втором случае принимать и обучать по свидетельству в пристойных школах тому, чего кто пожелает.

§ 5

Для сего инспектору Гимназии иметь четыре списка для представления в директорию во всякую треть: первый — о дворянских детях на жалованье, второй — для таковых же без жалованья учащихся, третий — учащихся на жалованье разночинцев, четвертый — таковых же, которые учатся на своем коште, с показанием, в котором году, месяце и числе приняты в Гимназию.

§ 6

Ежели родители не похотят детей своих обучать латинскому языку, но токмо французскому или немецкому либо арифметике, геометрии и географии, о том при доношении объявить в директории, дабы по тому учения их расположить можно было. Сие разумеется о тех, которые обучаются на своем коште.

§ 7

Когда принят будет школьник в комплект на жалованье, обучаться ему четыре месяца, не получая жалованья и не вступая с прочими жалованными в сообщество, дабы усмотреть можно было, уповательны ли от него в учении успехи, чего учителям смотреть накрепко и репортовать ежемесячно инспектору Гимназии, а оный имеет представлять в директории. За записку безжалованных школьников в реестре брать в казну по рублю с каждого и давать им вид письменный за малою университетскою печатью.

ГЛАВА ВТОРАЯ

О содержании жалованных школьников

§ 8

Которые школьники содержатся на своем коште, о тех поведении и честных нравах будут вне Гимназии иметь попечение на дому родители или те, которым они даны под опеку. Которые ж на жалованье обучаются, должны иметь особливое содержание и присмотр не токмо в учении, но и в порядочных поступках.

§ 9

Итак, для содержания в каждой Гимназии 50 человек жалованных школьников должен быть дом, в котором 12 жилых покоев и зал, 10 покоев для школьников, по 5 в каждой, один покой для надзирателя, один для двух сторожей. Зал для стола и для утренней и вечерней молитвы. Притом поварня с другими принадлежностями.

§ 10

Для стола не можно точно определенного денежного расхода, затем что всех съестных припасов цена часто переменяется. Того ради, не теряя времени, купить надлежит из остальной от первого года суммы подмосковную деревню около трехсот душ, с которых никаких других доходов не требовать, кроме съестных припасов, дров и работников для Университета и Гимназии.

§ 11

Каждый день быть в зале общему для 50 учеников обеду в двенадцатом часу, также и ужину в осьмом часу, где за столом с ними быть надзирателю для наблюдения пристойных поступков. В обед ставить три, в ужин два кушанья, также должно давать надлежащую меру квасу или кислых щей.

§ 12

В надзиратели над школьниками в их камерах и в зале на молитве и у стола выбирать людей старых, постоянных, не имеющих никакого другого, кроме школьников, о ком бы стараться должны были, и смотреть их порядка, поступков и чистоты, не выпускать их из гимназического дому без инспекторского или ректорского позволения.

§ 13

Когда школьники из гимназического дому пойдут в школы, тогда идти за ними надзирателю и смотреть, чтобы по дороге не делали никаких резвостей и шли бы порядочно. Таким образом поступать и по выходе из школ в дом гимназический. Ежели кто в чем

дома или на дороге проступится, надзиратель должен объявить ректору или инспектору гимназии, за что по мере преступления наказывать должно.

§ 14

Определенные 15 рублев в год каждому школьнику употребить на их одеяние и на другие потребности, чему всему реестр положен с ценами в следующей табели на два года.

	Рубли	Копейки
Кафтан с камзолом суконный и с лосиными штанами	8	
Шуба баранья, покрытая крашеною льняною материею	2	
Епанча	3	
Две шляпы по 30 копеек	—	60
8 пар башмаков по 25 копеек	2	
Шапка	—	50
Сапоги		50
6 рубашек по 30 копеек	1	80
На черные флоровые галстуки		50
Тюфяк		50
Одеяло		40
Две простыни	—	80
Кровать	—	15
Две подушки	—	35
Прачке	1	
Платки, полотенца, мыла	1	—
На баню		50
Запонки, пряжки, подвязки	—	50
Всего	24 рубля	10 копеек

§ 15

Остальные от каждого школьника 3 рубля 60 копеек, а от 50-ти 180 рублев в два года употреблять им на свечи, на бумагу, на перья и чернило и на покупку самых нужнейших книг, по которым должны они обучаться.

§ 16

Надзиратель должен репортовать каждые сутки поутру, пока школьники в Гимназии учатся, о их состоянии и о добре кушанья, не было ли в нем недостатка, ректору или инспектору Гимназии, а они по обстоятельствам репортовать будут директору.

ГЛАВА ТРЕТИЯ

О наставлении школьников

§ 17

Во-первых, при обучении школьников паче всего наблюдать должно, чтобы разного рода понятиями не отягощать и не приводить их в замешательство. Итак, ежели принятый школьник еще российской грамоте не знает, должен только в российском первом классе потоле обучаться, пока читать и писать искусен не будет.

§ 18

Ежели который школьник грамоте российской довольно искусен в Гимназию вступил, того, обучив первым основаниям российской грамматики в нижнем классе, обучать в латинской школе в нижнем классе, что показано четыре дни в неделю; а прочие два дни в школе первых оснований наук показывать арифметику.

§ 19

Потом по произведении обучать в российской школе во втором классе два дни в неделю; во втором же классе латинском — три дни, да геометрии и географии — один день.

§ 20

В верхнем классе в латинской школе три дни, в российской — один день, в философии — два дни.

§ 21

Для ясного изображения присовокупляется здесь табель по школам и классам, где разумеется поутру и ввечеру по три часа:

Школы Классы	Российская школа	Латинская школа	Первых оснований в науках школа
Верхний класс	В среду	В понедельник, вторник, четверток	В пятницу, субботу
Средний класс	В понедельник и в среду	Во вторник, в четверток и в пятницу	В субботу
Нижний класс	Учиться все дни, не ходя в другие школы	В понедельник, — вторник, — четверток, — пятницу	В середу, в субботу

§ 22

Арифметику, геометрию и географию показывать на российском языке, философии первые основания — на латинском.

§ 23

Сие разумеется о жалованных и о нежалованных учениках вообще, которые хотят происходить порядочно в науках. По окончании сих необходимо нужных школ учиться немецкому, французскому, английскому и итальянскому языку, смотря по остроте, по летам и по охоте.

§ 24

Сим языкам обучать не так, как обыкновенно по домам принятые информаторы одною практикой, но показывать и грамматические правила. Притом излишних оных множеством не отягощать, особливо сначала практику употреблять прилежно, слова и разговоры твердить, упражняться в переводах и сочинениях.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

О экзерциях гимназических

§ 25

Экзерции суть двояки, школьные и домашние. Школьные бывают в Гимназии приватно при одном учителе или при собрании других школ, а иногда и публично в ректорском классе. Домашние экзерции на дом от учителя задаются.

§ 26

Первая школьная экзерция есть чтение изусть заданного урока в первый час по входе в школу, прежде приходу учительского, который урок слушать должен старший школьник того же классу и, знает ли кто урок или нет, записывать в таблице и класть на стол перед учителем, что учитель сам освидетельствовать может.

NB ***Проблема старших и младших, их взаимоотношений, совместной деятельности неоднократно поднималась в нашей педагогике. Теория разновозрастных отрядов, шефство старших над младшими многие годы занимали и занимают умы учителей. И развитие идей Ломоносова на уровне сегодняшней педагогики, сегодняшней школы, гимназии может внести немалый положительный вклад в эту проблему.***

§ 27

Вторая школьная экзерция: короткие задачи переводить какие сентенции или переменять фразисы стихами и прозою, не пишучи. Материи выбирать по тому, в каком то будет классе. Сие служить будет к немалому в учении поощре-

Надо только помнить, что в каждом классе гимназии во времена Ломоносова обучались учащиеся самых разных возрастов и «старший школьник» был действительно старшим.

В нашей гимназии созданы творческие ученические лаборатории, в которых часто одними и теми же проблемами занимаются ученики разных классов. Например, в лаборатории экологии города занимаются учащиеся 6-х, 10-х классов, а в нашем Ломоносовском музее над реставрацией старинных приборов работают и семиклассники, и учащиеся выпускных классов. В этих и других сферах деятельности совместная работа старших и младших, естественно, дает возможность для близкого общения и создает в гимназии атмосферу дружелюбия и уважения. Не о такой ли атмосфере пекся Ломоносов в своих многочисленных наставлениях: письмах, записках?

нию, однако чинить тогда, ежели учителю по окончании своей лекции времени до выходу останется.

§ 28

При собрании школ обоих гимназий быть экзерциям на каждый месяц при окончании: один день поутру и пополудни, где учители обще имеют всем задавать материи для переводу или преложения фразисов прозою и стихами, чтобы то делали школьники, не смотря в книги и не пишучи.

§ 29

Публичным экзерциям быть по каждому полгода только в верхнем классе, где некоторые школьники имеют говорить речь своего сочинения под ректорским присмотром на российском и латинском языках, прозою и стихами.

§ 30

Домашние экзерции, которые между школьными лекциями кроме уроку что выучить должно, от учителей на дом задаются, должны быть короткие переводы с российского на латинский, с латинского на российский или преложения с прозы на стихи, смотря по классам. Ныне задавать трижды в неделю на ночь, а в обеднее время для краткости времени того не делать. Позволить школьникам по своей охоте для показания каждому своего особливого рачевания и понятия. Сии могут быть подобны вышеписанным задачам, или, кто хочет, имеет выучить сверх уроку несколько стихов или краткую речь в прозе из классических авторов.

§ 31

Сие все будет служить не токмо скорому обучению, но и обстоятельному познанию остроты и прилежания каждого школьника, что все, дабы ясно и подробно видеть можно было, должно иметь помесячные таблицы, в которых показывать каждого школьника повседневное поутру и ввечеру поведение в школах и исправление домашних экзерций.

NB ***Творческому учителю всегда не хватает нашей 5-балльной, а в действительности 4-балльной (потому что непринципиальная разница между единицей и двойкой чисто символична) системы оценок. Часто трудно бывает оценить добросовестно выполненную работу, работу нетривиальную, «искру божию» в работе, и их все оценивают просто «5». Еще больше разницы между работами, получившими оценку «3». И вынужденно введенные нормы для экзаменационных работ (5 примеров — «5», 4 — «4» и т. д.) лишают учителя возможности отметить нетрадиционный подход, красоту решения. А что уж говорить о творческих работах! В нашей гимназии учитель рисования ставит оценку «6», невзирая на постоянные пререкания администрации и утверждает, что «это — взлет над взлетом» и оценить эту работу просто «5» невозможно.***

Ну просто необходимо расширить 5-балльную систему оценок, и только тогда мы сможем быть уверены, что индивидуальный подход к ученику, о котором сегодня так много говорят, существует на практике. Впрочем, есть и альтернативное мнение: некоторые учителя, особенно начальных классов, высказываются за безоценочную систему как наиболее гуманную. Но... чем младше школьник, тем более стимулирующее значение имеет для него оценка!? Как быть?

§ 32

Что кто исполнил или пропустил и прочее, назначивать в клетках против каждого дня и имени первыми буквами слов знаменующих:

В.И.	— все исполнил.
Н.У.	— не знал уроку.
Н.Ч.У.	— не знал части уроку.
З.У.Н.Т.	— знал урок нетвердо.
Н.З.	— не подал задачи.
Х.З.	— худа задача.
Б.Б.	— болен.
Х.	— не был в школе.
Ш.	— шабаш.

§ 33

Для помесячных экзерциий должно быть общей табели у ректора, в которой записывать каждого прилежание, остроумие, разделяя на три статьи — на лучших, посредственных и последних.

§ 34

Для тех, которые в ректорском классе полгодичные экзерциии публично имели, иметь особливые записки со мнением о их искусстве Гимназии инспектора и ректора.

§ 35

Все школьные табели помесячно, а записки в каждые полгода вносить в директорию на рассмотрение, где по обстоятельствам директор с инспектором Гимназии распределять будут, а особливо того смотреть, чтобы остроумные и прилежные отличены были от тупых и нерадивых.

ГЛАВА ПЯТАЯ

О экзаменах, произведениях и выпусках школьников

§ 36

На каждый год быть двум произведениям из нижних классов в высшие, а из верхнего в студенты; первому произведению быть после недели святыя пасхи, второму — в первые числа месяца сентября.

§ 37

Для сего чинить прежде каждого произведения в обоих гимназиях и во всех школах и классах строгие экзамены, первый — на шестой неделе великого поста, второй — в последних числах месяца августа, перед рекреациею, в месяце августе позволенною.

§ 38

В нижнем и среднем классах экзамен должен происходить в присутствии директора, инспектора Гимназии и ректора и при учителях. В верхнем классе экзаменовать в присутствии кураторском, директорском, всех профессоров и ректора.

§ 39

Прежде экзамена сочинить для каждой школы и класса общие на целую полгода табели, чтобы вдруг можно было видеть экзаменаторам понятие, прилежание и поступки каждого школьника как следует.

Имена	В.И.	Н.У.	З.У. Н.Т.	Н.З.	Х.З.	Б.Б.	Х.	В.И. С.	Наказан	Паки
№№										
№№										
№№										
№№										

§ 40

Потом спрашивать каждого школьника особливо изо всех тех книг, по которым он чему изусть учился или которые от учителя толкованы. Задавать к решению переводы краткие или сочинения по рассуждению школы и класса. Кто каково ответствовал, записывать в особливые экзаменаторские табели.

§ 41

После экзамена сличить помесячные табели с теми, в которых при экзамене записаны успехи каждого школьника. Производить

их по достоинству из нижних классов в высшие, из верхнего класса в студенты для слушания в оном профессорских лекций, причем наблюдать следующее.

§ 42

NB ***Переводить с двойкой в следующий класс или нет? Эта проблема постоянно дискутируется в современной педагогике.***

У Ломоносова на этот вопрос ответ строго определен — нет, не переводить! А мы? Сколько аргументов «за» и «против». А если забыть эмоции и обратиться к реальности?

Ученик, знания которого по математике в 5-м классе были оценены неудовлетворительно, не может осилить программу 6-го, 7-го классов.

Конфликтная ситуация усложняется год от года, создавая неприятные проблемы для учителей, учеников и их родителей.

С другой стороны, оставлять успевающего по всем предметам, кроме одного, ученика на 2-й год — значит заранее сделать из него троечника, лишенного уверенности в себе человека. Помоги нам гуманная педагогика!

Во времена Ломоносова многое было проще: в гимназии и университете был жесткий регламент, нарушить который никто не мог. Но гуманно ли это?

Не переводить из одного класса в другой, ежели кто не выучил всего того твердо, что в оном классе, в котором учился, положено для изучения.

§ 43

Не разделять учения одного школьника по разным классам. Так, кто нижний класс русской и латинской школы знает твердо, а не выучил как надлежит в нижнем классе арифметики, того не производить в средний класс ни русской, ни латинской, пока арифметику довольно знать будет. Таким образом, ежели кто арифметику выучил, однако нетверд в первых основаниях латинского языка, того не переводить во второй класс латинской школы. Сие наблюдать и в прочих классах, дабы один с другим не мешались.

§ 44

При выпуске из Гимназии студентов смотреть сверх сего лет, чтобы кто ради малолетства, вышед из строгого гимназического содержания, не испортил нравов, но приобрел бы вместо того и успехи в других языках. Итак, ежели кто к 15 летам своего возраста пройдет все классы российской, латинской и первых оснований нужнейших наук, того перевести в немецкую, французскую и других языков школы по рассуждению его понятия.

§ 45

Напротив того, когда кто в помянутых классах трех школ оканчает учение в летах, например около двадцати лет, также и способность к учению нынешних европейских языков посредственную имеет, такового производить в студенты, дабы, не теряя напрасно времени, мог достигнуть в Университете такой науки, которою, помянутых языков не зная, отечеству полезен быть может.

§ 46

Ежели который школьник за какими-нибудь извинительными причинами, как то за долговременными болезнями или за недовольною способностию, в Гимназии долго пробыл и уже в немалых летах, однако всегда учился по силе своей прилежно и вел себя порядочно, такого должно из Гимназии выпустить в другую команду по пристойности с рекомендациею или определить в учители нижних классов.

§ 47

Которые учатся на своем содержании, тех выпускать по тем условиям, на которых они в Гимназию приняты. Но ежели в ком усмотрена будет особливая острота и склонность к наукам, для тех употреблять всякие пристойные способы, чтобы склонить родителей к совершению таких детей их в науках.

ГЛАВА ШЕСТАЯ
О книгах, по которым обучать в школах

§ 48

В российской школе в первом классе обучать российской грамоте обыкновенным старинным порядком, то есть азбуку, часослов и псалтырь, потом заповеди просто. Толкование оных слушать могут по воскресным дням в синодальных школах. Потом учить писать по предписанному доброму великороссийскому почерку и приучать читать печать гражданскую.

§ 49

Во втором и третьем классах читать, а знатные места изусть твердить в прозе и в стихах российские сочинения, те особливо, которые при благополучном владении е. и. в. всемилостивейшей государыни императрицы Елисаветы Петровны к знатному исправлению российского штиля на свет вышли.

§ 50

Но притом прилежно читать славенские книги церковного круга и их держаться как великого сокровища, из которого знатную часть великолепия, красоты и изобилия великороссийский язык заимствует.

§ 51

В латинском первом классе употреблять «Латинскую грамматику» с российским переводом, при Академии наук печатанную (которую для московских гимназий с надлежащим исправлением вторым тиснением издать можно), учить правильные деклинации и конюгации, показывать общие и самые нужные правила о сложении речений, разговоры латинские учить по печатным на четырех языках при Академии, потом учить несколько Ерасмовых разговоров по выбору учительскому, с апробацией ректора и Гимназии инспектора, особливо те, которые содержат разные речей формулы, притом толковать силу их по-грамматически и изъяснять по-российски. Вокабулы латинские учить двояким образом: первое, натуральным порядком по свойству разных материй, второе, по алфавиту речения первообразные или коренные. Для сего должно немедля сделать и напечатать особливый вокабулар с российским переводом.

§ 52

Во втором латинском классе по той же «Грамматике» учить неправильные склонения и спряжения, показывать все труднейшие правила синтаксические, толковать избранные Цицероновы письма, Корнелия Непота, Светония и Курция и из них задавать переводы, читать и учить изусть Ерасмовы пословицы.

§ 53

В третьем латинском классе учить прозодию, толковать и читать Вергилия, или Горация, или Овидия; в прозе — Флора, Ливаевы некоторые книги и речи, Тацита и других.

§ 54

В школе первых сочинений нужнейших наук, в первом и во втором классах употреблять из Волфова сокращения «Арифметику» и «Геометрию» (которые нарочно с немецкого перевесть и напечатать), географию употреблять Курасову, логику, метафизику и практическую философию учить по Тиммигову сокращению Волфианской философии на латинском языке.

§ 55

Немецкому языку учить по «Грамматике» Готшедовой и по «Разговорам немецким», печатанным с российским переводом; в прозе читать и толковать сочинения Мосгеймовы, в стихах Каница и Гинтера и других.

§ 56

Французскому языку обучать по «Грамматике» Пеплиеровой; читать и толковать в прозе «Телемака», в стихах Мольера и Расина.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

О награждениях и наказаниях

NB ***Поощрения и наказания — извечная проблема педагогики. С поощрениями все более или менее ясно. Похвальные листы, грамоты, подарки и поездки, денежные премии от округа и города — эти и другие поощрения позволяют создать престиж успеха.***

А вот наказания... У Ломоносова в Регламенте гимназии очень просто — «на хлеб и воду», «на колени среди школы» и «лозами по спине».

А в наши дни, исповедуя воспитание свободной личности, о подобных наказаниях не только подумать, помыслить невозможно. Что же остается? Выговор (действует редко), беседа с родителями (больше действует на родителей, чем на ребенка, и еще неизвестно, что его ждет после такой беседы!), переэкзаменовка (безусловно, учитель расстраивается больше), исключить — нельзя! Что же еще? И мы снова обращаемся к личности — учителя, завуча, директора, к их знанию психологии, педагогическому опыту, мудрости. Понимание того, что худшим наказанием является отсутствие похвалы, суровый взгляд, подчеркнутое отсутствие внимания... Но все это приносит свои результаты, только если существует взаимопонимание между взрослыми и детьми. Как добиться его? И всегда ли стоит отказываться от принуждения?

§ 57

Награждения и наказания должны быть приватные и публичные: приватные награждения — за излишние в школе изучения и преимущества перед другими; публичные — за оказанные при собрании школ чрезвычайные преимущества в экзерциях; приватные наказания — за неисправление школьной должности или за непристойные в доме и школе поступки; публичные — за великие пренебрежения школьных должностей, за чрезвычайную резвость или за важные преступления законов.

§ 58

Приватные награждения к поощрению молодых людей могут быть довольны: 1) похвальные слова; 2) повышение места перед другими; 3) чтоб им те кланялись в школе, которые то должны делать вместо штрафа; 4) давать грыдорованные картинки, тетрадки, книжки.

§ 59

Публичные награждения могут состоять: 1) в книгах чисто переплетенных; 2) в математических инструментах; 3) в медалях серебряных, которые должен отдавать им директор при всем собрании, похвалив показанные успехи.

§ 60

Приватные наказания к удержанию от непристойных поступков и злых дел могут употреблены быть: 1) выговоры и угрозы; 2) понижение места; 3) чтоб тем кланяться в школе, которые себя хорошо оказали; 4) ставить среди школы на колени; 5) бить по рукам ферулею; 6) лозами по спине.

§ 61

Публично наказывать за великие пренебрежения школьных должностей и за чрезвычайную резвость: 1) отлучать от общего стола прочих школьников и кормить за особливым столом хлебом и водою; 2) надевать дурное платье в заплатах и ставить при выходе всех школьников из Гимназии; 3) садить в тюрьму, где бы, кроме голого полу, ни сидеть, ни спать было не на чем, и кормить хлебом с водою; 4) давать на каждое утро по нескольку разов лозами.

§ 62

За важные преступления законов держать до определения в тюрьме скованных, потом из Гимназии отсылать к суду гражданскому, куда надлежит.

§ 63

Публичных наказаний за великие пренебрежения школьных должностей не чинить без директорского ведома, а из Гимназии не выключать и к гражданскому суду не отдавать без соизволения кураторов.

ВСЕНИЖАЙШЕЕ МНЕНИЕ О ИСПРАВЛЕНИИ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

1

Е. и. в. всемилостивейшая государыни нашея о благополучии наследного государства попечение и великодушная щедрота простирается как всеобще чрез целое отечество, равным образом и на каждое из государственных дел отправлению учрежденное место; кроме многих других свидетельствует императорская Академия наук, которую, дабы восстановить от прежнего испорченного состояния и мало полезного поведения, матерним милосердием и щедролюбием движима, прибавлением великой суммы оную снабдеть и регламентом утвердить всемилостивейшее попечение возыметь благоволила.

Успехи толь великодушного и беспримерного снабжения весьма бы должны быть через семь лет чувствительны и очевидны. Правда, что некоторые вначале стали было отказываться, однако так малы, что не токмо толь великой сумме не могут соответствовать, но и в сравнении с уронами, с другой стороны приключившимися, едва ли оные наполнить могут. Словом, по оказании толь высокой и беспрекладной милости е. в. академическое состояние ни мало не исправилось, но больше прежнего к падению и конечному разрушению приближалось, что необходимо требует наискорейшего исправления. Сие как бы в дело произвести с желаемым успехом:

1) должно рассмотреть самые недостатки и упадку;

2) показать оного упадку и недостатков происхождение и причины;

3) дать способ к оных отвращению и к исправлению всего корпуса.

1. Главное дело и самое основание и начало к происхождению ученых россиян — Гимназия пришла в худшее состояние, нежели прежде. Ясное сему есть доказательство, что по сие число в семь лет ни един школьник в достойные студенты не доучился. Аттестованные приватно прошлого года семь человек латинского языка не разумеют, следовательно, на лекции ходить и студентами быть не могут, что на экзамене в собрании оказалось.

2. Набранные из синодальных школ — из Спасской, Новгородской и Невской — студенты 1748 года ни единого не чинят Академии преимущества перед набранными прежде нового штата в 1732 и 1736 годах. Для всех лекции только на время начинались и без продолжения прекратились, всех происхождение и произведение есть равное.

3. Академические собрания были полнее и порядочнее. Ныне для недостатка нужных профессоров весьма неполны и беспорядочны, ибо нет высшего математика, географа, физика, ботаника, механика.

4. Печатание книжное и торг едва может ли с прежним худым сравниться.

5. Старых долгов не токмо многие тысячи не заплачены, но и вновь беспрестанно прирастают, а особливо неплачение обещанного награждения чужестранным членам, что именным е. в. указом особливо повелено было.

6. Библиотека и Кунсткамера имеют расположение толь же худо, как и прежде. Не упоминаю о недостатках, которые воспоследовали от пожара, крайним небрежением воспоследовавшего.

7. Художества, а особливо грыдорование немалое имеет приращение. Однако не токмо положенная на то в Регламенте чрезвычайно великая сумма исходит, но и сверх оной вся прибыль, что от художеств собирается, употреблена бывает, что в рассуждении несравненной пользы, от Академии и от Университета ожидаемой, весьма непропорционально.

Сии недостатки никогда бы не были столь велики и никаким бы партикулярным пристрастием или интересом желанное приращение наук не могло бы пресекаться и приходить в непорядок, когда бы в Академическом регламенте узаконения были на все случаи довольны и утверждены толь неподвижно, чтобы их никто не мог переменять или толковать по своему произволению.

Правда, что Академический регламент апробован и подписан высочайшею е. и. в. рукою, и ради того почитать должно оный свято и во всех академических поведениях ему согласоваться, но 1-е, многие примеры не токмо вне, но внутрь России имеем, что премудрые государи, усмотрев лучшее, узаконения свои отменяли; 2-е, в последнем пункте Академического регламента позволяется президенту чинить отмены, из чего явствует, что оный Регламент за совершенный не признается; 3-е, что в оном учреждении Университетского регламента и Гимназии ничего не содержится, что необходимо нужно и медления отнюдь не терпит; не упоминаю, что он без предписания высочайшего титула е. и. в. напереди, как все прочие регламенты и узаконения; 4-е, яснее всего доказывают сие многие важные отмены пунктов в разных случаях. Сие рассуждая и видя, что толикое множество казны е. в. без желаемого успеха исходит, а паче всего высочайшее благоволение и матернее намерение и желание по надлежащему не исполняется, по всеподданнической моей должности и по усердной любви к отечеству приемлю дерзновение предложить: 1) недостатки Академического регламента; 2) как он исправлен и в требуемое совершенство приведен быть может.

2

Для всякого предприемлемого важного дела должно полагать наперед непоколебимые основания и предписывать несложные правила, дабы в произведении оных не подвергнуться каким преткновениям, не просмотреть ничего нужного и не употребить бесполезного. Учреждение императорской Академии наук простирается не токмо к приумножению пользы и славы целого государства, но и к приращению благополучия всего человеческого рода, которое от новых изобретений происходит и по всему свету расширяется, о чем внешние академии довольно свидетельствуют. Того ради, приступая к оному, должно положить вначале общие основания, на которых утвердить и расположить всю сего великого государственного и полезного учреждения систему, ибо без оных все должно быть зыблемо и к старому падению и разрушению склонно.

Оные основания в следующих пунктах кратко предлагаются.

1. Регламент Академический таким образом сочинен и расположен быть должен, чтобы он всегда имел свою силу и всякому будущему времени был приличен и согласен и везде полезен. Того ради не должно смотреть на лицо, заслуги и недостатки тех, которые находятся в Академии при нынешнем состоянии, ниже на поведения и поступки или обстоятельства.

2. Дабы Академия не токмо сама себя учеными людьми могла довольствовать, но размножать оных и распространять по всему государству.

3. При сочинении Регламента должно прилежно смотреть на учреждения славных академий в других государствах, из давних времен процветающих, как добрые примеры, выключая то, что с прочими узаконениями Российского государства не согласуется.

4. Между равными, а особливо между высшими чинами были бы всегда дружба и согласие, от нижних к высшим — пристойное почтение, от подчиненных к начальникам — законное послушание. Все сие к беспрепятственному приращению наук и к приобретению от народа к ним почтения и любления необходимо нужно.

5. Дабы добрые имели одобрение, а злые — страх, должно определить по мере заслуг награждения, по мере преступлений наказания, но так, чтобы излишеством воздаяний не привести к высокоумию и лености, безмерным истязанием — к подлости и отчаянию.

6. Дабы Академический регламент был наблюдаем строго и порядочно, для того положить учреждения, никогда и никем не отменяемые без высочайшего монаршеского повеления, по примеру других команд, и предписать точно пределы, до которых главные командиры в потребных обстоятельствах отмену учинить могут и что с общего членов согласия, что сами собою.

7. Дабы в произведении и содержании разных академических департаментов и наук было полагаемо равномерное попечение и наблюдалась бы надлежащая пропорция. В противном случае будет Академия подобна некоторому безобразному телу, которое от болезни, неровное питание в членах производящей, имеет те части

больше и тучнее, которые в здравом состоянии должны быть равны или еще и меньше.

3

Сочинитель апробованного Академического регламента, о котором профессоры не знали, при начинании оного не имел пред собою таковых необходимо нужных оснований, что из следующих ясно усмотреть можно.

1. Большая часть штата расположена по бывшему прежде в Академии, до прибавления суммы, по большей части испорченному состоянию. Например:

В департаментах

1. Канцелярия вовсе излишна. В других государствах отнюдь их нет при таковых корпусах. Однако была и затем не токмо оставлена, но и больше власти получила к уничтожению профессорского достоинства.

2. Российского собрания, нужного весьма учреждения, тогда не было; следовательно, в Регламенте и не упомянуто.

В персонах

1. В астрономическом классе положен калкулатор только для того, что был тогда профессор Винсгейм, который только к тому и способен. В других академиях и имени того нет.

2. Ректором университета положен историограф, то есть профессор Миллер, затем что он тогда был старший. И если бы Миллер был юрист или стихотворец, то, конечно, и в штате ректором был бы положен юрист или стихотворец. После перемен и сделан ботаник.

3. Историографу придан переводчик китайского и манчжурского языков, то есть переводчик Россохин. Но если бы он знал вместо китайского и манчжурского языков, например, персидский и татарский, то бы, конечно, положен был в штате переводчик персидского и татарского языков.

4. В Канцелярии члены положены советник и асессор, которые в науках и в языках некоторое понятие имеют, то есть Шумахер и Теплов. Но если б оба они были люди великого учения и Теплов бы был уже тогда советником, то б, конечно, в стате положены были в Канцелярии два советника, в высоких науках весьма искусные.

5. В европейских государствах, которые ради отдаления меньшее сообщение с азиатскими народами имеют, нежели мы по соседству, содержатся при университетах профессоры ориентальных языков. Но в академическом стате оный не положен, затем что тогда его в Академии не было.

В жалованье

1. Каждая наука в Академии имеет равное достоинство, и в каждой может быть равенство знания и неравенство. Итак, вообще рас-

суждая, должно всем положить в штате равное жалованье, ибо для неравности положенного жалованья студенты больше будут стараться о тех науках, где профессору больше жалованья положено, что уже и примером оказалось, ибо, ведая что и высшему математику жалованья положено 1800 рублев, а химику — 860, и притом алгебраист, сидя в своей камере или в саду, может свое дело исправлять, а химик, напротив того, должен в дыму, в пыли и вредных парах обращаться, все лучшие студенты к математике прилагают старание, от химии удаляясь. Причина сего, что сочинитель в определении жалованья, положенного в штате, смотрел на тогдашние обстоятельства. И алгебраисту положено жалованье 1800 рублев для Ейлера или Бернуллия, астроному — 1200, чтоб славного человека приласкать в Россию, анатому — 1000 рублев для Бургава, прочим — по 860 и 660 рублев не по достоинству и трудности самой науки, но по обстоятельствам особ, которые тогда оные профессии имели. Однако если бы Ейлер (или Бернуллий) был таков химик, каков он математик, то, без сомнения, было бы химику положено жалованья в штате 1800 рублев.

Из сих примеров явствует, что академический штат сочинен по большей части, взирая на персоны и обстоятельства тогдашнего времени. Следовательно, во все будущие времена служить не может, что весьма противно первому основанию.

2. Основание о произведении и размножении ученых людей в России не токмо весьма мало наблюдаемо было, но и совсем оному в противность поступано быть кажется. Например:

1) Во всех европейских государствах позволено в академиях обучаться на своем коште, а иногда и на жалованье всякого звания людям, не выключая посадских и крестьянских детей, хотя там уже и великое множество ученых людей. А у нас в России при самом наук начинании уже сей источник Регламентом по 24 пункту заперт, где положенных в подушный оклад в Университет принимать запрещается. Будто бы сорок алтын толь великая и казне тяжелая была сумма, которой жаль потерять на приобретение ученого природного россиянина и лучше выписывать! Довольно бы и того выключения, чтобы не принимать детей холопских.

2) Профессоры в других государствах, невзирая на их великое довольство, имеют, во-первых, чины знатные и всегда выше или по последней мере равно коллежским асессором считаются, второе, ободряются к прилежному учению не токмо произведением в чины, но и возвышением в знатное дворянство, так что нередко бывают за особливое достоинство произведены по первому в тайные советники, по второму в фрейгеры или в бароны. Здесь правда, что ободрение от произведения по высочайшей милости е.в. с радостию видим, однако, что до первого надлежит, капитанские чины профессорам малы, а адъюнктам и никаких нет, о чем в Регламенте и в штате не токмо по-прежнему оставлено, но и почти вся надежда отнята к их происхождению в высшие чины по 10-му пункту. Напротив того, канцелярским членам и другим чинам положены достойные ранги к унижению профессорского достоинства и, следовательно, и к помешательству в размножении учения. Сие также немало препятствует, что дворяне больше записывают детей своих в кадеты, нежели в Академию, ибо, положив многие труды и годы на учение, не имеют почти никакой надежды произойти как только до капитана, да и то с трудом.

3) Каждому академику положено упражняться в своей профессии, а в чужую не вступаться. Сие ограничено весьма тесно, ибо иногда бывает, что один академик знает твердо две или три науки и может чинить в них новые изобретения. Итак, весьма неправильно будет, ежели когда астроному впадает на мысль новая физическая махина или химику труба астрономическая, а о приведении оной в совершенство и описании стараться ему не позволяется и для того о том молчать или другому той профессии уступить и, следовательно, чести от своего изобретения лишиться принужден будет. Сие немало распространению знаний может препятствовать и для того некоторыми правилами изъяснено быть должно.

4) Больше всего препятствуют приращению наук и размножению людей ученых весьма малое число студентов и школьников в рассуждении толь великой суммы, на Академию положенной, и беспропорциональное разделение студентов и школьников, ибо всех их только 50 человек, которых число по примеру кадетских корпусов много больше быть должно. Сверх сего, школьников много меньше, нежели студентов, что совсем противным образом быть должно, затем что не всякий школьник произойти может в студенты, как не всякий студент — в профессоры. Посторонние вольные школьники тому не замена, затем что должны быть и студенты вольные и посторонние, безжалованные.

5) Таковые студенты числятся по университетам в других государствах не токмо стами, но и тысячами из разных городов и земель. Напротив того, здесь почти никого не бывает. Причина сего весьма видна и явственна, ибо здешний Университет не токмо действия, но и имени не имеет. Но когда бы здешнему Университету учинена была инавгурация, то есть торжественное учреждение, как то в других государствах водится, и на оном бы программою всему свету объявлены были вольности и привилегии, которыми Университет пожалован: в рассуждении профессоров, какую имеют честь, преимущество и власть и какие нужные науки преподавать и в какие градусы аттестовать и производить имеют, в рассуждении студентов, какие имеют увольнения, по каким должны поступать законам, и как могут происходить в градусы и какие преимущества обученные в Университете перед неучеными в произвождении иметь будут, — все сие когда б учинено было, то, конечно, Университет Санкт-Петербургский был бы доволен и вольными студентами, которые купно с содержащимися на жалованье могли вскоре не токмо Академию удовольствовать, но и по другим командам распространяться.

3. Хотя из вышеписанных уже ясно видеть можно, что при сочинении Академического регламента и штата мало смотрено на достохвальные учреждения академий и университетов в чужестранных государствах, однако еще немало других есть сего доказательств.

1) В европейских государствах университеты разделяются на 4 факультета: богословский, юридический, медицинский, философский. Здесь, хотя богословский оставляется Святейшему Синоду, однако прочих трех порядочное учреждение необходимо нужно: 1) для обучения студентов прав вообще, также европейских и российских, для умножения в России российских докторов и хирургов, которых очень мало, для приумножения прочих ученых, которые в философском факультете заключаются; 2) для порядочного произведения в градусы, чтобы произведенный в Санкт-Петербургском университете порядочным и обыкновенным у других образом, например доктор медицины, признаваем был за доктора во всех государствах, 3) чтобы в трудных судебных, медицинских и других делах можно было в другие команды из Академии требовать по факультетам мнения, как то обыкновенно в других государствах трудные судебные, медицинские и другие дела по академиям и университетам для совета сообщаются. О сем нужном и полезном учреждении в академическом штате и Регламенте ничего не упомянуто.

2) В университетах ректорам как велика власть дается, так и недолго поручается. Ректор имеет власть живота и смерти над студентами и на всякие полгода переменяется по избранию. Здесь должно или имя иное оставить, или учинить по-иностранному, однако из сих ни одного не сделано. Я предложу о сем в другой части, что и с иностранными обыкновениями сходствовать, и российским узаконениям не противно будет.

3) О произвождении в градусы, о публичных экзерциициях студентов и о лекциях профессорских в Регламенте ничего не предписано, что, однако, необходимо нужно и, в других государствах происходя порядочно, великое ободрение наукам и честь приносит.

4) Академический корпус составляется, 1) ради того чтобы изобретать новые вещи, 2) чтобы об них рассуждать вместе с общим согласием. Но рассуждения быть общие не могут, ежели о достоинстве изобретения один только знание имеет. Например, во всем собрании только один ботаник, следовательно, что он ни предложит, то должно рассудить за благо, как бы оно худо ни было; затем, что один только ботанику разумеет. Следовательно, и собрания академиков тщетны. Итак, в других академиях каждая профессия имеет в одной науке двух или трех искусных, чего в новом Регламенте отнюдь не упомянуто и ни самого дела, ниже примеров в рассуждение не принято.

4. Штат академический, хотя сам положенной суммы не превосходит, однако для недостаточных узаконений и для данной великой свободы оные переменять по произволению к тому дали причину, что не токмо без нужды набранными людьми сумма отягощена, а годных положенного числа нет, но и старые долги не выплачены и новые прирастают. Что ж до прибыли надлежит, которая от художеств, а особливо до типографии надлежит, о том, как умножить, расположить и получать великую пользу, нет в Регламенте никаких учреждений. Коль великая государственная от сего прибыль, польза и слава оставлена в небрежении, о том в учреждении Академии художеств. Имея одну типографию во всем государстве, могло бы много остаться суммы в 7 лет: хотя бы по 10 000, было б уж 70 000...

NB ***Разрабатывая структуру гимназии «Школа Ломоносова», мы обратили внимание и на эту мысль Михаила Васильевича. Хотя, казалось бы, можно ли сравнивать Академию времен Ломоносова с современной гимназией наших дней? Можно и нужно.***

В результате длительного поиска наиболее оптимальной системы научно-методической работы гимназии мы пришли к выводу о необходимости создания научно-методических кафедр, которые объединяют специалистов одного профиля. Руководители кафедр входят в научно-методический совет гимназии. Эта система позволяет не только решать вопросы частных методик, но и разрабатывать стратегические направления, осваивать новые методики, ставить методические эксперименты; кафедры занимаются обработкой содержания дисциплин, их идеологией (научной), организацией ученических поисковых (исследовательских) лабораторий, созданием системы урочно-внеурочной деятельности гимназиста (по предмету), планированием карьеры учителя.

Научно-методический совет координирует и направляет работу кафедр, аккумулирует новые передовые идеи, воплощает их в жизнь, определяет стратегию развития гимназии в целом.

Против 6-го основания

Для дружбы, для повелительства, для послушания должны служить: 1) всегда взаимно соответствующие и общими силами производимые труды; 2) известные каждому ранги и команды; 3) члены и другие служители, всяк в своем деле искусные.

В Академическом регламенте положено, что профессору одной профессии нет дела до другой. Сей пункт разрушает общество академических конференций: 1) в советах и рассуждениях; 2) в трудах тех профессоров, которые больше, нежели одну науку, знают; ибо ежели астроном знает физику или химию или ботанику, не должен сочинять диссертаций физических, химических или ботанических, хотя что новое найдет, затем что по сему пункту могут по зависти тех наук профессоры спорить, отчего ссоры и препятствия в распространении наук; 3) малое число профессоров: по одному в науке. Что скажет, то и ладно, как бы худо не было.

РОССИЙСКАЯ ГРАММАТИКА

Пресветлейшему государю, великому князю Павлу Петровичу, герцогу голстейн-шлезвигскому, сторманскому и дитмарсенскому, графу олденбургскому и делменгорстскому и прочая, милостивейшему государю

Пресветлейший государь, великий князь,
милостивый государь!

Повелитель многих языков, язык российский не токмо обширностью мест, где он господствует, но купно и собственным своим пространством и довольствием велик перед всеми в Европе. Невероятно сие покажется иностранным и некоторым природным россиянам, которые больше к чужим языкам, нежели к своему, трудов прилагали. Но кто, не упрежденный великими о других мнениями, прострет в него разум и с прилежанием вникнет, со мною согласится. Карл Пятый, римский император, говаривал, что ишпанским языком с богом, французским — с друзьями, немецким — с неприятельми, итальянским — с женским полом говорить прилично. Но если бы он российскому языку был искусен, то, конечно, к тому присовокупил бы, что им со всеми оными говорить пристойно, ибо нашел бы в нем великолепие ишпанского, живость французского, крепость немецкого, нежность итальянского, сверх того, богатство и сильную в изображениях краткость греческого и латинского языков. Обстоятельное всего сего доказательство требует другого места и случая. Меня долговременное в российском слове упражнение в том совершенно уверяет. Сильное красноречие Цицероново, великолепная Вергилиева важность, Овидиево приятное витийство не теряют своего достоинства на российском языке. Тончайшие философские воображения и рассуждения, многоразличные естественные свойства и перемены, бывающие в сем видимом строении мира и в человеческих обращениях, имеют у нас пристойные и вещь выражающие речи. И ежели точно изобразить не можем, не языку нашему, но недовольному своему в нем искусству приписывать долженствуем. Кто отчасу далее в нем углубляется, употребляя предводителем общее философское понятие о человеческом слове, тот увидит безмерно широкое поле или, лучше сказать, едва пределы имеющее море. Отважась в оное, сколько мог я измерить, сочинил малый сей и общий чертеж всея обширности — Российскую грамматику, главные только правила в себе содержащую. Сие невеликое дело в.и.в. принести в дар весьма бы я усумнелся, если бы оно, не считая моего посильного и к отечеству усердного труда, само своею надобностию не подало к тому смелости. Тупа оратория, косноязычна поэзия, неосновательна философия, неприятна история, сомнительна юриспруденция без грамматики. И хотя она от общего употребления языка происходит, однако правилами показывает путь самому употреблению. Итак, когда в грамматике все науки таковую нужду имеют, того ради, желая, дабы она сиянием, от пресветлого имени в.и.в. приобретенным, привлекла российское юношество к своему наставлению, всеуниженнейше приношу оную в.и.в., преисполнен усердного желания о многолетнем оного продолжении. Всевышний промысл, споспешествующий попечению о вас, великия Елисаветы и дражайших родителей в.и.в., да благоволит укрепить ваше младенчество, просветить отрочество, возвеселить юношество, прославить мужество и продолжить в бодрости премудрую старость. И, когда под вышнего рукою лета ваши процветая купно с общею нашею радостию возрастают, да возрастает и российского слова справность в богатстве, красоте и силе, к описанию славных дел предков наших, к прославлению благословенного дома Петрова и всего отечества, к удовольствию в.и.в. и ваших потомков, которых число да продолжит господь непрерывно вовеки, от искренней верности желаю, пресветлейший государь, великий князь, в.и.в. всенижаший раб

Михайло Ломоносов

NB ***Читая с юности знакомые изумительные строки, посвященные русскому языку, его широте, красоте, неограниченным возможностям, вновь и вновь задумываешься о роли языка в жизни человека, в жизни общества. Сколько раз пытались покорять чужие языки наш родной язык, но, к счастью, лишь обогатили его новыми словами и понятиями. Сколько раз в истории нашего государства на поверхность выплывала далеко не лучшая его часть. Это естественно — ведь язык неразрывно связан с духовным здоровьем общества, он — выразитель этой духовности, он катализатор ее развития.***

Бесконечно важна, сложна роль всех тех, кто сохраняет, приумножает красоту и богатство языка, кто обучает ему молодое поколение. Конечно, речь идет, прежде всего, об учителях начальных классов, преподавателях русского языка и литературы. Мы стремимся не только непрерывно совершенствовать изучение русского языка как предмета, но и приучать гимназистов к прекрасному в языке, вырабатывать у них привычку говорить на литературном языке, используя не только слова и понятия, но и проникновенный стиль русской речи. На это работают литературные концерты (самодеятельности и артистов филармонии), литературные салоны, литературные гостиные (малые и большие) и, наконец, гимназические театры (на русском языке — в гимназии их два). Особое внимание отводится новому предмету — риторике, учителя которой — риторы — не только учат языку, умению говорить, облекать свои мысли в убедительные выражения, но и культуре обиходной речи, комфортности общения.

Уважение к родному русскому языку нисколько не умаляет важности овладения языком иностранным, расширяющим кругозор, раскрепощающим личность в общении.

ДРЕВНЯЯ РОССИЙСКАЯ ИСТОРИЯ ОТ НАЧАЛА РОССИЙСКОГО НАРОДА ДО КОНЧИНЫ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ ЯРОСЛАВА ПЕРВОГО, ИЛИ ДО 1054 ГОДА

Сочиненная Михайлом Ломоносовым, статским советником, профессором химии и членом Санкт-Петербургской императорской и Королевской шведской академий наук.

ВСТУПЛЕНИЕ

Народ российский от времен, глубокою древностию сокровенных, до нынешнего веку толь многие видел в счастии своем перемены, что, ежели кто междоусобные и отвне нанесенные войны рассудит, в великое удивление придет, что по толь многих разделениях, утеснениях и нестроениях не токмо не расточился, но и высочайшие степени величества, могущества и славы достигнул. Извне угры, печенеги, половцы, татарские орды, поляки, шведы, турки, извнутрь домашние несогласия не могли так утомить России, чтобы сил своих не возобновила. Каждому несчастию последовало благополучие большее прежнего, каждому упадку высшее восстановление; и к ободрению утомленного народа некоторым божественным промыслом воздвигнуты были бодрые государи.

Толикие перемены в деяниях российских: соединение разных племен под самодержавством первых князей варяжских, внутренние потом несогласия, ослабившие наше отечество, наконец, новое совокупление под единоначальство и приобщение сильных народов на востоке и на западе рассуждая, порядок оных подобен течению великия реки представляю, которая, от источников своих по широким полям распростираясь, иногда в малые потоки разделяется и между многими островами теряет глубину и стремление; но, паки соединясь в одни береги, вящую быстрину и великость приобретает; потом присовокупив в себя иные великие от сторон реки, чем далее протекает, тем обильнейшими водами разливается и течением умножает свои силы.

Возрастая до толикого величества Россия и восходя чрез сильные и многообразные препятства, коль многие деяния и приключения дать могла писателям, о том удобно рассудить можно. Из великого их множества немало по общей судьбине во мраке забвения покрыто. Однако противу мнения и чаяния многих, толь довольно предки наши оставили на память, что, применясь к летописателям других народов, на своих жаловаться не найдем причины. Немало имеем свидетельств, что в России той великой тьмы невежества не было, какую представляют многие внешние писатели. Инако рассуждать принуждены будут, снесши своих и наших предков и сличив происхождение, поступки, обычаи и склонности народов между собою.

Большая одних древность не отъемлет славы у других, которых имя позже в свете распространилось. Деяния древних греков не помрачают римских, как римские не могут унизить тех, которые по долгом времени приняли начало своея славы. Начинаются народы, когда другие рассыпаются: одного разрушение дает происхождение другому. Не время, но великие дела приносят преимущество. Посему всяк, кто увидит в российских преданиях равные дела и героев, греческим и римским подобных, унижать нас пред оными причины иметь не будет, но только вину полагать должен на бывший наш недостаток в искусстве, каковым греческие и латинские писатели своих героев в полной славе предали вечности.

Сие уравнение предлагаю по причине некоторого общего подобия в порядке деяний российских с римскими, где нахожу владение первых королей, соответствующее числом лет и государей самодержавству первых самовластных великих князей российских; гражданское в Риме правление подобно разделению нашему на разные княжения и на вольные городы, некоторым образом гражданскую власть составляющему; потом единоначальство кесарей представляю согласным самодержавству государей московских. Одно примечаю несходство, что Римское государство гражданским владением возвысилось, самодержавством пришло в упадок. Напротив того, разномысленною вольностию Россия едва не дошла до крайнего разрушения; самодержавством как сначала усилилась, так и после несчастливых времен умножилась, укрепилась, прославилась. Благонадежное имеем уверение о благосостоянии нашего отечества, видя в единоначальном владении залог нашего блаженства, доказанного толь многими и толь великими примерами. Едино сие рассуждение довольно являет, коль полезные к сохранению целости государств правила из примеров, историею преданных, изыскать можно.

Велико есть дело смертными и преходящими трудами дать бессмертие множеству народа, соблюсти похвальных дел должную славу и, пренося минувшие деяния в потомство и в глубокую вечность, соединить тех, которых натура долготою времени разделила. Мрамор и металл, коими вид и дела великих людей изображенные всенародно возвышаются, стоят на одном месте неподвижно и ветхостию разрушаются. История, повсюду распростираясь и обращаясь

в руках человеческого рода, стихии строгость и грызение древности презирает. Наконец, она дает государям примеры правления, подданным — повиновения, воинам — мужества, судиям — правосудия, младым — старых разум, престарелым — сугубую твердость в советах, каждому незлобивое увеселение, с несказанною пользою соединенное. Когда вымышленные повествования производят движения в сердцах человеческих, то правдивая ли история побуждать к похвальным делам не имеет силы, особливо ж та, которая изображает дела праотцов наших?

Предпринимая тех описание, твердо намеряюсь держаться истины и употреблять на то целую сил возможность. Великостию сего дела закрыться должно все, что разум от правды отвратить может. Обстоятельства, до особенных людей надлежащие, не должны здесь ожидать похлебства, где весь разум повинен внимать и наблюдать праведную славу целого отечества: дабы пропущением надлежащия похвалы — негодования, приписанием ложныя — презрения не произвести в благорассудном и справедливом читателе.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ КАНЦЕЛЯРИИ АН О ПРИБАВКЕ ЖАЛОВАНЬЯ ГИМНАЗИСТУ И. ЛЕПЕХИНУ

Сего февраля 13 дня поданным в Канцелярию Академии наук гимназии ученик Иван Лепехин челобитьем объявляет, что он в той Гимназии находится с прошлого 1751 года и обучил там арифметику, геометрию, тригонометрию и их практику, также в 1756 году вступил в верхний латинский класс, а в прошлом 1757 году переведен в верхний немецкий класс, где и по сие время находится, а жалованья получает только по двенадцати рублев в год, а прочимде ученикам того класса производится жалованья по тридцати рублев, и просит, чтоб ему прибавить жалованья и сравнять с прочими. А о успехах своих в науках приложил данный ему от учителей Назара Герасимова, Якова Кожика и Павла Веденского аттестат, которым оные засвидетельствовали, что оный Лепехин в науках понятен и прибавки жалованья достоин. А по справке в Академической канцелярии верхнего немецкого класса ученикам жалованья производится по тридцати рублев в год. Того ради приказали: ему, Лепехину, за его понятие прибавить жалованья к ныне производимому годовому двенадцатирублевому окладу осмнадцать рублев, и тако он получать имеет против прочих учеников по тридцати рублев в год, которые и начать генваря с первого числа, о чем в списке против имени его отметить, а ему, Лепехину, объявить, дабы он учился с прилежанием, за что и впредь оставлен не будет.

И. Д. Шумахер,
Михайло Ломоносов,
И. Штелин,
Иван Тауберт,
Регистратор *Дмитрей Тимофеев*

ПРЕДИСЛОВИЕ О ПОЛЬЗЕ КНИГ ЦЕРКОВНЫХ В РОССИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В древние времена, когда славянский народ не знал употребления письменно изображать свои мысли, которые тогда были тесно ограничены для неведения многих вещей и действий, ученым народам известных, тогда и язык его не мог изобиловать таким множеством речений и выражений разума, как ныне читаем. Сие богатство больше всего приобретено купно с греческим христианским законом, когда церковные книги переведены с греческого языка на славенский для славословия божия. Отменная красота, изобилие, важность и сила эллинского слова коль высоко почитаются, о том довольно свидетельствуют словесных наук любители. На нем кроме древних Гомеров, Пиндаров, Демосфенов и других в эллинском языке героев витийствовали великие христианския церкви учители и творцы, возвышая древнее красноречие высокими богословскими догматами и парением усердного пения к Богу. Ясно сие видеть можно вникнувшим в книги церковные на славянском языке, коль много мы от переводу Ветхого и Нового завета, поучений отеческих, духовных песней Дамаскиновых и других творцов канонов видим в славянском языке греческого изобилия и оттуда умножаем довольство российского слова, которое и собственным своим достатком велико и к приятию греческих красот посредством славенского сродно. Правда, что многие места оных переводов недовольно вразумительны, однако польза наша весьма велика. Присем, хотя нельзя прекословить, что сначала переводившие с греческого языка книги на славенский не могли миновать и довольно остеречься, чтобы не принять в перевод свойств греческих, славенскому языку странных, однако оные чрез долготу времени слуху славенскому перестали быть противны, но вошли в обычай. Итак, что предкам нашим казалось невразумительно, то нам ныне стало приятно и полезно.

Справедливость сего доказывается сравнением российского языка с другими, ему сродными. Поляки, преклонясь издавна в католицкую веру, отправляют службу по своему обряду на латинском языке, на котором их стихи и молитвы сочинены во времена варварские по большей части от худых авторов, и потому ни из Греции, ни от Рима не могли снискать подобных преимуществ, каковы в

нашем языке от греческого приобретены. Немецкий язык по то время был убог, прост и бессилен, пока в служении употреблялся язык латинский. Но как немецкий народ стал священные книги читать и службу слушать на своем языке, тогда богатство его умножилось, и произошли искусные писатели. Напротив того, в католицких областях, где только одну латынь, и то варварскую, в служении употребляют, подобного успеха в чистоте немецкого языка не находим.

Как материи, которые словом человеческим изображаются, различествуют по мере разной своей важности, так и российский язык чрез употребление книг церковных по приличности имеет разные степени: высокий, посредственный и низкий. Сие происходит от трех родов речений российского языка.

К первому причитаются, которые у древних славян и ныне у россиян общеупотребительны, например: бог, слава, рука, ныне, почитаю.

Ко второму принадлежат, кои хотя обще употребляются мало, а особливо в разговорах, однако всем грамотным людям вразумительны, например: отверзаю, господень, насажденный, взываю. Неупотребительные и весьма обветшалые отсюда выключаются, как: обаваю, рясны, овогда, свене и сим подобные.

К третьему роду относятся, которых нет в остатках славенского языка, то есть в церковных книгах, например: говорю, ручей, который, пока, лишь. Выключаются отсюда презренные слова, которых ни в каком штиле употребить непристойно, как только в подлых комедиях.

От рассудительного употребления и разбору сих трех родов речений рождаются три штиля: высокий, посредственный и низкий.

Первый составляется из речений славенороссийских, то есть употребительных в обоих наречиях, и из славенских, россиянам вразумительных и не весьма обветшалых. Сим штилем составляться должны героические поэмы, оды, прозаичные речи о важных материях, которым они от обыкновенной простоты к важному великолепию возвышаются. Сим штилем преимуществует российский язык перед многими нынешними европейскими, пользуясь языком славенским из книг церковных.

Средний штиль состоять должен из речений, больше в российском языке употребительных, куда можно принять некоторые речения славенские, в высоком штиле употребительные, однако с великою осторожностию, чтобы слог не казался надутым. Равным образом употребить в нем можно низкие слова, однако остерегаться, чтобы не опуститься в подлость. И словом, в сем штиле должно наблюдать всевозможную равность, которая особливо тем теряется, когда речение славенское положено будет подле российского простонародного. Сим штилем писать все театральные сочинения, в которых требуется обыкновенное человеческое слово к живому представлению действия. Однако может и первого рода штиль иметь в них место, где потребно изобразить геройство и высокие мысли; в нежностях должно от того удаляться. Стихотворные дружеские

письма, сатиры, эклоги и элегии сего штиля больше должны держаться. В прозе предлагать им пристойно описания дел достопамятных и учений благородных.

Низкий штиль принимает речения третьего рода, то есть которых нет в славенском диалекте, смешивая со средними, а от славенских обще не употребительных вовсе удаляться по пристойности материй, каковы суть комедии, увеселительные эпиграммы, песни, в прозе дружеские письма, описание обыкновенных дел. Простонародные низкие слова могут иметь в них место по рассмотрению. Но всего сего подробное показание надлежит до нарочного наставления о чистоте российского штиля.

Сколько в высокой поэзии служат одним речением славенским сокращенные мысли, как причастиями и деепричастиями, в обыкновенном российском языке неупотребительными, то всяк чувствовать может, кто в сочинении стихов испытал свои силы.

Сия польза наша, что мы приобрели от книг церковных богатство к сильному изображению идей важных и высоких, хотя велика, однако еще находим другие выгоды, каковых лишены многие языки, и сие, во-первых, по месту.

Народ российский, по великому пространству обитающий, невзирая на дальное расстояние, говорит повсюду вразумительным друг другу языком в городах и в селах. Напротив того, в некоторых других государствах, например в Германии, баварский крестьянин мало разумеет мекленбургского или бранденбургский швабского, хотя все того ж немецкого народа.

Подтверждается вышеупомянутое наше преимущество живущими за Дунаем народами славенского поколения, которые греческого исповедания держатся, ибо хотя разделены от нас иноплеменными языками, однако для употребления славенских книг церковных говорят языком, россиянам довольно вразумительным, который весьма много с нашим наречием сходнее, нежели польский, невзирая на безразрывную нашу с Польшей пограничность.

По времени ж рассуждая, видим, что российский язык от владения Владимирова до нынешнего веку, больше семисот лет, не столько отменился, чтобы старого разуметь не можно было: не так, как многие народы, не учась, не разумеют языка, которым предки их за четыреста лет писали, ради великой его перемены, случившейся чрез то время.

Рассудив таковую пользу от книг церковных славенских в российском языке, всем любителям отечественного слова беспристрастно объявляю и дружелюбно советую, уверясь собственным своим искусством, дабы с прилежанием читали все церковные книги, от чего к общей и к собственной пользе воспоследует:

1) По важности освященного места церкви божией и для древности чувствуем в себе к славенскому языку некоторое особливое почитание, чем великолепные сочинитель мысли сугубо возвысит.

2) Будет всяк уметь разбирать высокие слова от подлых и употреблять их в приличных местах по достоинству предлагаемой материи, наблюдая равность слога.

3) Таким старательным и острожным употреблением сродного нам коренного славенского языка купно с российским отвратятся дикие и странные слова нелепости, входящие к нам из чужих языков, заимствующих себе красоту из греческого, и то еще чрез латинский. Оные неприличности ныне небрежением чтения книг церковных вкрадываются к нам нечувствительно, искажают собственную красоту нашего языка, подвергают его всегдашней перемене и к упадку преклоняют. Сие все показанным способом пресечется, и российский язык в полной силе, красоте и богатстве переменам и упадку не подвержен утвердится, коль долго церковь российская славословием божиим на славянском языке украшаться будет.

Сие краткое напоминание довольно к движению ревности в тех, которые к прославлению отечества природным языком усердствуют, ведая, что падением оного без искусных в нем писателей немало затмится слава всего народа. Где древний язык ишпанский, гальский, британский и другие с делами оных народов? Не упоминаю о тех, которые в прочих частях света у безграмотных жителей во многие веки чрез преселения и войны разрушились. Бывали и там герои, бывали отменные дела в обществах, бывали чудные в натуре явления, но все в глубоком неведении погрузилось. Гораций говорит:

Герои были до Атрида,
Но древность скрыла их от нас,
Что дел их не оставил вида
Бессмертный стихотворцев глас.

Счастливы греки и римляне перед всеми древними европейскими народами, ибо хотя их владения разрушились и языки из общенародного употребления вышли, однако из самых развалин, сквозь дым, сквозь звуки в отдаленных веках слышен громкий голос писателей, проповедующих дела своих героев, которых люблением и покровительством ободрены были превозносить их купно с отечеством. Последовавшие поздние потомки, великою древностию и расстоянием мест отделенные, внимают им с таким же движением сердца, как бы их современные одноземцы. Кто о Гекторе и Ахиллесе читает у Гомера без рвения? Возможно ли без гнева слышать Цицеронов гром на Катилину? Возможно ли внимать Горациевой лире, не склонясь духом к Меценату, равно как бы он нынешним наукам был покровитель?

Подобное счастье оказалось нашему отечеству от просвещения Петрова и действительно настало и основалось щедротою великия его дщери. Ею ободренные в России словесные науки не дадут никогда прийти в упадок российскому слову. Станут читать самые отдаленные веки великие дела Петрова и Елисаветина веку и, равно как мы, чувствовать сердечные движения. Как не быть ныне Вергилиям и Горациям? Царствует Августа Елисавета; имеем знатных и Меценату подобных представителей, чрез которых ходатайство ея отеческий град снабден новыми приращениями наук и художеств. Великая Москва, ободренная пением нового Парнаса, веселится своим сим украшением и показывает оное всем городам

российским как вечный залог усердия... и усердное предстательство твердую надежду полагают российские музы о высочайшем покровительстве.

Гимназия является первой основой всех свободных искусств и наук. Из нее, следует ожидать, выйдет просвещенное юношество: молодые люди должны приучаться там к правильному образу мышления и добрым нравам. Правила и примеры прилежания, постоянства и честности, в особенности же внушения страха божия, как начала премудрости, столь же необходимы в Гимназии, как и ежедневная пища. Это может быть с желаемым успехом приведено в исполнение и введено в круг обычной жизни не иначе как при помощи твердо установленных основных правил и точного их соблюдения. Когда закон не исполняется, он бесполезен: сила законов не в их множестве, а в точном их усвоении.

ПРОЕКТ РЕГЛАМЕНТА АКАДЕМИЧЕСКОЙ ГИМНАЗИИ

ГЛАВА I

О приеме гимназистов в Гимназию

§ 1

Всякий, кто желает отдать для обучения в Академическую гимназию своего сына или ребенка, находящегося под его опекой, должен независимо от того, дворянин он или нет, представить его в Канцелярию Академии наук при доношении, в котором указать имя представляемого, пол, место и год рождения, а также то, чему он желает обучаться, на казенный или на свой счет и чему обучался до этого. В первом случае он должен быть принят в комплект и по освидетельствовании определен в соответствующий класс, если будет свободное место; если же такового нет, то должен ожидать его в порядке очереди, причем может обучаться тем временем на свой счет. Во втором случае не получающие жалованья должны быть приняты и по освидетельствовании определены для обучения в соответствующий класс.

§ 2

Сообразно этому инспектор Гимназии должен вести три списка: один — для находящихся на жалованье, другой — для обучающихся сверхкомплектно в ожидании вакансии и третий — для обучающихся на свой счет, чтобы можно было каждые полгода представлять эти списки в Канцелярию и показывать, сколько времени обучались школьники и каковы их успехи, способности и поведение.

§ 3

Если кто не хочет обучаться латыни, а только французскому или иному европейскому языку, преподаваемому в Гимназии, либо арифметике, геометрии и географии, либо чистоте русского языка, то ему надлежит заявить об этом в доношении, чтобы в соответствии с этим можно было установить распорядок преподавания. Это от-

носится к тем, кто учится на свой счет, ибо казеннокоштные ученики должны основательно проходить все школьное обучение, чтобы стать исправными студентами и приобрести возможность слушать высшие науки у университетских профессоров. Поэтому латинские и русские классы, а также классы первых оснований нужнейших наук должны называться ординарными, все же остальные — экстраординарными.

§ 4

В Академическую гимназию не должны быть принимаемы лица, положенные в подушный оклад, и в особенности крепостные люди; если же помещик захочет отдать кого-либо из своих людей в Гимназию по причине его особой сообразительности и одаренности, то он должен освободить его навечно и дать Академии подписку, что отныне не имеет на него никаких прав, однако же подушные деньги он должен платить за него до следующей ревизии; и принятый ученик должен также дать подписку, что ни во время учения, ни позднее до конца своей жизни не захочет пойти в холопы ни к своему прежнему помещику, ни к какому-либо другому. Точно таким же образом должны приниматься в Гимназию на жалованье и положенные в подушный оклад дети посадских людей, государственных и дворцовых крестьян при наличии особых способностей и охоты к учению и если посадское общество, округ ли родственники обязуются уплачивать за них подушную подать до новой ревизии, при которой они должны быть вычеркнуты из подушных списков. Дети посадских людей, государственных и дворцовых крестьян могут проходить обучение на свой счет, если проявят особые способности и охоту к ученью. Крепостные крестьяне не должны приниматься, если только их господа, как сказано выше, не отпустят их на волю. Против этого не должны быть предубеждены обучающиеся в упомянутой Гимназии юные дворяне, ибо науки являются путем к дворянству и все идущие по этому пути должны смотреть на себя как на вступающих в дворянство. А затем все принятые и не принадлежащие к дворянству должны в отношении обращения с ними, как и в смысле одежды, быть на том же положении, какое подобает принадлежащим к дворянству. На военной службе числятся и дворяне, и недворяне, так нечего стыдиться этого и при обучении наукам.

§ 5

Число принимаемых на жалованье великороссов должно составлять не менее четырех пятых. Те же, кто хочет учиться на свой счет, могут быть принимаемы независимо от национальности, являются ли они русскими подданными или имеющими разрешение свободно здесь жить.

§ 6

Не умеющие ни читать, ни писать по-русски не должны быть принимаемы, чтобы не переполнять Гимназию; однако тех, кого можно скоро усовершенствовать в чтении и письме, следует принимать.

§ 7

Не должны быть принимаемы слабые здоровьем, особенно же имеющие поврежденное зрение, страдающие падучей или другими продолжительными болезнями, а равно взрослые, которые еще никогда не ходили в школу.

§ 8

Если гимназист принят в Гимназию в комплект на жалованье, не побывав за недостатком жалованных гимназистов в сверхкомплектных, то он должен два месяца учиться на свой счет и не вступать в общение с остальными жалованными гимназистами, чтобы можно было убедиться, можно ли ожидать от него некоторых успехов в учении, за чем преподаватели должны тщательно наблюдать и сообщать об этом ежемесячно инспектору Гимназии, последний же обязан докладывать об этом Канцелярии.

§ 9

При поступлении в Гимназию каждому гимназисту, принят ли он на жалованье или без жалованья, дается книга, в которой содержатся десять заповедей с присовокуплением церковных заповедей и академических узаконений.

ГЛАВА II

О содержании гимназистов

§ 10

О тех гимназистах, которые учатся на свой счет, должны заботиться вне Гимназии их родители или те, кому поручен надзор за ними: в Гимназии же за их поведением должны следить их начальники и учителя. Для тех из них, кто учится на жалованье, должно быть установлено особое содержание и надзор не только за учением, но и за поведением их.

§ 11

Итак, для 60 жалованных гимназистов требуется дом из 14 комнат с залом: 12 комнат для гимназистов, каждая на 5 человек, одна комната для надзирателей, одна для 4 сторожей, зал для еды и для утренней и вечерней молитвы, а также церковь, погреб и кладовая для припасов.

§ 12

На стол, одежду и другие нужды должна расходоваться часть сумм, ассигнованных Гимназии, но так, чтобы сами гимназисты не получали никаких денег на руки, а содержались единственно из кассы, ибо они, когда живут дома, часто имеют случай предаваться мотовству, что представляет много препятствий при обучении. Кроме того, некоторые видят дома много дурных примеров. По этой причине их следует лишь весьма редко отпускать домой и в случае необходимости отпускать их с надзирателем.

§ 13

Ежедневно в зале должен накрываться стол на 60 человек, днем в 11 или 12 часов, вечером в 7; при этом должен присутствовать надзиратель для наблюдения за их нравами и поведением; за столом они должны сидеть в порядке классов; при этом гимназисты по очереди должны читать — при соблюдении другими полной тишины — полезные исторические и нравственные книги, русские и славянские, что весьма способствует распространению добродетели и упражнению в чтении.

§ 14

К обеду должно подаваться 3, к ужину 2 блюда с достаточным количеством браги домашнего изделия.

§ 15

В случае заболевания гимназиста, состоящего на жалованье, его лечит доктор, вызываемый из Академии, хирург же должен утром и вечером, если болезнь требует, то и днем заходить к нему. Для больных должна иметься особая комната, и, смотря по ходу болезни, больным должна даваться соответствующая пища. В случае опасной болезни доктор должен сам ежедневно посещать пациентов. Доктор может быть назначен из числа академических с увеличением его жалованья.

§ 16

Для надзора за гимназистами в их комнатах, в зале за молитвой и за столом нужно выбирать старых почтенных людей, которым не следует делать ничего иного, как только следить за порядком, поведением и опрятностью гимназистов, а также за тем, чтобы никто из них не выходил из Гимназии без разрешения инспектора.

§ 17

Когда гимназисты приходят из дому в классы, при этом должен присутствовать надзиратель, чтобы они по дороге не шалили, а шли в порядке. Тот же порядок соблюдается и при выходе из класса. Если кто-либо провинился дома или по дороге, то надзиратель должен заявить об этом инспектору Гимназии, и виноватый, смотря по тяжести проступка, должен быть наказан.

§ 18

В каждую комнату на 5 человек назначается, по усмотрению ректора, аудитор, причем к гимназистам первого класса аудитор назначается из второго, к гимназистам второго класса — из третьего, к гимназистам третьего класса — один из старших гимназистов, лучших по учению и поведению. Обязанности аудитора состоят в том, что он наблюдает за своими товарищами, приготовили ли они заданные им уроки и не проводят ли время в праздности.

§ 19

Надзирателям надлежит смотреть за тем, чтобы ученики не ходили в другие комнаты, а в своих комнатах не затевали шума и драк, чтобы берегли свои книги, одежду и постели и держали их в чистоте, а также надлежит не позволять им играть в низменные или вредные игры.

§ 20

Ежедневно по утрам, когда гимназисты находятся в классе, надзиратель должен об их состоянии и о качестве пищи, чтобы ни в чем не ощущался недостаток, репортовать ректору и инспектору Гимназии, которые, в свою очередь, в случае надобности доводят об этом до сведения Канцелярии.

NB ***Обучать и воспитывать учеников в гимназии во времена Ломоносова в определенном смысле было проще — ученик находился на глазах учителя, воспитателя в течение всего дня, а часто и ночи. В настоящее время подобные условия обучения и воспитания — казалось бы, существуют в интернатах, школах полного дня. Хотя такое сравнение, конечно же, очень условно.***

Попытаемся еще раз рассмотреть альтернативу: школа полного дня и обычная школа. В первой привлекает возможность наблюдения характера, способностей, хороших и дурных привычек ребенка в течение длительного времени. Педагог оказывает влияние на организацию жизни ребенка, подростка в течение всего дня, что позволяет или должно позволить с наибольшим успехом реализовать положительный потенциал воспитанника.

В обычной школе привлекает относительная свобода выбора личности: каждый использует вторую половину дня по своему усмотрению. Влияние учителей и воспитателей на занятия детей после школы усложняется. Оно косвенное — зависит от заданий, поручений, событий, происходящих в первую половину дня. Трудно давать какие-либо советы. Видимо, каждая школа должна обладать свободным выбором. Подобное право сохраняется и за учениками и родителями, но ясно одно: и первый и второй выбор будет оптимальным только в том случае, если осуществляют его широкообразованные высококультурные, психологически подготовленные профессионалы. И мы опять, как М.В.Ломоносов, возвращаемся к личности учителя. Для школы полного дня это даже более важно. И хотя коллектив нашей гимназии во многом отвечает перечисленным требованиям, имея возможность предоставить

во второй половине дня полный спектр научной, творческой, развивающей деятельности, мы позволяем себе порой помечтать о том, что утвержденный несколько лет назад проект нового здания нашей «Школы Ломоносова» — здания для гимназии XXI века — будет, наконец, воплощен в жизнь? И тысяча с лишним гимназистов будут владеть не только классами и коридорами, умещая в них лаборатории, музей М.В.Ломоносова, и даже театры... Но и просторными залами, зимним садом, обсерваторией, творческими мастерскими, бассейном и многим, многим другим, что так манит с листов проекта...

ГЛАВА III

Обучение гимназистов

§ 21

При обучении гимназистов следует, во-первых, наблюдать главным образом за тем, чтобы не отягощать и не приводить в замешательство различных способностей. Если, например, какой-нибудь гимназист еще не умеет в совершенстве читать и писать по-русски, то он должен оставаться в первом классе, пока не научится читать и писать в совершенстве. При этом нужно следить и за тем, чтобы они учились писать буквы красиво, в чем должен быть искусен и сам учитель этого класса.

§ 22

Если гимназист умеет хорошо читать и писать, его следует обучать в низших классах, а именно: в русском классе — орфографии и русской грамматике, в латинском — основным началам латинского языка, то есть склонениям, спряжениям, вокабулам и разговорам; в классе первых оснований наук должна проходиться арифметика.

§ 23

Если кто переведен во второй класс, то в русском классе он должен обучаться переводу с латинского языка на русский чистым стилем и перефразировке стихотворений и нестихотворной речи. Во втором же латинском классе даются переводы с русского языка на латинский, толкуются легкие авторы, заучиваются наизусть латинские фразы и пословицы. В классах первых оснований наук должны проходиться геометрия, тригонометрия, планиметрия и география.

§ 24

В высшем русском классе преподается о красоте русского языка в стихотворной и нестихотворной речи и русская история. В латинском толкуются трудные авторы, даются наставления по ораторскому искусству и поэзии, а также проходится введение во всеобщую историю. В классе первых оснований должна вкратце преподаваться философия.

§ 25

Арифметика, геометрия и география должны преподаваться на русском языке, первые же основания философии — на латинском.

§ 26

Все это общее относится к тем гимназистам на жалованье и без жалованья, которые хотят основательно изучить науки. После того как они пройдут эти необходимо нужные классы, они могут учиться немецкому и французскому языку, смотря по способностям, возрасту и желанию, а также рисованию и танцам, когда перейдут в низший класс студентов.

§ 27

Каждый гимназист обязан вести особые дневники для переписки набело своих сочинений, переводов и упражнений в том виде, как они были выполнены им самим и как были исправлены учителем, чтобы можно было судить и об его успехах, и об усердии учителя.

§ 28

В классах должен соблюдаться следующий порядок: утром с 7 до 9 часов должно вестись преподавание во всех латинских классах, с 9 до 11 — в русских, а с 2 до 4 пополудни — в классах первых оснований наук.

§ 29

В высших латинских классах гимназисты в последний час, а именно с 10 часов, должны три раза в неделю знакомиться с началами греческого языка с тем, чтобы по переводе в низший студенческий класс быстрее преуспевать у профессоров.

§ 30

Тем, кто поступил в Гимназию без жалованья, чтобы изучать современные европейские языки, должны преподаваться также математика, рисование и танцы в те часы, когда студенты низших классов не заняты с профессорами. Для этого Университет и Гимназия должны составлять каждые полгода особое расписание.

§ 31

В низших классах должны проходиться основные начала немецкого и французского языков, а именно: склонения, спряжения, главнейшие правила синтаксиса, вокабулы и разговоры; математика и арифметика. Во втором же классе переводы, стиль во французском

и немецком языке, а также математика, геометрия, география и фортификация, рисование же — в Академии художеств.

§ 32

По воскресеньям и в большие церковные и государственные праздники гимназисты должны отстоять в гимназическом зале утреню и вечерню, а также и обедню. Перед обедней священник должен обучать катехизису.

§ 33

В субботу после обеда до начала всенощной им должно ходить на танцы, однако же без принуждения, только тем, у кого есть к этому охота.

§ 34

Когда они научатся в первом русском классе чисто читать и правильно произносить, им следует выучить наизусть 10 заповедей и все, что требуется для истинного христианина; при этом нужно читать Новый завет и другие церковные заповеди, что также весьма полезно для упражнения в чтении. Грамматика должна быть пройдена вкратце, и по хорошим русским прописям должны быть преподаны наставления относительно чистого и красивого почерка. При обучении чтению теперешней печати следует пользоваться новейшими шрифтами.

§ 35

Во втором русском классе следует учить: 1) чистоте русского языка по правилам, которые должны заучиваться наизусть; 2) нужно выбрать лучшие из писем Цицерона и переводить их на русский язык, показывая при этом, какими приемами пользуются теперь в различных родах писем; 3) нужно выбрать лучшие главы из Корнелия Непота, Юстина, Курция и Сенеки и переводить их; 4) должны быть преподаны указания касательно русского стихосложения и выполнены переводы русскими стихами лучших эпиграмм Марциала и басен из «Метаморфоз»; 5) русские переводы в стихах и прозе должны делаться перифрастически; 6) при исправлении всего этого следует указать, против какого правила допущена ошибка.

§ 36

В третьем русском классе должны даваться наставления относительно произнесения речей и писания русских писем, а также должна проходиться вкратце русская история с хронологией.

§ 37

В низшем латинском классе должна быть употреблена «Латинская грамматика» с русским переводом, а также «Латинские разговоры» с русскими переводами. После этого с одобрения инспектора и ректора можно взять некоторые диалоги из Эразма, в особенности те, содержание которых заключает разнородный материал. При этом диалоги должны разбираться грамматически и излагаться по-русски. Латинские вокабулы должны изучаться двояким способом: во-первых, по разделам, связанным с теми или иными вопросами, и, во-вторых, по алфавиту первообразных слов. Таких вокабуляриев в печатном виде должно быть в Гимназии большое количество.

§ 38

Во втором латинском классе должны проходиться по той же самой грамматике исключения в склонениях и спряжениях и все труднейшие правила синтаксиса. Далее должно толковать избранные письма Цицерона, Корнелия Непота, Светония и Курция, а также должны читаться и заучиваться наизусть пословицы Эразма и переводиться на латинский язык новые русские сочинения.

§ 39

В высшем латинском классе при обучении просодии следует толковать и читать Вергилия или Горация, в прозе Флора, некоторые книги и произведения Ливия, а также избранные произведения Тацита и Цицерона.

§ 40

В классе первых оснований нужнейших наук, в частности во втором и третьем классах, следует преподавать арифметику и геометрию по Вольфову «Сокращению», объяснять географию на глобусе и в атласе по изготовленному для этой цели описанию, обучать логике, метафизике и практической философии по Тюммигову «Сокращению» Волфианской философии на латинском языке.

§ 41

Немецкий язык должен изучаться по «Грамматике» Готшеда и при этом пользоваться «Разговорами» с русским переводом; в прозе следует читать и толковать произведения Мосгейма, в стихах — Каница, Гинтера и другие.

§ 42

Французский язык следует учить по «Грамматике» Пеплие, по прозе нужно читать и толковать «Телемака», в стихах — Мольера, Расина и Вольтера.

§ 43

Упомянутые здесь авторы могут быть заменены другими. С надлежащего разрешения можно подбирать себе и иных, но такую замену следует производить не часто и по зрелом размышлении.

ГЛАВА IV

Об упражнениях в Гимназии

§ 44

Упражнения бывают двоякого рода: одни выполняются в школе, другие задаются на дом. Школьные упражнения выполняются в Гимназии приватно, в присутствии одного учителя или при других классах, а иногда и публично в ректорском классе. Другие же упражнения задаются учителем на дом.

§ 45

Первое школьное упражнение заключается в устном ответе заданного урока в первый час по приходе учителя в класс; однако еще до прихода учителя аудитор должен проверить, знает ли кто свой урок или нет, отметить это в табели и положить ее учителю на стол, чтобы тот сам мог посмотреть и вызвать того или другого для ответа.

§ 46

Второе школьное упражнение состоит в переводе коротких заданий и в переложении фраз стихами и прозой, но не в письменном виде. Материал для этого учитель должен подбирать в соответствии со способностями класса. Это послужит немалым поощрением к учению, однако упражнение следует задавать лишь в том случае, если у учителя по окончании лекции остается свободное время.

NB ***В этом и других параграфах Михаил Васильевич неоднократно рекомендует учителю соотносить свои требования и задания учащимся с возможностью их усвоения. В классе, где занималось 5 человек (в крайнем случае — 15), сделать это было гораздо проще, чем в современной школе (в классе 20—35 человек).***

По сути, Ломоносов высказал идею о необходимости дифференцированного обучения, которая не утратила своего значения в течение многих десятилетий и особенно актуальна сейчас, когда мы получили возможность не только говорить о приоритете личности в образовании, но и реализовать этот приоритет. В наши дни к решению данной проблемы существует несколько подходов. Это:

— внутриклассная дифференциация, зависит исключительно от профессионализма учителя, психологически достаточно сложна, и, как правило, малорезультативна;

— внутришкольная дифференциация — создание классов по уровню обучаемости в рамках одной школы — приносит эффект только при умелой постоянной коррекции, психологически исключительно сложна (для микроклимата учебного заведения в целом);

— создание школ для определенных категорий учащихся, поступление в которые, как правило, строго регламентировано.

Все эти направления апробированы и оправданы, но, скорее всего, окончательным решением проблемы, поставленной еще Ломоносовым, не являются...

§ 47

Упражнения в присутствии других классов должны производиться в конце каждого месяца в один день, до и после обеда, причем преподаватели дают всем сразу небольшой материал для перевода или заставляют перелагать фразы прозой и стихами с тем, чтобы гимназисты выполняли это, не заглядывая в книгу и ничего не записывая.

§ 48

Публичные упражнения должны производиться каждые полгода в присутствии всей Академии, однако лишь в высшем классе, причем некоторые гимназисты должны произносить речи, составленные ими самими под наблюдением ректора на русском и латинском языках, в стихах и в прозе.

§ 49

Домашние упражнения, задаваемые учителем на дом сверх обычных уроков, заключаются — в зависимости от особенностей класса — либо в кратком переводе с русского на латинский язык и с латинского на русский, либо в переложении прозы на стихи. Они должны задаваться дважды в неделю к следующему дню, а не в обеденное время к вечеру, каковой срок слишком краток. Гимназистам разрешается выполнять подобные упражнения и по собственной охоте, чтобы показать особые способности и усердие. В таком случае упражнения могут быть либо точно такого же рода, что и упомянутые выше, либо, если кто пожелает, может в течение недели выучить наизусть сверх заданного урока еще несколько стихов или же краткую речь в прозе из классических авторов с тем, чтобы в субботу произнести выученное перед учителем.

NB ***Домашнее задание — сколько учителей — столько мнений, сколько учителей — столько методик. Контроль и оценка домашнего задания столь же разнообразна. Но § 49 наводит нас на размышления еще об одной из методик — задание на неделю. Методика эта, конечно, применима далеко не в каждом классе и не для всех возрастов, но она интересна, в ней есть особая привлекательность: задание крупного блока материала сроком на неделю дает возможность учащимся не только решить конкретные проблемы, например определенную математическую задачу или параграф по истории, но и обобщить данный материал, найти схожие черты, посмотреть на тему как бы со стороны. Кроме того, ученик по собственной инициативе часто привлекает дополнительный материал, у него возникают нетрадиционные вопросы, а иногда это просто позволяет «набить руку» при решении стандартных упражнений. Но особая роль подобных заданий нам видится в том, что творческое осмысление данной темы учащимися дает возможность учителю рассмотреть следующую тему на более высоком уровне, так как эти задания позволяют не только закрепить данный материал, но и раскрывают творческие способности ученика.***

§ 50

Это будет способствовать не только более быстрым успехам в науках, но и точному выяснению способностей и прилежания каждого гимназиста. Чтобы все это было ясно видно, следует вести месячные табели, в которых отмечается поведение каждого гимназиста в классах утром и вечером, а также выполнение им домашних упражнений.

§ 51

Все, что кем-либо сделано или упущено, должно быть обозначено в определенных клетках против каждого дня и каждого имени начальными буквами:

В. И. — все исполнил.
Н. У. — не знал урока.
Н. Ч. У. — не знал части урока.
З. У. Н. Т. — знал урок нетвердо.
Н. З. — не подал задачи.
Х. З. — худа задача.
Б. Б. — болен.
Х. — не был в классе.
В. И. С. — все исполнил с избытком.
Ш. — шабаш.

§ 52

Для помесячных упражнений ректор должен вести общую табель, отмечая в ней прилежание и способности каждого и разделяя на лучших, средних и худших.

§ 53

На тех, кто участвовал в полугодичных публичных упражнениях, должно вести особый список, куда инспектор и ректор вносят свои суждения о способностях каждого.

§ 54

Все классные табели должны ежемесячно, а список — каждые полгода представляться в Канцелярию, которая в зависимости от обстоятельств отдает соответствующие распоряжения, обращая особенное внимание на то, чтобы способные и прилежные были отличены от неспособных и нерадивых.

ГЛАВА V

Об экзаменах, переводах и выпуске гимназистов

§ 55

Каждый год должны производиться дважды переводы из низших классов в высшие и из высших в студенческий класс. Первый должен происходить в начале нового года, второй — в начале июля.

§ 56

Каждому переводу во всех классах должен предшествовать строгий экзамен, первый — за 8 дней до Рождества, второй — в исходе июня, до каникул, которые предоставляются в июле.

§ 57

В низших и средних классах экзамен должен производиться в присутствии инспектора и ректора Гимназии, а также и учителей. Высшие классы экзаменуются в присутствии одного из членов Канцелярии, специально для этого назначенных профессоров Университета, а также инспектора и ректора Гимназии.

§ 58

Перед экзаменом для каждого класса должна быть составлена общая табель за полугодие, чтобы экзаменаторы могли разом обозреть способности, прилежание и поведение каждого школьника, по следующей форме.

Число означает, сколько раз в течение полугодия ученик выполнил то, что ему полагалось, и чего он не выполнил.

§ 59

Затем каждому гимназисту задаются вопросы, в особенности из книг, из которых он что-либо заучил наизусть или которые толковал учитель. В заключение задаются краткие переводы или сочинения, в зависимости от особенностей каждого класса. О том, как кто выдержал испытание, записывается в особую экзаменаторскую табель.

§ 60

После экзамена месячные табели сопоставляются с экзаменаторскими. Соответственно способностям гимназисты должны переводиться из низших классов в высшие или из высшего класса производиться в студенты для слушания лекций у профессоров. При этом нужно соблюдать следующее.

§ 61

Никто не должно быть переведен из одного класса в другой, если не усвоил полностью всего того, что преподается в классе, где он находится.

§ 62

Гимназист не должен посещать различные классы. Так, если кто изучил все необходимое в низшем русском и латинском классе, но еще не вполне усвоил арифметику низшего класса, не должен переводиться в средний класс. Точно так же, если кто знает арифметику, но еще нетверд в основах латинского языка, тот не должен быть переведен во второй латинский класс. Это должно соблюдаться и по отношению к другим классам, чтобы не получилось беспорядка.

§ 63

При выпуске гимназистов из гимназии и при производстве их в студенты следует обращать внимание на возраст. Так, если кто до 15-го года своей жизни прошел все русские и латинские классы и класс первых оснований нужнейших наук, тот непременно должен изучать в Гимназии немецкий и французский языки, сидя между дворянами. И притом заодно с остальными студентами — лекции профессоров.

§ 64

Если же, наоборот, кто в возрасте примерно 20 лет пройдет упомянутые три класса, но обладает лишь посредственными способностями к нынешним европейским языкам, то его не следует вопреки его требованию задерживать для их изучения, чтобы мог он заняться такой наукой, при посредстве которой мог бы принести пользу отечеству и без знания языков.

§ 65

Если гимназист по известным причинам, например из-за длительной болезни или по недостатку способностей, долго пробыл в Гимназии и уже не так юн, однако же неизменно проявил посильное прилежание и хорошо себя вел, то его следует отпустить с рекомендательным свидетельством, соответствующим его заслугам, в другое ведомство или же, если есть вакансия, назначить учителем в низшие классы.

§ 66

Те, кто учится на свой счет, должны быть выпускаемы так, как были приняты. Если же у тех или у других обнаруживаются особые способности или склонность к учению, то следует применять все надлежащие меры к тому, чтобы склонить и их родителей к дальнейшему усовершенствованию их в науках.

ГЛАВА VI

О награждениях и наказаниях

§ 67

Награждения и наказания должны производиться приватно и публично: приватно награждается тот, кто выполнил больше, чем ему задано, и превзошел других; публично он награждается, если своими упражнениями в собрании классов заслужил особого преимущества. Приватно наказывается тот, кто в классе не выполнил того, что ему полагалось, или вел себя неподобающим образом в школе или дома; публично наказываются за постыдные шалости или проступки против религии.

§ 68

В качестве приватной школьной награды для поощрения юношества можно считать достаточным: 1) похвальный отзыв; 2) более высокое по сравнению с другими место за столом; 3) другие в наказание должны ему кланяться; 4) гравюры и книги.

§ 69

Публичные награждения в присутствии всей Гимназии могут состоять: 1) в красиво переплетенных книгах; 2) в математических приборах; 3) в серебряных медалях, которые раздаются перед всем собранием с упоминанием об оказанных успехах.

§ 70

Чтобы бороться с плохим поведением и пороками, можно приватно наказывать в школе: 1) выговорами и угрозами; 2) понижением места; 3) чтобы кланялись тем, кто хорошо себя ведет; 4) стоянием на коленях перед всем классом; 5) сечением розгами, смотря по важности проступка.

§ 71

Публичное наказание перед всей Гимназией должно производиться следующим образом: 1) их отлучают от общего стола прочих гимназистов и сажают за другой стол на хлеб и на воду; 2) их одевают в плохое рваное платье и выставляют напоказ при выходе всех гимназистов из Гимназии; 3) сажают на некоторое время в карцер, где им приходится сидеть и лежать на голом полу и получать только хлеб и воду; 4) их каждое утро секут розгами.

§ 72

За тяжелые преступления, направленные против религии, и впредь до осуждения держат взаперти в карцере, а по исключении из Гимназии отсылают в надлежащий суд.

§ 73

Никакое публичное наказание, в особенности же исключение из Гимназии и преданис другому суду, не может быть наложено без ведома президента или Канцелярии.

§ 74

Инспектор должен вести книгу, куда записываются гимназисты, получившие награды, с указанием, какова была награда, а также и те, кто был наказан, с указанием, каково было наказание.

ГЛАВА VII

Об узаконениях для гимназистов

§ 75

Каждому гимназисту при поступлении в Гимназию должен быть вручен напечатанный лист, где изложены гимназические узаконения; такой же лист должен иметься в каждом классе для общего сведения, а также должен быть вывешен на стене в каждой комнате гимназистов и в зале, чтобы они не могли отговариваться неведением. Кроме десяти заповедей и церковных заповедей эти узаконения состоят в следующем.

NB Наверное, во многих гимназиях уже используют эту рекомендацию Ломоносова, а мы только в этом году на гимназическом бале, посвященном дню рождения гимназии «Школа Ломоносова», собираемся вручить каждому гимназисту красиво оформленные правила для учащихся из Регламента гимназии; правда, текст самого Регламента гимназии «Школа Ломоносова» уже давно висит в нашем вестибюле.

И верю, что эти выдержки из Регламента, врученные каждому гимназисту, будут иметь не только значение сувенира и реликвии, но и сыграют добрую роль в воспитании чувства собственного достоинства, гордости за свою Alma mater.

§ 76

При наблюдении заповедей божиих в десятисловии и заповедей церковных, коими обеими любви к богу и ближнему и началам премудрости страха господня научаемся, следует первая гимназистов должность, чтобы к наукам простирать крайнее прилежание и никакой другой склонности не внимать и не дать в уме так усилиться, чтобы рачение к учению урон или малое ослабление потерпело.

§ 77

Учителям оказывать себя весьма вежливо и уклонно, не упрямиться и ни в чем с ними не спорить, а особливо не досаждать грубыми словами, помня, сколько их за наставление почитать должны.

§ 78

Отбегать от ссор междоусобных, а особливо от бесчестных браней и от драк, не попрекать другого природными недостатками и не злобствовать.

§ 79

Весьма беречься, чтобы меж товарищами своими не смущать и не производить ссор и шуму.

§ 80

Не мешать другим в ученье криком, играньем, стуком, шумом или каким другим образом, чем рассуждение и память в беспорядок приведены быть могут.

§ 81

Гордостию и грубостию никого не огорчать, но больше учтивостью и снисходительством привлекать к своему люблению.

§ 82

Пустых слов, подлых и соромских в разговоре остерегаться, зная, что довольно есть материи говорить о школьном учении и примечания о достопамятных вещах и приключениях.

§ 83

Остерегаться самохвальства, хвастовства, а паче всего лганья, которое часто служит к закрытию злых дел.

§ 84

Когда кто другого изобидит и за то наказан будет, а после снова тому же сделает обиду, показав знак неправедного мстительства, тот двойному наказанию подвержен.

§ 85

Хотя взаимная приязнь гимназистов похвальна и один то изъяснить, чего другой не разумеет, свободно может, однако, когда задана будет школьная экзерциция от учителя или экзаменатора для того, чтобы знать в успехах каждого разность, тогда никто друг другу помогать не должен. Равно как и в то время, когда по спросу учительскому говорит кто свой урок изусть и не знает твердо, близ его сидящий товарищ не должен ему тихонько подшептывать и тем помогать его лености. Такой помощник равному наказанию с незнающим подвержен.

§ 86

Чистоту наблюдать должно не токмо в делах беспорочных, но и при столе, в содержании книг, постели и платьях. Кто внешним видом ведет себя гадко, тот показывает не токмо свою леность, но и подлые нравы.

§ 87

В церкви и в зале на молитве, также и у стола за кушаньем ничего не разговаривать и отнюдь не шуметь, но быть тихим и внимать прилежно пению и чтению.

§ 88

Без инспекторского позволения из Гимназии никуда не выходить и по отпуске приходить на показанный срок точно.

§ 89

Леность всего вреднее учащимся; того ради всячески должно преодолевать оную послушанием, воздержанием, бдением, терпением.

§ 90

Весьма должно блюстись лакомства и гулянья и больше удалять-ся от неприличного и худого сообщества, которое подать скоро может повод к бездельному и праздному житью, прогуливать школы, не исправлять заданного уроку и, словом, терять золотое младых лет время без приобретения той пользы, которая зрелым и престарелым летам большую приятность и веселие принести может чрез науки, нежели в юношестве игры и праздность.

ГЛАВА VIII

Об обязанностях учителей

§ 91

Учителям следует прежде всего заботиться о том, чтобы в течение каждого полугодия, а именно, с Нового года до Петрова дня и с 20 июля до Нового года, доводить свои лекции до конца, не прерывая экзаменами и переводами ни заучивания школьниками текстов наизусть, ни своих объяснений по учебникам и по авторам и не прекращая этого раньше срока. Учителя должны поэтому перед началом каждого полугодия распределить лекции и рассчитать время так, чтобы и не перебременять учащихся выше меры и не создавать им слишком легких условий.

§ 92

Учителя обязаны приходить в классы вовремя и в начале каждого урока спрашивать гимназистов, знают ли они заданное, принесли ли с собой приготовленные уроки, и наказывать приватно тех, кто не выполнил положенного ему. Если в классе так много гимназистов, что спрашивать уроки у всех отняло бы слишком много времени, то учитель может вызвать кого-нибудь одного по своему выбору, причем каждый должен быть готов к тому, что его неожиданно спросят и ему нужно будет отвечать.

§ 93

Из числа лучших и исправнейших учеников своего класса учитель может выбрать себе в помощь аудиторов, которые спрашивают у других заданные уроки и указанным выше способом отмечают это в месячных табелях еще до прихода учителя. Последний должен сразу же просмотреть их записи, а нерадивых спросить и наказать.

§ 94

Спросив уроки, они должны сразу же отчетливо объяснить дневное задание, следя за тем, чтобы ученики точно его записали.

§ 95

Если после объяснения урока остается еще время, учителя должны задавать гимназистам, смотря по особенностям класса, короткие задания с тем, чтобы они выполняли таковые в их присутствии, не спрашивая друг друга и не заглядывая в книгу. При этом учитель должен присматриваться к способностям учеников и знать их успехи, чтобы понимать, чего он может ожидать и требовать от каждого.

§ 96

В низших классах учителя должны больше налегать на практику и не перегружать слабых умов трудными правилами; в средних нужно объяснять более легкие правила, в высших — более трудные.

§ 97

Если гимназист, в особенности такой, который подает надежды, пропустит что-либо по болезни, то должен учитель повторить толкование тех лекций, которых он не слушал, что и прочим учащимся не вредно. Сие чинить он еще паче должен ради двух или многих, однако такой репетиции не делать, ежели пропустил кто больше двух недель, и в таком случае должен гимназист просить учителя, чтоб он для него потрудился приватно.

§ 98

В нижних классах принятых учеников не с начала лекциям обучать особливо.

§ 99

NB ***С каким вниманием, как подробно инструктирует Ломоносов в своем Регламенте деятельность учителя, определяя не только методику преподавания, но и этические нормы поведения.***

Учители с учениками не должны поступать ни гордо, ни фамильярно. Первое производит к ним ненависть, второе — презрение. Умеренность не даст места ни тому, ни другому, и, словом, учитель должен не токмо словами учение, но и поступками добрый пример показывать учащимся.

§ 100

Что здесь вообще предписано учителям, то надлежит наблюдать и самому ректору, поелику он есть учитель.

ГЛАВА IX

О должности инспекторской и ректорской

§ 101

Первая должность инспекторская и ректорская — наблюдать во всей Гимназии учрежденный по регламенту порядок, для того осматривать или, ходя по школам, по камерам гимназическим и в столовый зал во время обеда или ужина, прилежание учеников и учителей, чистоты в камерах, и кушанья и питья у стола. Ректору дважды в неделю, первый раз в понедельник, а другой раз, когда сам себе по произволению день выберет, чтобы гимназисты, не зная его прихода, всегда оного чаяли и поступали исправно. А когда обстоятельства потребуют, то и больше раз смотр ректорский полезен. Прилежное и частое его надзирание всегда нужно. Инспектор на каждую неделю должен все вышеписанное осмотреть трижды в те часы и дни, когда он рассудит, один или с ректором. Сверх положенного числа инспекторские смотры чем чаще, тем полезнее.

§ 102

Приходя для осмотру школы, должны прилежных учеников похвалять и ободрять, ленивых и неисправных журить и грозить наказаниями. А кто из них провинился так, что действительно на теле наказан должен быть, тому учинить школьное наказание лозами через сторожа по инспекторскому и ректорскому рассмотрению. А самому учителю на теле наказывать умеренно, а особливо не бить по лицу и по голове и не драть за волосы и за уши. Сие все для того запрещается, что запальчивые учители по горячности легко переходят границы и могут причинить вред здоровью юноши. Учитель может наказывать словами и достаточно убедительно ставить на вид ученикам их ошибки и плохое поведение, но не должен пускать в ход постыдные или непристойные слова.

§ 103

Ни инспектор, ни ректор не управомочены делать выговоры учителям, а в особенности бранить их в присутствии учеников, чтобы последние не потеряли должного к ним уважения. Поэтому, если они заметят у учителя какие-либо недостатки, они должны потребовать от него объяснения у себя дома приватно, а если не последует улучшения, доложить об этом Канцелярии.

§ 104

Им нужно наблюдать за тем, чтобы учителя являлись в точности к назначенному времени и вовремя уходили, для чего в Гимназии должны звонить: первый раз — в 7 часов, второй раз — в четверть 8-го, 3-й раз — в 11 часов, в знак того, что классы расходятся. Ректор должен отмечать тех, кто приходит после второго звонка, о чем ему обязан докладывать сторож. Если ректор заметит, что с каким-нибудь учителем это случается часто, он должен приватно поставить ему на вид; а если тот не исправится, доложить Канцелярии, которая накажет его за это вычетом из жалованья.

§ 105

Состояние гимназистов во многом зависит от состоящих при Гимназии надзирателей, а поэтому и ректор, и даже инспектор должны наблюдать за их поведением, не предаются ли они пьянству или другим порокам, и, если такое за ними замечается, немедленно докладывать Канцелярии, которая их удалит, дабы они не соблазняли юношей.

§ 106

Если у гимназистов в классах, в комнатах или за столом происходят непорядки или шум, об этом сейчас же должно быть доложено инспектору, чтобы он мог это прекратить, а затем вместе с ректором выяснить дело и наказать; если же того требуют обстоятельства, он должен сообщить об этом Канцелярии.

§ 107

Если кто из учителей заболеет, ректор должен назначить в этот класс другого учителя или потребовать из Университета способного студента; в случае нужды даже гимназист старшего класса может давать уроки в младших и средних классах, если ректор сочтет это полезным. При этом, однако, нужно следить за тем, чтобы никому не преграждалась дорога.

§ 108

Материалы для публичных упражнений выбираются инспектором при участии ректора. Таким же образом выбираются для этой цели и гимназисты, которые представляются затем на утверждение

Канцелярии. Награды должен раздавать инспектор с согласия Канцелярии.

§ 109

Инспектор должен при содействии ректора сличать табели истекающего полугодия с табелями предшествующего полугодия, чтобы ознакомиться таким образом с успехами и способностями учеников и с тем, кто из них стал лучше или хуже, кто заслуживает перевода и кто оставления в классе, кого можно принять в комплект на жалованье и кого совсем исключить из Гимназии; а затем на экзаменах убедиться, кто может исполнить то, что отмечено в табелях.

§ 110

На экзамене инспектор должен вместе с назначенными для того профессорами задавать вопросы гимназистам, и ректор тоже экзаменует их, но не по своему, а по другим классам, так как свои классы не должен экзаменовать ни он, ни другие подчиненные ему учителя.

§ 111

В первый день следующего полугодия инспектор и ректор должны переводить учеников из одного класса в другой и передавать их учителям.

§ 112

Дружба и единение являются при всех совместных действиях сильнейшими средствами к благополучному их выполнению. Поэтому инспектор и ректор должны стараться поддерживать между собою доброе согласие. Инспектор в качестве высшего лица может, не поступаясь своими правами и старшинством, оказывать ректору услуги, а ректор хоть ему и подчинен, однако предоставленная ему в Гимназии власть не терпит от того никакого урона.

NB

Три предельно сжатых параграфа Устава (109, 110, 112), а как много заключено в них мудрости, глубинного гуманизма.

«Сличать табели...» — сегодня мы бы сказали — отслеживать каждого гимназиста от первого до последнего класса, следить за пробуждением в развитии его личности, вносить вовремя необходимую коррекцию в формы и методы обучения и воспитания. Каждого?!

А их в нашей гимназии не 100, а 1000 человек. И все они разные! На перекрестке мнений, в жарких спорах рождается в школе Ломоносова психолого-педагогическая лаборатория, объединяющая классных руководителей, психологов, ведущих учителей-предметников — в центре личность каждого. Идет напряженный творческий поиск... И невольно повторяешь вслед за Михаилом Васильевичем: «Дружба и единение являются при всех совместных

действиях сильнейшими средствами к благополучному их выполнению».

Возвращаясь к своим заметкам на полях этой книги: коллектив единомышленников — да! Но...

И роль директора — руководителя гимназии — его умение путем глубокого психологического исследования всего коллектива корректировать и состав, и структуру, и (главное!) стиль работы администрации, «не поступаясь своими правами и старшинством»!

И наконец, вопрос об экзаменах... Ломоносов считал, что тот, кто обучает, экзамены принимать не имеет права. Мы с большим трудом решаемся признать это, и мало кто приглашает на экзамены независимую экзаменационную комиссию. Что это? Забота о детях, нежелание излишне травмировать их? Или это забота о своем, пусть относительном покое?

А возможно, как провозглашают сегодня ищущие новых путей развития российской школы педагоги, их вообще надо отменить?

Из глубины веков поставленные вопросы ждут сегодня своего разрешения.

ГЛАВА X

О педагогии при Гимназии

§ 113

Часто случается, что некоторые знатные особы, которые, желая обучать своих детей наукам, не имеют возможности пригласить приватных учителей по причине их отсутствия, или по недостатку надзора, либо по иным обстоятельствам, однако не хотят отдавать своих детей в Гимназию, где они должны жить со всеми вместе при весьма умеренном содержании и в силу этого оказываются лишены радостей, доставляемых родителям детьми, прошедшими обучение. Ввиду этого при здешней Гимназии должна быть учреждена по образцу некоторых заграничных педагогия для знатных дворян на следующих началах.

§ 114

Дети знатных родителей принимаются, содержатся и учатся без жалованья. 1) Они пользуются бесплатно квартирой, дровами и освещением; 2) учением во всех гимназических классах и школах без платы; 3) готовым столом за умеренную цену; 4) надзиранием добрым в поступках.

§ 115

Того ради поручены они будут инспектору или ректору Гимназии в особливое содержание или какому учителю верхних классов по охоте и по обстоятельствам, который для них особливый стол содержать имеет по договоренной с их родителями оплате.

§ 116

Ежели кто сверх гимназических без платы учений в классах пожелает учиться приватно у коего-нибудь учителя, тому позволяется выбрать часы особливые за уговоренную цену.

NB *Для Ломоносова вопрос этот имел предельно четкий ответ. У нас же до недавнего времени такого вопроса просто не было и быть не могло. Дополнительные индивидуальные занятия с учеником, пропустившим, или не понявшим материал, или желающим поработать дополнительно, сверх программы, были сами собой разумеющимися.*

Сейчас нет-нет да и возникает проблема о платных услугах учителя. Проблема эта пока не кричит о себе, но тем не менее достаточно волнительна. Действительно, может ли учитель в своей собственной гимназии за деньги заниматься дополнительно со своим собственным учеником, не важно по какой причине? С одной стороны, действительно дополнительная работа требует, по нынешним взглядам, дополнительной оплаты, с другой стороны...

Насколько мне известно, в большинстве московских школ подобная практика отсутствует. И причина тому — этические соображения, которые звучат часто неубедительно, но пока действуют безотказно. Право, Михаилу Васильевичу было проще!

И вновь возвращаюсь к мысли о создании коллектива единомышленников-профессионалов, в котором царит такой микроклимат, который не допускает мысли о том, что какие-то потребности учащихся в сфере образования могут быть неудовлетворены. Каждый учитель готов стремиться, а не должен быть обязанным помочь каждому учащемуся в реализации его способностей. Но все же? Действительно, Михаилу Васильевичу было проще!

§ 117

Принятым в педагогию дворянам жить по два или, смотря по обстоятельствам, и по одному в комнате, и в классах сидеть наряду с другими гимназистами, и никакого от них отличия не иметь, как по прилежанию, и наблюдать им ту же с ними должность. Служителей при себе больше одного иметь не должны.

§ 118

Число принимаемых в педагогию дворян не должно простираться выше двенадцати, затем что многие из дворянства, как выше помянуто, имея в Санкт-Петербурге родителей, родственников или опекунов, могут быть содержаны под присмотром их над собою вне Гимназии.

§ 119

При вступлении в педагогию каждый заплатить должен в казну 50 рублев на педагогические расходы, после чего может учиться, сколько лет пожелает без платы в казну.

§ 120

При выпуске из педагогии не быть никакой в казну от них платы и давать аттестаты по силе сего регламента и гимназических привилегий.

Создавая проект гимназии «Школа Ломоносова», мы тщательно изучили данный Регламент и создали свой, «омоложенный» на два столетия, но сохранивший основные идеи великого гуманиста.

В результате длительного поиска наиболее оптимальной системы научно-методической работы гимназии мы пришли к выводу о необходимости создания научно-методических кафедр, которые объединяют специалистов одного профиля. Руководители кафедр входят в научно-методический совет гимназии. Эта система позволяет не только решать вопросы частных методик, но и разрабатывать стратегические направления, осваивать новые методики, ставить методические эксперименты; кафедры занимаются обработкой содержания дисциплин, их идеологией (научной), организацией ученических поисковых (исследовательских) лабораторий, созданием системы урочно-внеурочной деятельности гимназиста (по предмету), планированием карьеры учителя.

Научно-методический совет координирует и направляет работу кафедр, аккумулирует новые передовые идеи, воплощает их в жизнь, определяет стратегию развития гимназии в целом.

ПРОЕКТ РЕЧИ В АКАДЕМИЧЕСКОМ СОБРАНИИ О ПЕРЕУСТРОЙСТВЕ УНИВЕРСИТЕТА

...Вы знаете, почтеннейшие коллеги, что в преподанном Академии уставе постановлено учредить в ней Университет по образцу тех, которые процветают у прочих европейских народов. Тем не менее это дело, до сих пор не осуществленное, слишком долго задерживается на своей начальной стадии. Разбирать причины этого было бы занятием столь же неприятным, сколь и долгим. Поэтому я объявляю вам волю его превосходительства президента, который возложил на меня обязанность предложить вам то, что я, по его приказанию, написал по вопросу о правильном устроении Петербургского университета, для того чтобы вы вынесли решение сообразно с вашим авторитетом и ученостью. Он пожелал, чтобы прежде всего сегодня вы вынесли заключение, удовлетворяют ли вас льготы и прерогативы, которые я счел соответствующими вашему удобству и интересам успехов отечественной науки; наконец, нужна ли инавгурация Университета и соответствует ли важности этого дела предложенный мною порядок самого акта или нет. Этот вопрос возник потому, что некоторые лица, недоброжелательно относящиеся к моим начинаниям и трудам, косо смотря на все это, нашептывают покровителям наук то, чем думают либо совершенно уничтожить мои старания, либо, по крайней мере, помешать им. Более всего они настаивают на следующем: Университет возник уже двенадцать с лишним лет тому назад; поэтому смешна будет столь поздняя инавгурация его. Ответить на это очень легко. Скажите, пожалуйста, кто подумает о существовании Университета там, где не было никакого разделения на факультеты, никакого назначения профессоров по отдельным факультетам, никаких выборов проректоров, никаких расписаний, никаких публичных упражнений, никаких присуждений степеней, почти никаких привилегий, даже почти никаких лекций (ведь те, которые, едва начавшись, были прерваны, скомканные и неполные, едва ли, за исключением немногих, заслуживают названия лекций), где не было, наконец, никакой инавгурации, которая, как я полагаю, воодушевляет университеты на успех, ибо без нее остаются неизвестными привилегии, которыми обычно привлекается учащаяся молодежь, скрыты названия наук, которыми ее можно напитать, и неясно, каких степеней и званий она может домогаться. Кроме того, противники твердят, что число студентов очень мало, а потому открытие Университета будет бесполезно. Но я им отвечаю: 1) виноват был тот, кто в течение стольких лет пренебрегал Гимназией, отдавая преимущество многочисленным незначительным делам, почему число студентов и сократилось до очень незначительного; 2) для нас нет позора в том, что Университет начинает свой курс с немногих студентов и в том, чтобы серьезно подумать об их умножении, особенно раз есть прекрасная надежда получить из Академической гимназии избраннейших и алчущих учения юношей, обучая которых вы можете с лучшей стороны показать отечеству свое рвение. Ведь до этого учащиеся, рассеянные по обширнейшему городу, тратили бóльшую часть времени на долгий путь или на служение своим родителям, совращались дурными примерами в порочную жизнь, мерзли, голодные, в рваной одежде, и были чужды всякой любви к учению; а теперь соединенные в общежитии, прилично одетые, имея достаточное питание, они могут употреблять и употребляют все свое время на занятия. Приняв все это во внимание, славнейшие мужи, вынесите постановление об этом полезном для отечества деле, о вашем собственном удобстве и о той славе и благодарности, которую вы получите от распространения наук в нашем государстве.

Г. Н. ТЕПЛОВУ

Неоднократно писал я к его сиятельству и к вашему высокородию от истинного усердия к расширению наук в отечестве в Москву и на Украину и представлял здесь словесно и письменно о исправлении застарелых непорядков. Однако не по мере монаршеской к наукам щедроты воспоследовали решения и успехи, затем что не отнято прежнее самовольство недоброхотам приращению наук в России; а когда злодеи ободряются, а добрые унижаются, то всегда добру вред чинится. Кроме многих недавнейших пример сами довольно помните и в совести своей представить можете, что вы, осердясь на меня по бессовестным и ложным жалобам двух студентов, кои отнюдь требовали быть адъюнктами по недостоинству, а сами от Университета вовсе отстали и из коих, как я после уведомился, один вам сват, сделали неправое дело. Не спрося от меня ответу и оправдания, присоветовали, да и по штилю видно, сами сочинили мне публичный выговор: человеку, который больше достоинств и услуг имеет, нежели за такую мелочь перед командою был обруган. И того еще вам было мало: в досаду мне прибавили Миллеру жалованья, якобы он отправлял три дела исправно, а именно за то, что он, будучи профессором тридцать лет, никогда лекций не читывал и не сочинил ничего, что бы профессора было достойно; 2) что он, будучи конференц-секретарем, задерживает «Комментарии» неисправностию в сочинении сокращений, ведет тайную, непозволенную и подозрительную с иностранными переписку; 3) что в «Ежемесячные сочинения» вносит не токмо вещи, какие студент может и кадеты с похвалою исправляют, но и везде, где только можно, предосудительные нашему отечеству мысли вносит.

Все сие показалось вам заслугами. А мое представление, что я через шестнадцать лет одами, речьми, химиею, физикою, историею делаю честь отечеству и всегда о добре Академии и о праведной, а не подложной чести его сиятельства усердствую, вы приняли за погрешность, для того что я не удовольствовал бесстыдных требований вашего свата. Поверьте, ваше высокородие, я пишу не из запальчивости, но принуждает меня из многих лет изведанное слезными опытами академическое несчастие. Я спрашивал и испытывал свою совесть. Она мне ни в чем не зазрит сказать вам ныне всю

истинную правду. Я бы охотно молчал и жил в покое, да боюсь наказания от правосудия и всемогущего промысла, который не лишил меня дарования и прилежания в учении и ныне дозволил случай, дал терпение и благородную упрямку и смелость к преодолению всех препятствий к распространению наук в отечестве, что мне всего в жизни моей дороже.

Некогда, отговариваясь учинить прибавку жалованья профессору Штрубу, писали вы к нашему: L'Academie sans académiciens, la Chancel [1] erie sans membres, l'Université sans étudians, les régles sans autorité, et au reste une confusion jusgue á présent sans reméde (Академия без академиков, Канцелярия без членов, Университет без студентов, правила без власти, и в итоге беспорядок, доселе безысходный). Кто в том виноват, кроме вас и вашего непостоянства? Сколько раз вы были друг и недруг Шумахеру, Тауберту, Миллеру и, что удивительно, мне? В том больше вы следовали стремлению своей страсти, нежели общей академической пользе, и чрез таковые повседневные перемены колебали, как трость, все академическое здание. Тот сегодня в чести и в милости, завтре в позоре и упадке. Тот, кто выслан с бесчестием, с честию назад призван. Из многих примеров нет Миллерова чуднее. Для него положили вы в регламенте быть всегда ректором в Университете историографу, сиречь Миллеру; после, осердясь на него, сделали ректором Крашенинникова; после примирения опять произвели над ним комиссию за слово Academie phanatique (Академия фанатичная), потом не столько за дурную диссертацию, как за свою обиду, низвергнули вы его в адъюнкты и тотчас возвели опять в секретари конференции с прибавкою вдруг великого жалованья, представили его в коллежские советники, в канцелярские члены; и опять мнение отменили; потом прибавили 200 рублей жалованья и еще с похвалами в ту самую пору, когда его должно было послать на соболиную ловлю. Все сие производили вы по большей части под именем охранения президентской чести, которая, однако, не в том состоит, чтобы делать вышеупомянутые перевороты, но чтобы производить дело божие и государства постоянно и непревратно, приносить обществу беспрепятственную истинную пользу и содержать полученное правление в непоколебимом состоянии и в неразвратном и беспрерывном течении. Представьте себе, что знающие думают, а знают все; представьте, что говорят? Миллер, штрафованный за вздорную диссертацию о российском народе и оному предосудительную и за то в определении подозрительным признанный, имеет уже позволение писать и печатать на немецком языке российские известия безо всякой опасности. Изобличенный в непозволительной переписке и за то арестованный, учинен секретарем конференции и пишет, что хочет, без ее ведома! Всеваятель недоброхотных и занозливых мыслей в «Месячные сочинения» получает за то похвалы и награждения. Все сие происходит чьим старанием? — Вашего высокородия. И надеясь на вас, не хочет и не думает отстать от своих наглых глупостей и презирает указы, посылаемые из Канцелярии.

Обратитесь на прошедшее время и вспомните, сколько раз вы мне на Шумахера и на Миллера жаловались. Вспомните его самохвальное и российскому народу предосудительное «Сибирской истории» предисловие, которое вы сами опровергли; представьте его споры в комиссиях с Шумахером, со всеми профессорами, с вами, с президентом; вспомните, с другой стороны, ваши споры с Шумахером, между тем письмо о моем ничтожении к Эйлеру и ответ, что вы мне сообщили.

Вспомните сто рублев перед вашею первою свадьбою и между множеством подобных дел вспомяните, что вам благоразумный муж, ваш благодетель, князь Алексей Михайлович Черкаский говаривал о сапожнике: не бывать-де добру, пока он... А ныне его наследник и подражатель то ж и еще дерзновеннее делает. Вспомните и то, что многими таковыми дурными переворотами обесславленную Академию вывесть из нарекания отпущен был Бургав в чужие края, и нарочный пункт о том написан в его инструкции.

На все несмотря, еще есть вам время обратиться на правую сторону. Я пишу ныне к вам в последний раз, и только в той надежде, что иногда приметил в вас и добрые о пользе российских наук мнения. Еще уповаю, что вы не будете больше ободрять недоброхотов российским ученым. Бог совести моей свидетель, что я сим ничего иного не ищу, как только чтобы закоренелое несчастие Академии пресекалось. Буде ж еще так все останется и мои праведные представления уничтожены от вас будут, то я забуду вовсе, что вы мне некоторые одолжения делали. За них готов я вас благодарить приватно по моей возможности. За общую пользу, а особливо за утверждение наук в отечестве и против отца своего родного восстать за грех не ставлю. Итак, ныне изберите любое: или ободряйте явных недоброхотов не токмо учащемуся российскому юношеству, но и тем сынам отечества, кои уже имеют знатные в науках и всему свету известные заслуги! Ободряйте, чтобы Академии чрез их противоборство никогда не бывать в цветущем состоянии, и за то ожидайте от всех честных людей роптания и презрения или внимайте единственно действительной пользе Академии. Откиньте льщения опасных противоборников наук российских, не употребляйте божиего дела для своих пристрастий, дайте возрастать свободно насаждению Петра Великого. Тем заслужите не токмо в прежнем прощение, но и немалую похвалу, что вы могли себя принудить к полезному наукам постоянству.

Что ж до меня надлежит, то я к сему себя посвятил, чтобы до гроба моего с неприятельми наук российских бороться, как уже борюсь двадцать лет; стоял за них смолоду, на старость не покину.

Вашего высокородия

О СОХРАНЕНИИ И РАЗМНОЖЕНИИ РОССИЙСКОГО НАРОДА

Милостивый государь Иван Иванович.

Разбирая свои сочинения, нашел я старые записки моих мыслей, простирающихся к приращению общей пользы. По рассмотрении рассудилось мне за благо пространнее и обстоятельнее сообщить их вашему высокопревосходительству яко истинному рачителю о всяком добре любезного отечества в уповании, может быть, найдется в них что-нибудь, к действительному поправлению российского света служащее, что вашим проницательством и рачением разобрано, расположено и к подлинному исполнению приведено быть может. Все оные по разным временам замеченные порознь мысли подведены быть могут, как мне кажется, под следующие главы:

1. О размножении и сохранении российского народа.
2. О истреблении праздности.
3. О исправлении нравов и о большем народа просвещении.
4. О исправлении земледелия.
5. О исправлении и размножении ремесленных дел и художеств.
6. О лучших пользах купечества.
7. О лучшей государственной экономии.
8. О сохранении военного искусства во время долговременного мира.

Сии толь важные главы требуют глубокого рассуждения, долговременного в государственных делах искусства к изъяснению и предосторожной силы к произведению в действо. Итак, м. г., извините мою дерзость, что, не имея к тому надобной способности, касаюсь толь тяжкому бремени только из усердия, которое мне не позволяет ничего (хотя бы только и по-видимому) полезного обществу оставить под спудом. Начало сего полагаю самым главным делом: сохранением и размножением российского народа, в чем состоит величество, могущество и богатство всего государства, а не в обширности, тщетной без обитателей. Божественное дело и милосердыя и человеколюбивыя нашея монархини кроткого сердца достойное дело — избавлять подданных от смерти, хотя бы иные по законам и достойны были. Сие помилование есть явное и прямо зависящее от ея материнския высочайшия воли повеления. Но много есть человекоубивства и еще самоубивства, народ умаляющего, коего

непосредственно указами, без исправления или совершенного истребления некоторых обычаев и еще некоторых, под именем узаконений вскоренившихся, истребить невозможно.

1

В обычай вошло во многих российских пределах, а особливо по деревням, что малых ребят, к супружеской должности неспособных, женят на девках взрослых, и часто жена могла бы по летам быть матерью своего мужа. Сему, с натурою спорному поведению следуют худые обстоятельства: слезные приключения и рода человеческого приращению вредные душегубства. Первые после женитьбы лета проходят бесплодны, следовательно, такое супружество — не супружество и сверх того вредно размножению народа, затем что взрослая такая женщина, будучи за ровнею, могла бы родить несколько детей обществу. Мальчик, побуждаем будучи от задорной взрослой жены, усиливанием себя прежде времени портит и впредь в свою пору к детородию не будет довольно способен, а когда достигнет в мужеский возраст, то жена скоро выйдет из тех лет, в кои к детородию была способнее. Хотя ж она и в малолетство мужнее может обрюхатить непозволенным образом, однако, боясь бесславия и от мужних родителей попреку и побоев, легко может поступить на детоубивство еще в своей утробе. Довольно есть и таких примеров, что, гнушаясь малым и глупым мужишком, спознавается жена с другим и, чтоб за него выйти, мужа своего отравливает или инако убивает, а после изобличена предается казни. Итак, сими непорядками еще нерожденные умирают и погибают повинные и неповинные. Второе неравенство в супружестве бывает, когда мужчина в престарелых летах женится на очень молодой девушке, которое хотя и не столь опасно, однако приращению народа вредно, и хотя непозволенною любовию недостаток может быть наполнен, однако сие недружелюбия, подозрения, беспокойства и тяжеб в наследстве и больших злоключений причиною бывает. Для сего вредное приумножению и сохранению народа неравенство супружества запретить и в умеренные пределы включить должно. По моему мнению, невеста жениха не должна быть старее разве только двумя годами, а жених старее может быть 15 летами. Сие для того, что женщины скорее старятся, нежели мужчины, а особливо от частой беременности. Женщины родят едва далее 45 лет, а мужчины часто и до 60 лет к плодородию способны. Всего сходнее, ежели муж жены старее от 7 до 10 лет. Хотя ж по деревням и показывают причины, что женят малых ребят для работниц, однако все пустошь, затем что ежели кто семью малую, а много пашен или скота имеет, тот наймуй работников, прими третьщиков или половинщиков или продай излишнее другому.

2

Неравному супружеству много подобно насильное, ибо, где любви нет, ненадежно и плодородие. Несогласия, споры и драки вредят

плоду зачатному и нередко бывают причиною безвременному и незрелому рождению. Для того должно венчающим священникам накрепко подтвердить, что (б) они, услышав где о невольном сочетании, оного не допускали и не венчали под опасением лишения чина, жениха бы и невесту не тогда только для виду спрашивали, когда они уже приведены в церковь к венчанию, но несколько прежде.

3

Хотя больше одной жены вдруг иметь в нашем законе не позволяется, однако четвертая после третьей смерти в наших узаконениях не заказана, кроме того, что некто Арменопул, судья солунский, заказал приватно, положась, как уповаю, на слова Назианзиновы: «Первый брак закон, вторый прощение, третий пребеззаконие». Но сие никакими соборными узаконениями не утверждено, затем что он сие сказал как оратор, как проповедник, а не как законодавец, и, невзирая на слова великого сего святителя, церковь святая третий брак благословляет, а четвертого запрещение пришло к нам из Солуня, а не от вселенских соборов или монаршеских и общенародных узаконений. Сие обыкновение много воспрещает народному приращению. Много видал я вдовцов от третьей жены около 30 лет своего возраста, и отец мой овдовел в третий раз хотя 50 лет, однако еще в полной своей бодрости и мог бы еще жениться на четвертой. Мне кажется, было б законам непротивно, если бы для размножения народа и для избежания непозволенных плотских смешений, а от того и несчастных приключений, четвертый, а по нужде и пятый брак был позволен по примеру других христианских народов. Правда, что иногда не без сомнительства бывает, все ли происходило натурально, когда кто в третий и притом в немногие годы овдовеет, и не было ли какого потаенного злодейства? Для сего лицо, требующее четвертого или пятого брака, должно представить в свидетели соседей или, еще лучше, родственников по первым супружествам, что в оных поступки его были незлобны и беззазорны, а у кого окажутся вероятные знаки неверности или свирепости, а особливо в двух или во всех трех супружествах, тем лицам не позволять четвертого брака.

4

Вошло в обычай, что натуре человеческой противно (противно ли законам, на соборах положенным, не помню), что вдовых молодых попов и дьяконов в чернцы насильно постригают, чем к греху, а не ко спасенью дается повод и приращению народа немалая отрасль пресекается. Смешная неосторожность! Не позволяется священнодействовать, женясь вторым браком законно, честно и благословенно, а в чернечестве блуднику, прелюбодею или еще и мужеложцу литургию служить и всякие тайны совершать дается воля. Возможно ли подумать, чтобы человек молодой, живучи в монашестве без всякой печали, довольствуясь пищами и напитками и по

всему внешнему виду здоровый, сильный и тучный, не был бы плотских похотей стремлениям подвержен, кои всегда тем больше усиливаются, чем крепче запрещаются? Для сих причин кажется, что молодым вдовым попам и дьяконам надобно позволить второй брак и не постригать прежде лет пятидесяти или, сняв чин священства, позволять быть мирскими чиновниками. Сюда ж надлежит и пострижение молодых людей прямо в монахи и монахини, которое хотя в нынешние времена и умалилось пред прежним, однако еще много есть излишества, особливо в Малороссии и при синодальных школах. Взгляды, уборы, обходительства, роскоши и прочие поступки везде показывают, что монашество в молодости не что иное есть, как черным платьем прикрытое блудодеяние и содомство, наносящее знатный ущерб размножению человеческого рода, не упоминая о бывающих детоубивствах, когда законопреступление закрывают злодеянием. Мне кажется, что надобно клобук запретить мужчинам до 50, а женщинам до 45 лет.

5

Вышеописанное касалось больше до обильнейшего плодородия родящих; следующее надлежит особливо до сохранения рожденных. Хотя запрещением неравного и насильного супружества, позволением четвертого и пятого брака, разрешением к супружеству вдовых попов и дьяконов и непозволением до указанных лет принятия монашеского чина, несомненно, воспоследовать может знатное приумножение народа и не столько будет беззаконнорожденных, следовательно, и меньше детского душегубства, однако по разным случаям и по слабости человеческого сложения быть тому невозможно, чтобы непозволенным сластолюбием или и насильством обременная женщина, не хотя быть обесславлена, не искала бы способов утаить своего беззакония и несчастия, отчего иногда в отчаянии матери детей своих убивают. Для избежания столь ужасного злодейства и для сохранения жизни неповинных младенцев надобно бы учредить нарочные богаделенные домы для невозбранного зазорных детей приему, где богаделенные старушки могли б за ними ходить вместо матерей или бабок, но о сем особливо, в письме о исправлении и размножении ремесленных дел и художеств.

6

Следуют сему младенческие болезни, изнуряющие и в смертные челюсти повергающие начинающуюся жизнь человеческую, из которых первое и всех лютейшее мучение есть самое рождение. Страждет младенец не менее матери, и тем только разнится их томление, что мать оное помнит, не помнит младенец. Коль же оно велико, изъявляет Давид-пророк, ибо, хотя изобразить ужасные врагов своих скорби, говорит: «Тамо болезни яко рождающия» (сиречь женщины). Проходя болезненный путь в прискорбный и суетный свет, коль часто нежный человек претерпевает великие повреждения, а особливо в голове, тем, что в самое свое рождение лишается едва

начатыя жизни и впервые почерпнутый дух в последнее испускает либо несколько часов или дней только лишь с настоящею смертию борется. Сие первое страдание, которым нередко из рожденных живых на весь век здравие повреждается. Сего иначе ничем не можно отвратить или хотя несколько облегчить, как искусством повивальных бабок и осторожностию беременных. Потом следует болезнь при выходе зубов, младенцам часто смертоносная, когда особливо падучую болезнь с собою приносит. Также грыжи, оспа, сухотка, черви в животе и другие смерти детской причины, все требуют знания, как лечить нежных тел болезни. Для умаления толь великого зла советую в действие произвести следующее: 1) Выбрать хорошие книжки о повивальном искусстве и, самую лучшую положив за основание, сочинить наставление на российском языке или, сочинив на другом, перевесть на российский, к чему необходимо должно присовокупить добрые приемы российских повивальных искусных бабок; для сего, созвав выборных, долговременным искусством дело знающих, спросить каждую особливо и всех вообще и, что за благо принято будет, внести в оную книжицу. 2) Для излечения прочих детских болезней, положив за основание великого медика Гофмана, который, упражнявшись чрез 60 лет в докторском звании, при конце жизни писал наставление о излечении младенческих болезней, по которым я дочь свою дважды от смерти избавил, и присовокупив из других лучшее, соединить с вышеписанною книжкою о повивальном искусстве; притом не позабыть, что наши бабки и лекари с пользою вообще употребляют. 3) В обеих совокупленных сил искусств[ах] в одну книжку наблюдать то, чтобы способы и лекарства по большей части нетрудно было сыскать везде в России, затем что у нас аптеками так скудно, что не токмо в каждом городе, но и в знатных великих городах поныне не устроены, о чем давно бы должно иметь попечение; но о сем особливо представлено будет. 4) Оную книжку напечатав в довольном множестве, распродать во все государство по всем церквам, чтобы священники и грамотные люди, читая, могли сами знать и других наставлением пользовать. По исчислению умерших по приходам, учиненному в Париже, сравнив их лета, умирают в первые три года столько же почти младенцев, сколько в прочие, до ста считая. Итак, положим, что в России мужеска полу 12 миллионов, из них состоит один миллион в таком супружестве, что дети родятся, положив обще, один в два года. Посему на каждый год будет рожденных полмиллиона, из коих в три года умирает половина или еще по здешнему небрежению и больше, так что на всякий год достанется смерти в участие по сту тысяч младенцев не свыше трех лет. Не стоит ли труда и попечения нашего, чтобы хотя десятую долю, то есть 10 тысяч, можно было удобными способами сохранить в жизни?

7

Доселе о натуральных обстоятельствах, младенцам вредных; остается упомянуть о повреждениях, от суеверия и грубого упрямства происходящих. Попы, не токмо деревенские, но и городские, крес-

тят младенцев зимою в воде самой холодной, иногда и со льдом, указывая на предписание в требнике, чтобы вода была натуральная, без примешения, и вменяют теплоту за примешанную материю, а не думают того, что летом сами же крестят теплою водою, по их мнению, смешанною. Итак, сами себе прекословят, а особливо по своему недомыслию не знают, что и в самой холодной воде еще теплоты очень много. От замерзания в лед принимает вода в себя стужу до 130 градусов, да и тут можно почесть ее горячею, затем что замерзающая ртуть несравненно большее расстояние от сего градуса имеет, нежели вода от кипятка до замерзания. Однако невеждам попам физику толковать нет нужды, довольно принудить властию, чтобы всегда крестили водою, летней в рассуждении теплоты равною, затем что холодная исшедшему недавно из теплой матерней утробы младенцу, конечно, вредна, а особливо который много претерпел в рождении. Одно погружение в умеренной воде не без тягости младенцу, когда мокрота в глаза, в уши, в ноздри, а иногда и в рот вливается (а когда рот и ноздри запирает поп рукою, тогда пресекается дыхание, которое недавно лишь получил младенец). Когда ж холодная вода со льдом охватит члены, то часто видны бывают признаки падучей болезни, и хотя от купели жив избавится, однако в следующих болезнях, кои всякий младенец после преодолеть должен, а особливо при выходе первых зубов, оная смертоносная болезнь удобнее возобновится. Таких упрямых попов, кои хотят насильно крестить холодною водою, почитаю я палачами, затем что желают после родин и крестин вскоре и похорон для своей корысти. Коль много есть столь несчастливых родителей, кои до 10 и 15 детей родили, а в живых ни единого не осталось?

8

Бедственному младенческому началу жизни следуют приключения, нападающие на здравие, человеческое в прочем оныя течении. И, во-первых, невоздержание и неосторожность с уставленными обыкновениями, особливо у нас в России вкоренившимися и имеющими вид некоторой святости. Паче других времен пожирают у нас масленица и св. неделя великое множество народа одним только переменным употреблением питья и пищи. Легко рассудить можно, что, готовясь к воздержанию великого поста, во всей России много людей так загавливаются, что и говеть времени не остается. Мертвые по кабакам, по улицам и по дорогам и частые похороны доказывают то ясно. Разговенье тому ж подобно. Да и дивиться не для чего. Кроме невоздержания в заговенные дни питием и пищею стараются многие на весь в[еликий] пост удовольствоваться плотским смешением законно и беззаконно и так себя до чистого понедельника изнуряют, что здоровья своего никоею мерою починить не могут, употребляя грубые постные пищи, которые и здоровому желудку тягостны. Сверх того, вскоре следует начало весны, когда все скверности, накопленные от человеков и от других животных, бывшие во всю зиму заключенными от морозов, вдруг освобожда-

ются и наполняют воздух, мешаются с водою и нам с мокротными и цинготными рыбами в желудок, в легкое, в кровь, в нервы и во все строение жизненных членов человеческого тела вливаются, рождают болезни в здоровых, умножают оные в больных и смерть ускоряют в тех, кои бы еще могли пожить долее. После того приближается светлое Христово воскресенье, всеобщая христианская радость; тогда хотя почти беспрестанно читают и многократно повторяются страсти господни, однако мысли наши уже на св. неделе. Иной представляет себе приятные и скоромные пищи, иной думает, поспеет ли ему к празднику платье, иной представляет, как будет веселиться с родственниками и друзьями, иной ожидает, прибудут ли запасы из деревни, иной готовит живописные яйца и, несомненно, чает случая поцеловаться с красавицами или помилее свидаться. Наконец заутреню в полночь начали и обедню до свету отпели. Христос воскресе! только в ушах и на языке, а в сердце какое ему место, где житейскими желаниями и самые малейшие скважины все наполнены? Как с привязу спущенные собаки, как накопленная вода с отворенной плотины, как из облака прорвавшиеся вихри, рвут, ломят, валят, опровергают, терзают. Там разбросаны разных мяс раздробленные части, разбитая посуда, текут пролитые напитки, там лежат без памяти отягощенные объедением и пьянством, там валяются обнаженные и блудом утомленные недавние строгие постники. О, истинное христианское пощение и празднество! Не на таких ли бог негодует у пророка: «Праздников ваших ненавидит душа моя, и кадило ваше мерзость есть предо мною!» Между тем бедный желудок, привыкнув чрез долгое время к пищам малопитательным, вдруг принужден принимать тучные и сильные брашна в сжавшиеся и ослабевшие проходы и, не имея требуемого довольства жизненных соков, несваренные ядения по жилам посылает, они спираются, пресекается течение крови, и душа в отворенные тогда райские двери из тесноты тела прямо улетает. Для уверения о сем можно справиться по церковным запискам: около которого времени в целом году у попов больше меду на кутью исходит? Неоспоримое есть дело, что неравное течение жизни и крутопеременное питание тела не токмо вредно человеку, но и смертоносно, так что вышеписанных строгих постников, притом усердных и ревностных праздниколюбцев, самоубийцами почесть можно. Правда, что, нежели кто на масленице приуготовляется к посту житием умеренным, в пост не изнуряет себя излишне и говеет больше духом, нежели брюхом, на св. неделе радуется о препровождении в[еликого] поста в истинных добродетелях, в трудах, обществу полезных и богу любезных, а не о том, что дожил до разрешения на вся, тот, конечно, меньше почувствует припадков от нездорового времени, а особливо когда трудами кровь приводит в движение и, словом, содержит себя хотя то постными, то скоромными пищами, однако равно умеренными, без крутых скачков и пригорков. Но здесь, в севере, сие по концам тучное, а в середке сухое время есть самая праздная часть года, когда крестьяне не имеют никакой большой работы и только посеянные, пожатые, измолоченные и смолотые плоды по-

левые доедают; купцам, за испорченными дорогами и распутицами, почти нет проезду из города в город с товарами; нет кораблям плавания и морским людям довольного движения; военные люди стоят в походах по зимним квартирам, а дома то для морозов, то для слякоти не могут быть удобны экзерциции. Итак, большая часть народа должна остаться в праздности, которая в заговенье и разговенье дает причину к необузданной роскоши, а в пост, с худыми прошлогодними пищами и с нездоровым воздухом соединенная, портит здоровье и жизнь коротит.

Многие скажут: «Да проживают же люди! отцы наши и прадеды жили долгие веки!» Правда, живут и лопари, питаясь почти одною только рыбою, да посмотрите ж, коль они телом велики и коль многолюдны, и сравните их с живущими в том же климате самоядами, питающимися по большей части мясом. Первые ростом мелки, малолюдны, так что на 700 верстах в длину, а в ширину на 300 лопарей толь мало, что и в большие солдатские поборы со всей земли по два солдата с числа душ наймают из нашего народа, затем что из них весьма редко, чтобы кто и по малой мере в солдаты годился. Самояды, напротив того, ростом немалы, широкоплечи и сильны и в таком множестве, что если бы междоусобные частые кровавые сражения между многими их князьками не случались, то бы знатная восточно-северного берега часть ими населилась многолюдно. Посмотрите, что те российские области многолюднее, где скотом изобильнее, затем что во многих местах, где скотом скудно, и в мясоед по большей части питаются рыбою или пустыми щами с хлебом. Если б наша масленица положена была в мае месяце, то великий пост был бы в полной весне и в начале лета, а св. неделя около Петрова дня, то бы кроме новых плодов земных и свежих рыб и благорастворенного воздуха 1) поспешествовало бы сохранению здравия движения тела в крестьянах пахотною работою, в купечестве дальнею ездою по земле и по морю, военным — экзерциею и походами; 2) ради исправления таких нужных работ меньше бы было праздности, матери невоздержания, меньше гостьбы и пирушек, меньше пьянства, неравного жития и прерывного питания, надрывающего человеческое здравие, а сверх того, хотя бы кто и напился, однако, возвращаясь домой, не замерз бы на дороге, как о масленице бывает, и не провалился бы под лед, как случается на св. неделе.

Я к вам обращаюсь, великие учители и расположители постов и праздников, и со всяким благоговением вопрошаю вашу святость: что вы в то время о нас думали, когда св. великий пост поставили в сие время? Мне кажется, что вы по своей святости, кротости, терпению и праводушию милостивый ответ дадите и не так, как андреевский протопоп Яков делал, в церкви матерно не избраните или еще, как он с морским капитаном Яньковым в светлое воскресение у креста за непоцелование руки поступил, в грудь кулаком не ударите. Вы скажете: «Располагая посты и праздники, жили мы в Греции и в земле обетованной. Святую четыредесятницу тогда содержать установили, когда у нас полным сиянием вешнего солнца земное богатое недро отверзается, произращает здоровыми соками наполненную молодую зелень и воздух возобновляет ароматными духами; поспевают ранние плоды, в пищу, в прохлаждение и в лекарство купно служащие; пению нашему для славословия божия соответствовали журчащие ручьи, шумящие листы и воспевающие сладкогласные птицы. А про ваши полуночные стороны мы рассуждали, что не токмо там нет и не будет христианского закона, но ниже единого словесного обитателя ради великой стужи. Не жалуйтесь на нас! Как бы мы вам предписали есть финики и смоквы и пить доброго виноградного вина по красоуле, чего у вас не родится? Расположите, как разумные люди, по вашему климату, употребите на пост другое способнейшее время или в дурное время пользуйтесь умеренно здоровыми пищами. Есть у вас духовенство, равную нам власть от Христа имеющее вязати и решити. Для толь важного дела можно в России вселенской собор составить: сохранение жизни толь великого множества народа того стоит. А сверх того ученьем вкорените всем в мысли, что богу приятнее, когда имеем в сердце чистую совесть, нежели в желудке цинготную рыбу, что посты учреждены не для самоубийства вредными пищами, но для воздержания от излишества, что обманщик, грабитель, неправосудный, мздоимец, вор и другими образами ближнего повредитель прощения не сыщет, хотя бы он вместо обыкновенной постной пищи в семь недель ел шепы, кирпич, мочало, глину и уголье и большую бы часть того времени простоял на голове вместо земных поклонов. Чистое покаяние есть доброе житие, бога к милосердию, к щедроте и к люблению нашему преклоняющее. Сохрани[те] данные Христом заповеди, на коих весь закон и пророки висят: «Люби господа бога твоего всем сердцем (сиречь не кишками) и ближнего, как сам себя (то есть совестию, а не языком)». Исправлению сего недостатка ужасные обстоят препятствия, однако не больше опасны, как заставить брить бороды, носить немецкое платье, сообщаться обходительством с иноверными, заставлять матросов в летние посты есть мясо, уничтожить боярство, патриаршество и стрельцов и вместо их учредить Правительствующий Сенат, Святейший Синод, новое регулярное войско, перенести столицу на пустое место и новый год в другой месяц! Российский народ гибок!

9

Кроме сего впадает великое множество людей и в другие разные болезни, о излечении коих весьма еще мало порядочных есть учреждений, как выше упомянуто, и только по большей мере простые, безграмотные мужики и бабы лечат наугад, соединяя часто натуральные способы, сколько смыслят, с вороженьем и шептаниями, и тем не только не придают никакой силы своим лекарствам, но еще в людях укрепляют суеверие; больных приводят в страх унылыми видами и умножают болезнь, приближая их скорее к смерти. Правда, много есть из них, кои действительно знают лечить некоторые болезни, а особливо внешние, как коновалы и косто-

правы, так что иногда и ученых-хирургов в некоторых случаях превосходят, однако все лучше учредить по правилам, медицинскую науку составляющим. К сему требуется по всем городам довольное число докторов, лекарей и аптек, удовольствованных лекарствами, хотя б только по нашему климату пристойными, чего не токмо нет и сотой доли, но и войско российское весьма не довольно снабжено медиками, так что лекари не успевают перевязывать и раненых, не токмо чтобы всякого осмотреть, выспросить обстоятельства, дать лекарства и тем страждущих успокоить. От такого непризрения многие, коим бы ожить, умирают. Сего недостатка ничем не можно скорее наполнить, как для изучения докторства послать довольное число российских студентов в иностранные университеты и учрежденным и впредь учреждаемым внутри государства университетам дать между прочими привилегиями власть производить достояных в доктора. Медицинской канцелярии подтвердить накрепко, чтобы как в аптеках, так и при лекарях было довольное число учеников российских, коих бы они в определенное время своему искусству обучали и Сенату представляли. Стыдно и досадно слышать, что ученики российского народа, будучи по десяти и больше лет в аптеках, почти никаких лекарств составлять не умеют, а ради чего? Затем, что аптекари держат еще учеников немецких, а русские при иготе, при решете и при уголье до старости доживают и учениками умирают, а немецкими всего государства не наполнить. Сверх того, недостаточное знание языка, разность веры, несходные нравы и дорогая им плата много препятствуют.

10

Смертям от болезни следует насильственные, натуральные и случайные обстоятельства как причины лишения жизни человеческой, то есть моровые язвы, пожары, потопления, морозы. Поветрия на людей хотя по большей части в южных пределах здешнего государства случаются, однако всякие способы против того употреблять должно. Оные состоят в истреблении уже начавшегося или в отвращении приходящего. К первому требуются известные употребительные против такого несчастья средства, и для того, лучшие должно выбрав из авторов, сочинить медицинскому факультету книжку и, напечатав, распродать по государству. Ко второму надобно с бывших примеров собрать признаки, из которых главный есть затмение солнца, причиняющее почти всегда вскоре падеж на скот, а после и на людей поветрие. В наши просвещенные веки знают о том в великом свете обращающиеся люди от астрономов и могут предостеречься, не выпуская скота из дому и не давая травы, того дня снятой: так в других государствах остерегаются два или три дни после, и сами никаких плодов в то время не снимают и не употребляют, говоря, что во время солнечного затмения падают ядовитые росы. Главная причина быть кажется, по моему мнению, что во время затмения закрывается Солнце Луною, таким же телом, как и Земля наша, пресекается круто электрическая сила, которую Солнце на все растения во весь день изливает, что видно на травах, ночью спящих и тоже страждущих в солнечное затмение. Время научит, сколько может электрическая сила действовать в рассуждении поветрия. Затмения во всем государстве не знают, и для того надобно заблаговременно публиковать и что требуется повелеть указами по примеру, как водится в других государствах. Для избавления от огненной смерти служит предосторожность о утолении частых и великих пожаров, о чем покажется пространно в письме о лучшей государственной экономии. Потопления суть двояки: от наводнения и от неосторожной дерзости, особливо в пьянстве. Первое легко отвратить можно, запретив, чтобы при великих реках на низких местах, вешней особливо воде подверженных, никаких жилищ не было. Сие делается от одной лености, чтоб вода и сено и всякая от воды удобность были близки, однако часто на высоких местах живущие видят весною, сами будучи в безопасности, как скот и люди и целые дома неприступный лед несет в отчаянии всякого спасения. Вторых потоплений ничем отвратить нельзя, не умалив много гощения и пьянства, для коих люди дерзают переезжать чрез реки в бурную погоду, перегрузив суда множеством, или переходить через лед осенью и весною, когда он весьма ненадежен и опасен. В главе о истреблении праздности предложатся способы, равно как и для избавления померзания многих зимой.

11

Немалый ущерб причиняется народу убивствами, кои бывают в драках и от разбойников. Драки происходят вредные между соседями, а особливо между помещиками, которых ничем, как межеванием, утушить не можно. На разбойников хотя посылаются сыщики, однако чрез то вывести сие зло или хотя знатно убавить нет почти никакой надежды. Основательнейшие и сильнейшие к тому требуются способы. Следующий кажется мне всех надежнее, бережливее и монархине всемилостивейшей славнее и притом любезнее, затем что он действие свое возымеет меньшим пролитием человеческой крови. Разбойники без пристанища в городах и около деревень пробыть и злодейством своим долго пользоваться не могут. При деревнях держатся, а в городах обыкновенно часто бывают для продажи награбленных пожитков. Итак, когда им сии места сделаны будут узки и тесны, то не могут долго утаиться; не занадобится далече посылать команды и делать кровопролитные сражения со многими, когда можно иметь случай перебрать поодиночке и ловить их часто. Всевожделенный и долговременный покой внутри нашего отечества чрез полтораста лет, в кое время после разорения от поляков не нужно было стенами защищаться от неприятелей, подал нерадению нашему причину мало иметь попечения о градских ограждениях, и потому большая часть малых городов и посадов и многих провинциальных и губернских городов не токмо стен каменных или хотя надежных валов и рвов, но и деревянных палисадников или тынов не имеют, что не без сожаления вижу из ответов,

присылаемых на географические вопросы в Академию наук изо всех городов указом Правительствующего Сената, по моему представлению. Кроме того что проезжающие иностранные не без презрения смотрят на наши беспорядочные города или, лучше сказать, почти на развалины, разбойники употребляют их к своему прибежищу и также могут закрываться от достойного карания в городе или еще лучше, нежели в деревне, затем что город больше и со всех сторон в него на всяком месте ворота днем и ночью беспрестанно отворены ворам и добрым людям. Когда ж бы всемилостивейше повелеть благоизволено было все российские города, у коих ограждение рушилось или его и не было, укрепить, хотя не каменными стенами, но токмо валом и рвом и высоким палисадником и не во многих местах оставить ворота с крепкими запорами и с надежными мещанскими караулами, где нет гарнизонов, так, чтобы ряды и лавки были внутри ограждения, то бы ворам провозить в город грабленые вещи для продажи было весьма трудно и все для осмотру предосторожности употребить было несравненно легче, нежели в месте, со всех сторон отворенном; а разбойник может быть в воротах скорее примечен, который, не продав грабленых вещей, корысти не получит. Сверх всего, в каждом огражденном городе назначить постоянные ночлеги для прохожих и просзжих с письменными дозволениями и с вывескою и приказать, чтобы каждый хозяин на всякий день объявлял в ратуше, кто у него был на ночлеге и сколько времени, а другие бы мещане принимать к себе в дом приезжих и прохожих воли не имели под опасением наказания, кроме своих родственников, в городе известных. По всем волостям, погостам и деревням опубликовать, что ежели крестьянин или двое и больше поимают разбойника, приведут его в город или в другое безопасное место и докажут надежными свидетелями и спору в том не будет, то давать приводчикам за всякую голову по 10 рублев из мещанского казенного сбору и за главных злодейских предводителей, за атамана, эсаула, также и за поимание и довод того, кто держит воровские прибежища, по 30 рублев. Сие хотя довольно быть кажется, где города не в весьма дальном расстоянии, однако многие места есть в России глухие, на 500 и больше верст без городов, прямые убежища разбойникам и всяким беглым и беспашпортным людям; примером служить может лесистое пространство около реки Ветлуги, которая, на 700 верст течением от вершины до устья простираясь, не имеет при себе ни единого города. Туда с Волги укрывается великое множество зимою бурлаков, из коих немалая часть разбойники. Крестьяне содержат их во всю зиму, за полтину человека, а буде он что работает, то кормят и без платы, не спрашивая пашпорта. По таким местам должно основать и поставить города, дав знатным селам гражданские права учредить ратуши и всеводствы и оградив надежными укреплениями и осторожностями от разбойников, как выше показано. Сие будет служить не токмо для общей безопасности и к сбережению российского народа, но и к особливой славе всемилостивейшей нашея самодержицы яко возобновительницы старых и состроительницы многих новых городов российских.

12

Переставая говорить о потере российского народа болезнями, несчастиями и убивствами, должно упомянуть о живых покойниках. С пограничных мест уходят люди в чужие государства, а особливо в Польшу, и тем лишается подданных российская корона. Подлинно, что, расположив предосторожности на рубеже литовском, однако толь великой скважины силою совершенно запереть невозможно: лучше поступить с кротостию. Побеги бывают более от помещичьих отягощений крестьянам и от солдатских наборов. Итак, мне кажется лучше пограничных с Польшей жителей облегчить податьми и снять солдатские наборы, расположив их по всему государству. Для расколу много уходит российских людей на Ветку: находящихся там беглецов не можно ли возвратить при нынешнем военном случае? А впредь могут служить способы, кои представятся о исправлении нравов и о большем просвещении народа.

13

Место беглецов за границы удобно наполнить можно приемом иностранных, ежели к тому употреблены будут пристойные меры. Нынешнее в Европе несчастное военное время принуждает не токмо одиноких людей, но и целые разоренные семейства оставлять свое отечество и искать мест, от военного насильства удаленных. Пространное владение великой нашей монархини в состоянии вместить в свое безопасное недро целые народы и довольствовать всякими потребами, кои единого только посильного труда от человеков ожидают к своему полезному произведению. Условия, коими иностранных привлечь можно к поселению в России, не представляю, не ведая довольно союзных и враждебных обстоятельств между воюющими и мирными сторонами.

Хотел бы я сочинить примерный счет, сколько бы из сих 13 способов (а есть еще и больше) воспоследовало сохранения и приращения подданных ея императорского величества. Однако требуются к тому для известия многие обстоятельства и немало времени; для того только одною догадкою досягаю несколько, что на каждый год может взойти приращение российского народа больше против прежнего до полумиллиона душ, а от ревизии до ревизии в 20 лет — до 10 миллионов. Кроме сего уповаю, что сии способы не будут ничем народу отяготительны, но будут служить к безопасности и успокоению всенародному.

Окончивая сие, надеюсь, что вашему высокопревосходительству что-нибудь понравится из моих доброжелательных к обществу мнений, и прошу о вашем беспрерывном здравии и во всем удовольствии всевышнего строителя и правителя всех народов и языков, произведшего вас в сей день и влившего вам кровь сына отечества к произведению дел полезных, а паче к покровительству наук и художеств, к которым я, равно и к вам от всей искренности усердствуя, с достодолжным высокопочитанием пребываю.

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ В КАНЦЕЛЯРИЮ АКАДЕМИИ НАУК ОБ ОТПРАВКЕ НЕКОТОРЫХ СТУДЕНТОВ УНИВЕРСИТЕТА ЗА ГРАНИЦУ

1

Чрез многие опыты изведано, сколько труда и хлопот стоит Академии выписывание иностранных членов, также и отпуск оных не всегда без досад и нарекания бывает. Сверх же того много времени миновать еще должно, пока Академия своими природными профессорами наполнится, как то пример минувшего времени показывает. И хотя в штате академическом положено выписывать иностранных профессоров, а о произведении своих изображено не довольно, однако сие неправильно и должно быть к лучшему поправлено, как обще о регламенте гласит ордер его сиятельства Академии Наук г. президента.

2

Удобнейший к тому способ подает ныне за четыре года учиненное новое учреждение Академического университета и Гимназии, из которой в студенты всех произведено до двадцати человек, ибо из них для лучшего успеха и совершенства в науках можно отправить других государств в университеты с доброю надеждою плода семь человек, а именно: Дмитрия Легкаго, Герасима Шпынева, Афанасья Горина, Петра Иноходцова, Степана Щукина, Ивана Юдина, Степана Кузнецова. И хотя из сих некоторые в студенты произведены и недавно, однако лекции профессорские с достаточным разумением слушать могут и показали хорошее понятие и порядочное поведение в поступках, сверх же того ради молодых своих лет могут удобнее научиться иностранным языкам, между тамошними людьми обращаясь.

3

Итак, Канцелярии академической сим представляю, чтобы помянутых студентов послать для научения разных наук и чтобы видеть, в разных землях академии и знатных ученых людей, с определением годового жалованья по триста рублев, а когда будут в переездах из одной земли в другую, давать по четыреста. А где и чему учиться и как долго пробыть им должно в чужих краях, о том дать им указ с инструкциею. А в сочиняющемся новом стате и регламенте положить, чтобы на академической сумме всегда содержать природных российских студентов за морем не меньше десяти человек, которое число в каждые пять лет из Академического университета производить можно будет удобно. А когда случится недостаток, наполнить из синодальных семинарий или из Московского университета.

4

По сему учреждению и по настоящим затруднениям выписание профессора механики и ботаники отложить, ибо студент Лепехин в Страсбурге обучается с желанными успехами в физических науках, и потому указать ему упражняться паче всех в ботанике еще два года, а третий определить на путешествия, чтобы видеть в других государствах славные ботанические сады и ботаников. Профессора практической механики должность исправит на время г. Пачеко, а новые машины изыскивать и в дело отдавать имеют довольно вымыслов и другие члены, притом еще много есть машин, изобретенных и описанных в «Комментариях», а в дело еще не произведенных.

5

Итак, сие мое представление обще туда представляется, чтобы о выписывании вновь и о приеме иностранных профессоров беспрочное почти старание вовсе оставить, но крайнее положить попечение о научении и произведении собственных природных и домашних, которые бы служили, назад не оглядываясь и не угрожая контрактом и взятием абшита, а паче всего служили бы к чести отечеству, которой от иностранных нашему народу приписывать невозможно.

Михайло Ломоносов

ПРОЕКТ РЕГЛАМЕНТА АКАДЕМИИ НАУК

Новое примерное расположение и учреждение Санкт-Петербургской Императорской Академии наук, на высочайшее рассмотрение и апробацию сочиненное

Регламент Санкт-Петербургской Императорской Академии наук

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

О собрании Академии наук

ГЛАВА I

О достоинстве, избрании и принятии действительных членов Академии

§ 1. Прежде установления и распоряжения академических членов должно определить первейших персон сего общества требуемые качества, дабы оных достоинством, значением и рачением вся академическая система в добром и порядочном движении обращалася. Сколько же от них к сему правлению требуется, можно уже из того рассудить, что они предпоставляются к распоряжению людей, коих знания и изыскания простираются во все пределы человеческого разума.

§ 2. Президент Академии наук не токмо главный правитель и начальник, но и оберегатель оныя от посторонних приключений и наветов, требуется человек именитый и знатный, имеющий свободный доступ до монаршеской особы, чтоб мог представлять академические надобности, коих без высочайшего повеления произвести Академия власти не имеет. Сверх того должен быть знающ нужнейших языков и общевникателен во все науки, природный россиянин. Еще ж превосходнее было б и полезнее, когда б президент был при знатности своей и люблении наук достаточен в разных науках.

§ 3. Вице-президент хотя и прилично быть в обществе знатным, однако ж знаемость его требуется больше по наукам, нежели по другим преимуществам, дабы он удобнее мог видеть все состояние Академии, достоинство членов и других служителей, труды и склонности и прочее и о том изъяснять президенту и с ним дела обще рассматривать. Того ради вице-президент должен быть знающ в разных науках, из ординарных академиков, служивших в здешней Академии немалое время и показавших свое в науках отменное знание изданными сочинениями.

§ 4. Главная должность президентская, а с ним и вице-президентская в том состоит, чтобы, наблюдая все, их чинам предписанное в генеральном регламенте, всячески старались сохранять в Академии наук порядок и чтобы происходило все, как узаконено в сем регламенте, и для того не чинить в нем никакой отмены, разве ими что усмотрено и общим согласием всего собрания в сем регламенте признано будет яко с практикою не согласное и препятственное дело: о том представлять монаршескому благорассмотрению от общего лица Академии, по чему и поправление может впоследовать особливым указом.

§ 5. Членов Академического собрания, а особливо ординарных академиков достоинство главное состоит в довольном знании своей науки, которыя он профессор, но притом чтобы такой член не совсем чужд был и неискусен в других, сродных с его профессиею науках, состоящих в том же классе, что из следующих явствует по классам.

§ 6. Геометр сверх искусства в высшей математике должен иметь хорошее знание всех частей практической геометрии, употребляемой в испытании натуры и в надобностях обществу, например в астрономии, в навигации. Астроному нужна высшая геометрия для выкладок, механика для сведения своих инструментов, география для расположения самих наблюдений. Географу астрономия во всем служит основанием, механика — для инструментов землемерительных, алгебра — для исчисления сил и точности инструментов. И сие в математическом классе.

§ 7. В физическом классе физик должен притом иметь изрядное знание в химии, которая испытателю натуры нужна как средство, коим единым уповательно сыскать причины видимых свойств, в телах на поверхности происходящих от внутреннего сложения. Анатомия и ботаника полезны физику, поелику могут подать случай к показанию причин физических. Химик без знания физики подобен человеку, который всего искать должен ощупом. И сии две науки так соединены между собою, что одна без другой в совершенстве быть не могут. Анатомик, будучи притом физиолог, должен давать из физики причины движения животного тела, а поелику медик — разуметь химию и в ботанике лекарственные травы. Ботаник для

показания причин растения должен иметь знание физических и химических главных правил.

§ 8. В историческом классе историограф требуется человек кроме своего знания в университетской истории, особливо же российской, который бы не был чужд знания практической философии, прав, политики и прозаичного красноречия. Юрист должен быть притом историк и политик, антикварий, историк древностей и достаточно знающ в греческом и латинском языках. Ориентальных языков профессор — искусен в древней греческой истории и восточных народов.

§ 9. Обще от всех академиков неотменно требуется знание хотя элементарных наук математических. Разумеются здесь профессии, в коих высокое знание математических наук не так много нужно, ибо и в академиях примечено, что иногда химики, анатомики, ботаники, историки почти никакого знания первых математических оснований не имеют и для того не могут своей практики и расположить порядочно и сообразить рассуждением, которым купно с логикою надежная предварительница есть геометрия.

§ 10. Еще же примечено в академиях, что весьма знающие в своих науках профессоры мало притом искусны в словесных науках, так что их сочинения излишними распространениями, неявственными, сомнительными и ненатуральными выражениями в чтении скучны и невразумительны. Для того академики должны быть достаточны в чистом и порядочном штиле, хотя и не требуется, чтобы каждый из них был оратор или стихотворец.

§ 11. Не может никто быть ординарным академиком, не показав в ученом свете изданных опытов своего искусства и знатными учеными людьми одобренных. Экстраординарные и адъюнкты производятся по свидетельству и избранием Академического собрания.

§ 12. В прочем во всех должно смотреть, чтобы они были честного поведения, прилежные и любопытные люди и в науках бы упражнялись больше для приумножения познания, нежели для своего прокормления, и не так, как некоторые, снискав себе хлеб, не продолжают больше упражнения в учении с ревностию. Паче же всего не надлежит быть академическим членам упрямым самолюбам, готовым стоять в несправедливом мнении и спорить до самых крайностей, что всячески должны пресекать и отвращать главные командиры.

§ 13. Когда будет довольство ученых людей, тогда ординарные и экстраординарные академики и адъюнкты быть должны природные россияне по доброму примеру Парижской академии, где все академики — природные французы. Честь российского народа требует, чтоб показать способность и остроту его в науках и что наше отечество может пользоваться собственными своими сынами не токмо в военной храбрости и в других важных делах, но и в рассуждении высоких знаний.

§ 14. А пока же ныне сего исполнить не можно, выписывать в ординарные и экстраординарные члены из других земель со всякою предосторожностию людей достойных, как выше предписано, причем наблюдать должно: 1) чтобы сие было не по приватным одобрениям от знатных персон и без порядочного избрания от Академии; 2) чтобы приехавших в Россию за другими нуждами и по случаю вздумавших вступить в академическую службу не принимать без особливой предосторожности, без строгого экзамена и без ведома о его подлинном отечестве и поведении. И сию статью исполнять до времени, пока из природных россиян ученые умножатся и не будет нужды чужестранных выписывать. Адъюнктов всегда производить из природных россиян.

§ 15. Вообще избрание чинить по освидетельствовании таким образом. Когда избирается кто баллотированием в класс математический, члены оного кладут баллы в особливый ящик и с ними президент и вице-президент и так их оставляют. Академики прочих двух классов кладут свои баллы в особливый сосуд. Потом оба сосуда должны быть отворены. В первом сосуде, в коем преимуществующего класса баллы купно с президентским и вице-президентским, имеют силу целого голоса, прочих же классов — силу половинного голоса. Таким образом поступать, когда физический или исторический класс преимуществует для избрания в оный члена. При сем наблюдать, что президент кладет два балла, а вице-президент — один, а за отсутствием или небытностию президентскою и он кладет два же.

Адъюнкты имеют голос только в удостоении в адъюнкты, а в избрании академиков ни голосов, ни баллов им не позволяется.

§ 16. Дипломы давать ординарным и экстраординарным академикам за подписанием государским, адъюнктам — за подписанием президентским и секретаря конференции; у академиков прикладывать академическую печать большую с серебряным и позолоченным ковчежцем, у адъюнктов — меньшую просто. Реченным дипломам сочинить форму в Академическом собрании.

ГЛАВА II

О должностях и трудах Академического собрания

§ 17. Когда производится кто в адъюнкты, то бывает в надежде, что он достигнет достоинства экстраординарного и ординарного академика. Для того первое его упражнение есть вникать в ученые дела ординарного академика, вспомогать ему в делах, как своему надлежит предводителю, второе — читать сочинения по своей науке, славными учеными собраниями изданные, особливо же Парижскою, Берлинскою, Бононскою и Шведскою академиями, Лондонским ученым собранием и другими, сочинения особенные славных ученых людей и знатнейшие ученые ведомости. Сим должен адъюнкт

приуготовляться в академики, дабы, уже будучи в оном достоинстве, знал, что изобретено в ученом свете и чего ему, якобы достойному академику, вновь искать должно, дабы сделанного не делать и не терять напрасно времени и расходов.

§ 18. Адъюнкт, приобретший хорошее сведение о состоянии в ученом свете своей науки и по оказании опыта, что он в состоянии подать в ней впредь приращения, в экстраординарные академики произведенный, должен еще вяще стараться о большем приобретении знания и привыкать к изобретениям, между тем приходить в хорошее знакомство с другими сродными науками в своем классе. Наконец, полезно, чтобы он смотрел, какое есть или впредь скоро быть может порожнее место ординарного академика в том же классе, и к той науке прилежал больше, дабы в случае мог заступить оного место.

§ 19. Ординарного академика должность всячески стараться смотреть в своей профессии, в которой части она еще слаба и не доведена до такой степени, как ее же другие части, и где позволяют обстоятельства, и место и время обещают лучшие в новых изобретениях успехи и приращения, что, усмотрев, надлежит ему объявить в Академическом собрании. И для того каждый академик ординарный должен всякие полгода объявлять и в собрании к записке отдавать таковые свои предприятия.

§ 20. Кроме новых изобретений для «Комментариев» полезно, чтобы академики издавали особливо книги по своей профессии на российском языке, однако ж как не всяк одарован систематическим смыслом, хотя в частных изобретениях удачлив, и притом есть излишнее дело, чтобы каждый академик издавал новые в своей науке наставления, то отдается каждому на произволение, чтоб, испытав свои силы, принялся за труд с успехом.

§ 21. Нередко случаются в ученых людях полигисторы, то есть разные науки знающие так довольно, что могут в них производить новые приращения. Для того им сие не токмо не запрещается, но еще за полезное и надобное дело почитается, а особливо, чтоб было кому рассуждать о предлагаемых сочинениях собранию. Например, когда астроном подаст в Собрание свою диссертацию и ежели нет из других профессий знающего сию науку, то не может быть оное сочинение рассмотрено и останется верить одному сочинителю, почему бы и собрание было бесполезно.

§ 22. Наконец, все академики, ординарные, экстраординарные и адъюнкты, должны везде наблюдать обще честь Академии, своих предпоставленных и свою собственную, а паче славу и пользу отечества и высочайший интерес императорского величества трудами и честными поведениями и стараться исполнять свою должность. И сие о должностях и трудах собрания Академического вообще. Ныне о каждом ординарном академике особливо.

§ 23. В математическом классе геометр хотя должен приращения чинить в чистой высшей математике, однако много полезнее, когда стараться будет о сокращении трудных выкладок, кои часто употребляют астрономы, механики и обще, где в испытании натуры и в художествах требуются исчисления. Товарищам своим, кои в других науках упражняются и требуют иногда для поверения выкладки, кои превосходят их силы, может спомогать по-дружески.

§ 24. Астроном, имея обсерваторию в своем распоряжении, должен оную снабдевать исправными инструментами, особливо ж теми, кои вновь изобретены другими или им самим и признаются лучшими для употребления в наблюдениях, на что и сумма в стате положена, и Мастерская палата учреждена, дабы оные орудия за морем у славных мастеров куплены или здесь были сделаны. Имея при себе адъюнкта и, как ниже сего окажется, обучая элева, должен им вверить для их употребления некоторую часть инструментов, кроме тех, кои сам употребляет, и сие для двоякой пользы: 1) чтобы оные вяще и вяще в наблюдениях навыкли обращаться; 2) чтобы и его наблюдения тем подтверждались, ибо и они могут быть счастны в наблюдениях для острого зрения и для постоянного внимания. Сие разумеется и о экстраординарном академике того же класса и о адъюнктах и элевах астрономии и географии.

§ 25. Географу поручается Географический департамент, в коем главное упражнение есть сочинение и исправление «Российского атласа», который труд есть почти необходимый, ибо многие веки требуются к составлению совершенно исправного атласа, и для того должно стараться издавать новые атласы российские, чем далее, тем исправнее, через двадцать лет, употребляя на исправление новейшие специальные чертежи и известия по выбору. Для сего не пропускать никакого случая, когда от другой команды посылаются землеописатели, давать от Академии инструкции и оным командам принимать и посылающимся давать для исполнения безотговорочно, о чем географу иметь прилежное рачение и наведываться везде специальных новых, а особливо российских карт и оные доставать и копировать для снабдения географической архивы в Академии.

§ 26. Для надежнейшего исправления «Российского атласа» должна Академия отправлять каждые двадцать лет, а особливо во время ревизии посылать географические экспедиции для описания и для астрономических определений мест знатных и нужных, куда отправлять нарочных от астрономической и географической профессии и присовокуплять со стороны от других команд знающих геодезию на вспоможение. Ревизионное время тем для сих экспедиций способно, что академическим землеописателям, проезжающим назначенными местами, могут ревизоры подать с окрестных мест известия лучше, нежели в другое время крестьяне, и, сверх того, соединены быть могут с новыми географическими сведениями новые по переписным книгам мест и числа жителей отмены.

§ 27. Для случающихся чрезвычайных на небе явлений, требующих наблюдения на разных местах, когда они будут не во время географических экспедиций, посылать нарочных обсерваторов от двух реченных профессий, людей надежных, притом препоручать им исправление других надобностей, как измерение градусов, нивеллация рек, осмотр сообщения вод знатных и прочая.

§ 28. Механику кроме рачения в изобретении новых махин, полезных в общем употреблении для облегчения трудов человеческих, должно в инструментальной палате, состоящей в его ведении, приказывать делать и исправлять под его смотрением астрономические, физические и географические инструменты и где только для академических профессий что механическое потребуется, а что куплено будет, того доброту осматривать и подавать в Собрание свидетельствование с оценкою.

§ 29. В физическом классе ординарный академик физики, имея в своем расположении Физическую экспериментальную палату, должен стараться, чтоб она была снабдена довольными инструментами, а особливо новейшего изобретения других и его собственного, и содержать все в добром порядке и исправности, употреблять оные для приращения натуральной науки новыми опытами. Помянутые инструменты, рассуждая по возможности, иные делать здесь, в механической палате, под смотрением механики профессора и самого физика, а иные покупать, смотря по надобности. Экстраординарный того же класса адъюнкт и элев с согласия и дозволения ординарного физика могут делать опыты для уверения или доказательства своих сочинений, подобно как для обсерватории предписано.

§ 30. Химик, который должен притом знать часть натуральной истории, а особливо минеральных тел и в рудном деле быть не чужд, имеет в своем ведомстве и расположении химическую лабораторию, содержить оную в порядке, с довольством материалов, посуды и прочих потребностей, причем должен быть и небольшой минералогический кабинет, и в оной старается, во-первых, доискиваться новых приращений сея науки, особливо в показании причин в химических переменах, дабы сию науку вяще и вяще приближить к физике и, наконец, поставить оную с нею в равенстве, притом не оставлять и других трудов химических, кои простираются до дел практических, в обществе полезных, чего от химии ожидают краски, литейное дело, медицина, экономия и прочее. В поступках с принадлежащими до химии персонами и с профессиями, требующими от химии взаимного вспоможения, каковы суть физика, ботаника, механика, поступать, как предписано выше.

§ 31. Ботаник, он же купно и всей натуральной истории профессор, содержит в своем смотрении и расположении Академический ботанический сад, оранжерею, семена и сушеные травники, все в исправном и надобном числе и количестве. Семена стараться собирать через корреспонденцию откуда возможно, паче же изо всех

областей Российския империи и со всех соседственных земель, особливо ориентальных, и через то приводить ботаническую часть натуральной истории нашего отечества к совершенству, дабы оное служило к лучшему исправлению прямой ботанической общей системы. Между тем стараться о познавании здешних медицинских трав для удовольствия здешних аптек домашними материалами. Наконец, чтобы сад был по мере украшен и порядочен, дабы показать не стыдно было посторонним любителям сея науки. В оранжерее содержать иностранные травы, сколько допустит здешний климат и сколько требуется к показанию ботанических разных систем для наставления учащихся.

§ 32. Анатомик, сверх новых своих изысканий и свидетельств тел человеческих, будучи физиолог, должен доходить подлинных причин состояния здорового и больного человеческого тела, притом заготовлять анатомические препараты частей человеческих и других животных, отчасти ради приращения медицины, отчасти для кунсткамеры, когда в ней что из таковых вещей обветшает или попортится. До него надлежит не токмо порядочное расположение и содержание Анатомического театра, но по сродству с медициною знание зоологии, то есть натуральной истории животных: должен описывать внешний вид и внутреннее строение зверей, птиц, рыб и гадов, особливо здешних, разнящихся от иностранных или совсем инде не известных.

§ 33. В историческом классе историограф первую должность наблюдает собирать всякого рода исторические сведения для Академической библиотеки и для своего сведения, надлежащие до деяний российских и до порученных ей и соседних народов, особливо же коих история мало или недовольно на свете сведома. Сочинение российской истории полной по примеру древних степенных историков, каковы были у римлян Ливий, Тацит, есть дело, не всякому историку посильное, ибо таковых не много было во всех народах на всей памяти человеческого рода, ибо для того требуется сильное знание в философии и красноречии. Для того довольно для ординарного академического историографа, когда он для сохранения древностей издаст в народ некоторые части простым, но порядочным штилем, выключая всякие мелочи, достойные ничего больше, как вечного забвения; есть довольно и знатных приключений в российских деяниях, чем историограф может удовольствовать свою и любопытных людей охоту. Для исполнения должности надлежит дать ему позволение входить в государственные архивы для справок в своих сочинениях, только смотреть прилежно, 1) чтоб он был человек надежный и верный и для того нарочно присягнувший, чтобы никогда и никому не объявлять и не сообщать известий, надлежащих до политических дел критического состояния; 2) природный россиянин; 3) чтоб не был склонен в своих исторических сочинениях ко шпынству и посмеянию.

§ 34. Юриспрудент, наподобие историографа, должен собирать все, что надлежит до российских новых и древних прав и для их

объяснения, и приводить в систематическое расположение для пользы при сочинении прав российских. Паче же всего должно юристу, яко знающему довольно философию, всякому юридическому термину изобретать и составлять точные дефиниции, полные, без излишеств, ибо употребление слов неограниченных и сомнительных и двузнаменательных производит в суде великие беспорядки и отдаляется от правды к заблуждению и к ябедам. Оные дефиниции, надлежащие к одной материи, могут от юриспрудента, как новые изобретения, в форме диссертации Собранию быть представлены на рассуждение и по апробации оного в «Комментариях» напечатаны с оговоркою, что они не ради того изданы, дабы по ним суды производились, но ради лучшего рассуждения в установлении и поправлении впредь законов.

§ 35. Древностей ординарный академик по знанию своему старинных языков, которые уже из употребления вышли, и по искусству в древностях еврейских, греческих, римских и северных народов должен в оных все изыскивать, что надлежит к сведению древнего состояния российских предков, также единоплеменных славянских и других, с ними смешанных народов, дабы приобрести большее просвещение в российских древностях, в чем, с историографом сносясь, могут подавать один другому доброе взаимное вспоможение. Обращаясь для древностей в чтении греческих и римских писателей, не может сей академик по мере своего таланта не навыкнуть красноречию, ибо они суть самый лучший и надежный пример в словесных науках. Для того, сочиняя скучные о древностях критические материи, должен им придавать приятность умеренным украшением витийским. Ему ж принадлежит должность академического оратора для публичных собраний, хотя могут оную исполнять и другие академики, ибо случиться может геометр, анатомик или химик, в красноречии искусный.

§ 36. Знающий восточные языки академик, во-первых, должен стараться иметь переписку с природными восточных народов учеными по тамошнему состоянию людьми и собирать всякие книги и известия о состоянии тамошних стран, а особливо соседственных народов в рассуждении истории, поелику можно пользоваться тем в описании российских древностей и соседственного политического взаимства, в чем вспоможение подавать могут ему историограф и древностей профессор, также и от него получать напротив того изъяснения.

ГЛАВА III

О почетных членах и корреспондентах

§ 37. Почетные члены жалованные и безжалованные, также и корреспонденты должны быть избраны общим Академическим собранием по баллотированию и, как в штате показано, из разных народов, дабы Академия могла пользоваться успехами наук от всего ученого и просвещенного света и свои труды распространять по оному.

§ 38. Жалованные почетные члены должны быть приняты из ученых людей первого ранга, кои славными изобретениями и сочинениями учинились в свете знамениты, коих должно быть в Германии и Франции по два, в Италии, в Испании, в Англии, в Швеции, в славянских владениях, в Китае по одному. Потом смотреть, чтобы они были в рассуждении своих главных знаний разделены на три академических класса и не было б одной профессии более двух персон.

§ 39. Безжалованных почетных членов число хотя полагается неопределенное, однако не должно быть излишнее, причем наблюдать надлежит, чтоб не принимать людей, в ученом свете безымянных, только по приватному знакомству или по рекомендации знатных людей, чего и во всех случаях убегать должно, ибо требуются здесь люди, способные к приращению наук новыми изобретениями, а не сочинители только известных дел новою формою. В таковые члены принимать и российских подданных, в ней находящихся достойных людей. А жалованные неотменно должны быть вне государства.

§ 40. Корреспонденты избраны быть могут не токмо ученые люди, но и любители наук, у которых известны охота и любопытство к изысканию надлежащих до наук известий, хотя в них основательного учения и не положили. Таковые люди полезны вне и внутрь государства, и для того не токмо в отдаленных чужих землях иметь их должно, но и по всем российским губерниям нарочно приискивать надежных, разумных и любопытных людей, кои бы в Академию пересылали свои наблюдения в натуре (и?) в истории, на что им давать с дипломами инструкции от Академии и способы к их изысканиям, кои ни Академии, ни тамошнему жителю не тягостны.

§ 42. Чужестранные члены, особливо же жалованные, должны сообщать всякие в ученом свете новости, собственные и чужие, то есть книги, наблюдения, опыты и знатные с учеными людьми приключения, объявлять Академии, в каких они изысканиях и сочинениях упражняются, дабы видеть можно было, какую взаимную пользу Академии или Академия им подать может и нет ли надобности для ускорения и верной исправности дела производить общими трудами.

§ 43. Изданиям трудов академических споспешествовать должны жалованные члены присылкою диссертаций новых изобретений или поправления в прежних, которых по справедливости требуется хотя по одной на год. От безжалованных того не требуется точно, однако прилежные большую имеют надежду к принятию в число

жалованных, когда себя притом достойными покажут перед ученым светом.

§ 44. Когда понадобится выписать в Академию действительного члена, то почетные члены должны представлять кандидатов, описав верно их знание, изданные сочинения, лета, службу, нравы и поведения. Для сего должна Академия писать ко всем почетным членам в Европе, чтоб всяк учинил представление о принятии в члены кого кто за способнейшего найдет.

§ 45. Должность почетных, а паче жалованных членов, чтоб принимали от Академии следующие комиссии: 1) ежели какие обстоятельства не допускают учинить здесь нужного изыскания, которое представлено будет здешним каким членом, и Собранием апробовано, оное учинить почетному члену, где способно, на что ему Академии заплатить издержку, ежели она не тягостна будет, и о чем прежде надлежит описаться; 2) в трудных делах для решения между академиками споров, буде здесь не можно, требовать голосов от почетных членов, кои принадлежат к оному классу, где спор происходит, однако главным командирам стараться, чтобы они внутрь Академии прекращены были; 3) над присылающимися от Академии для обучения студентами иметь смотрение и правление их учения и поведения, о чем и присылать известия в Академию.

§ 46. Присылаемые от почетных членов сочинения рассматривать академикам той профессии и того же класса и об ней подавать в Собрание ведомость, которую издавать в печатаемых известиях о ученых делах при академических «Комментариях». Присылаемые сочинения от ученых, кои не члены Академии, таким же образом рассмотрев, и по важности и по достоинству материй выбирать авторов в члены. Известия, от корреспондентов сообщенные, издавать в «Академической истории».

§ 47. Корреспонденты, ежели будут люди, основательно ученые в университетах, достигнут до степени способности в новых изобретениях и покажут к тому опыты, могут быть избраны в почетные члены баллотированием, а из почетных членов приняты в жалованные по достоинству, кое выше показано, и по баллотированию. Всех снабдевать от Академии дипломами жалованных за президентскою, вице-президентскою, ординарных академиков и конференц-секретарскою рукою, безжалованных — президентскою и секретарскою, корреспондентов — за конференц-секретарскою, первых и вторых — на пергаменте за большою академическою печатью в серебряном и позолоченном ковчежце, последнем — за малою печатью просто, на пергаменте же, — все по предписанной форме вообще и особливое вписание достоинств каждому по его трудам и знаменитости в науках.

ГЛАВА IV

Об академических обыкновенных собраниях и о издании в свет сочинений

§ 48. Обыкновенные заседания академические суть двоякого рода: 1) для рассмотрения трудов академических членов, 2) о правлении и расположении дел экономических. Чрезвычайные собрания определяются для отправления дел посторонних, до наук надлежащих по другим командам. Обыкновенные собрания быть должны по дважды в неделю — по понедельникам и пятницам. Чрезвычайные назначаются от главных командиров, особливо когда дело не терпит умедления. Впрочем, и посторонние дела могут отправляться в определенные дни, ежели не так нужно поспешно, и время остается от текущих дел академических.

§ 49. В заседаниях наблюдать следующий порядок: по президенте и вице-президенте заседают ординарные академики по старшинству вступления в Академию, потом экстраординарные также по старшинству, а ниже их адъюнкты подобным порядком. Таким же образом подписывать журнал и прочее. Выбранные чины, как проректор Университета, библиотекарь, конференц-секретарь и другие, в старшинстве не имеют преимущества, как только проректор в университетских заседаниях.

§ 50. Всем академикам и адъюнктам собираться в Академии в уреченные дни и по чрезвычайным повесткам, в начале одиннадцатого часа и не позднее как одною четвертью. Ежели же кто не будет присутствовать, тот должен в тот же день поутру объявить письменно секретарю причину своего отсутствия. У не бывших в присутствии без законного и заблаговременного извинения вычитать из жалованья по силе генерального регламента.

§ 51. Сочиненные диссертации от членов отдаются секретарю, который вписывает их в журнал с надписанием времени, когда каждая получена, и по тому порядку посылаются к членам по домам для прочтения. Таковых диссертаций никому не держать у себя долее недели, а по возвращении к секретарю читать их тем же порядком одну за другою, как в Собрание вступили.

§ 52. Диссертации читать в Собрании самому автору, разве за болезнию или законною отлучкою присутствовать не может, и кому из своих товарищей поверит; буде же того учинить не похочет, то оную отложить до его присутствия, а между тем без остановления читать следующие ей других сочинения.

§ 53. При чтении о замеченных на дому местах по порядку рассуждать, и, кто какое сомнительство или другое мнение имеет, должен от автора диссертации требовать объяснения или доказательства. И на таковые требования должен автор ответствовать и свое

изыскание очистить или, признав неисправность, беззазорно поправить, ежели не до главного дела всей материи ошибка касается и поправить можно. Для напечатания в «Комментариях» разбирают главные командиры, секретарь и ординарные члены того класса.

§ 54. Во многих диссертациях практических наук часто случаются новые опыты и наблюдения, при коих наблюдать академикам должно следующее: 1) действительно ли они новые и нет ли их уже прежде другими изобретенных и в свете изданных, чтобы старого не почесть за новое; 2) кои опыты можно повторить в конференцской палате без потеряния многого времени, то учинить перед Собранием, что ж будет не способно, то академикам собираться к автору или отрядить нарочных для освидетельствования на место изыскания. Буде ж такое наблюдение случается не всегда или в отдалении, то положиться на честность авторову, буде нет довольных причин к сомнительству.

§ 55. Что в какой диссертации автор изобразит неясно или недовольно докажет и будет у него требовано на то справедливое удовольствие, то дозволено ему прежде издания прибавлять изъяснения и пополнения, ибо диссертация читается в Собрании не ради того, чтоб автора постыдить опровержениями, но чтоб изыскать самую правду, причем убегать надлежит всяких шумов и досадительных речей, что главные командиры всячески отвращать должны увещеваниями, выговорами и наложением молчания, а буде и того не послушают — денежным штрафом. Ежели какое сочинение будет спорного достоинства и автор покажет довольные причины, что по пристрастиям оное не приемлется в «Комментарии», то сие решить взятием голосов от иностранных членов, чего, однако, для чести Собрания убегать должно. Когда же и от оных не апробуется, главные командиры автору приказать должны, чтобы он свою диссертацию переделал или вовсе оставил или б издал вне «Комментариев».

§ 56. Новые изобретения издавать в свет следующим порядком: напереди печатать дедикацию (когда требуется по прежнему обыкновению), и ежели нет дедикации, то должно быть краткому предисловию по приличности того года, на который том издается; после того история Академии, в которой сверх кратких содержаний каждой диссертации присовокупить экстракт из академического журнала, в коем особливо показать переписки академиков с учеными людьми и присылки новостей от корреспондентов и другие приключения, служащие к чести Академии; самые диссертации по порядку классов и вступления их в Собрание. На каждый год припечатывать имена академиков, почетных членов и корреспондентов.

§ 57. Дедикации и предисловия сочинять секретарю или исправляющему ораторскую должность академику. Сокращения диссертаций сочинять каждому автору своей собственной, а исторические

приключения — секретарю, что все в Собрании прочитано, рассмотрено и апробовано быть должно.

§ 58. Издавать в свет свои сочинения имеет Академия в состоящих на казенном коште типографиях, а особливо в той, которая произошла и возросла из академической суммы и должна Академии чинить всякое угождение и поспешествование, ибо она по нынешнему новому стату хотя совсем от Академии отделяется, дабы течению наук и ученому обществу покупкам материалов, инструментов, продажею книг, перепискою с иностранными типографщиками для книжного торгу и прочих мелочных дел никакого помешательства не учинилось, каковое прежде искусством изведано, однако тем оная должна иметь сообщение печатанием дел академических по нижеследующему: все издаваемые для Академии и для Университета и Гимназии книги, также календари, ландкарты и атласы печатать в оной Типографии на академическом коште с умеренными барышами, а от Академии продавать оные книги из состоящей при оной типографии книжной лавке порознь или оптом купцам повольною ценою, чему всему быть в смотрении академического казначея и в ведомстве Академического собрания. Сие разумеется и о сочинениях приватного труда академических членов с академическою апробациею, которую в оных сочинениях и припечатывать, а без оной не почитать того труда академическим.

§ 59. Печатание помянутых книг и сочинений производить прежде всех прочих, считая со вступления в типографию и только то принимая в рассуждение, что прислано будет для напечатания в оную типографию по именному высочайшему повелению или от правительствующего Сената с изображенным выключением книг академических из порядка вступления.

§ 60. Посторонних с делами допускать в Собрание, как водится в других местах присутственных. Почетным членам, кои здесь, в Санкт-Петербурге, обращаются, когда в Собрание пригласятся или сами с делом придут, давать места по старшинству рангов между академиками. Иностранных членов, кои не в здешней службе, когда здесь случается, также почитать как гостей местом по их достоинствам по рассуждению главных командиров. Приезжающим корреспондентам давать стулы, как водится в других коллегиях, смотря по рангу.

§ 61. Когда получит Академия от ученых обществ или персон письма, оные по рассмотрению надобности прочитаны быть должны в Собрании прежде диссертаций и положено мнение, какой ответ должен секретарь писать именем Академии. На письма приватной переписки членов приватно ответствуют члены, к кому что писано, однако, буде до наук касаются, прочитаны быть должны в Собрании и в журнал записаны.

§ 62. Всем происхождениям в Академических обыкновенных собраниях содержать журнал и наблюдать порядок секретарю конфе-

ренции, что его главная должность. Притом главным командирам наблюдать и строго смотреть, чтобы оный секретарь, переписываясь с иностранными учеными собраниями и членами именем Академии, ничего б не сообщал, не требовал и не обещал или и действительно не пересылал чего из Академии без общего согласия от всего Собрания и всех своим по ученым делам писем присовокуплял к журналу академическому верные копии, а журнал подписывать всему Собранию академиков [...]

ГЛАВА V

О публичных Академических собраниях, о задачах и о награждениях

§ 73. Для показания обществу трудов академических должны быть при Академии публичные собрания дважды или по малой мере однажды в год, рассуждая по довольству материй, достойных торжественного предложения ученому свету и всем наук любителям. Оные быть должны в начале нового года, в первых числах генваря месяца, или в шесть месяцев спустя, то есть после праздника св. апостолов Петра и Павла, около первого числа июля. Позволяете же производить оные действия и в другие месяцы на торжественные праздники государские или на знатные радостные государственные приключения, только то наблюдать, чтоб от одного публичного собрания до другого не пропустить долее одного года.

§ 74. Предлагаемых сочинений в таковых Собраниях должны быть всегда по три, из каждого класса по одному. Очередь хотя и должна следовать по старшинству членов, однако ежели кто покажет материю важнее, то отдается на рассмотрение Собрания и решить баллотированием; позволяется ж читать сочинение в Собрании и мимо очереди, ежели очередной не имеет материи, которая требуется всегда новая, в коем числе разумеются и ораторские речи, когда в них есть новых знатных дел приличные витийские изображения.

§ 75. Предлагать одно или два сочинения на российском языке, третие может быть и на латинском. Ежели ж присутствие весьма знатных иностранных персон, ни латинского, ни российского языка не разумеющих, потребует, то читать одно сочинение на немецком или на французском языке, в котором автор должен быть совершенно искусен в рассуждении исправного штиля и чистого выговору. Природные россияне должны свои речи предлагать на российском языке. Приезжим почетным членам позволяется говорить речи на латинском языке или по требованию нужных обстоятельств на своем природном, только же чтобы она была прежде в Собрании прочтена и апробована баллотированием.

§ 76. Предлагаемые в публичных собраниях сочинения должны быть прежде в Конференции прочитаны по просмотрении по до-

мам и баллотированием апробованы, причем наблюдать, 1) чтобы материи глубокого изыскания изображены были ясно и понятно по крайной возможности; 2) чтобы сочинения не были излишно долги, дабы все действие с объявлением задач и награждений больше двух часов не продолжалось.

§ 77. В таковых публичных собраниях служат для ясности и для возбуждения любления к наукам в слушателях показания опытов. Для того стараться, чтобы при диссертациях практических профессий представлять оные опыты, кои не требуют великого места и времени и не производят ничего противного, также показывать новоизобретенные инструменты или по последней мере оных чертежи, крупно и явственно нарисованные, с истолкованием.

§ 78. Для ободрения ученых людей во всем свете к полезным новым изысканиям в науках определяется, как и прежде, награждение, состоящее во ста червонных, которое ежегодно выдавать за решение предложенной задачи, содержащейся в трудной материи, которая еще в ученом свете сомнительна или совсем новая; оную должно объявлять повсягодно в публичном собрании программою, сочиненною академиком той профессии, до которой задача надлежит, или секретарем Конференции, который оную объявляет как новую впредь задачу, так и академический приговор, кому присуждено награждение за прежнюю задачу. Присылаемым диссертациям определять сроки за шесть недель до собрания публичного.

§ 79. Когда Академия для решения задачи не получит больше одной диссертации, то награждение не выдавать, ибо сие награждение определено лучшему сочинению, а одно не может быть себя самого ни лучше, ни хуже, и потому задачу отсрочить до будущего публичного собрания. Однако ежели Общим собранием академиков, особливо того класса, к коему оное принадлежит, признается за совершенное и не требующее ни малого поправления или дополнения, в таком случае давать награждение и за одну присланную диссертацию.

§ 80. Заседать Собранию на публичном действии так же, как и в обыкновенных конференциях, с тою отменою, что стол должен быть поставлен однем рядом, дабы из членов никто не сидел хребтом к слушателям, но все бы к ним лицом были. Читающий свое сочинение должен стоять, а ежели какое Собрание удостоится монаршеского всемилостивейшего присутствия, то и всему Собранию стоять, каждому члену у своего места.

§ 81. В публичное собрание призывать программою, от секретаря или от члена академического по приличности материи сочиненною и в Собрании рассмотренною, опробованною и напечатанною. Во время Собрания посторонних не пускать одетых неблагопристойным образом и первые места уступать знатнейшим особам. Студентам быть при публичных собраниях должность требует.

§ 82. Ни в начале, ни в конце Собрания не раздавать ни программ, ни сочинений, кроме удостоившей Академию присутствием высочайшей особы и государской фамилии, после Собрания по расположению главных командиров разошлет или кому сам похочет персонально конференц-секретарь или авторы помянутых сочинений.

NB ***Еще и еще раз убеждаешься, реализуя свою мечту об Университете и Гимназии, руководя Академией, Великий Ученый, работавший в десятках научных направлений, бесконечно терпеливо обустраивал свое детище. Казалось бы, многие детали работы Академии должны были пройти мимо такого крупного ученого, но нет. Он пишет подробнейшую инструкцию даже к проведению Академических собраний, о задачах и награждениях, каждым параграфом скрупулезно определяя его проведение. И так во всем. Возможно, эта тщательность организации и помогла всем созданным им учебным заведениям выстоять в течение веков.***

Надобно и нам, думается, оберегать наши стандарты, не спешить со всякими изменениями, а если вносим что-то новое, отменяем что-то — тысячу раз обдумать, не спешить, оглянуться, может быть, на работу М.В.Ломоносова в этой области.

КРАТКАЯ ИСТОРИЯ О ПОВЕДЕНИИ АКАДЕМИЧЕСКОЙ КАНЦЕЛЯРИИ В РАССУЖДЕНИИ УЧЕНЫХ ЛЮДЕЙ И ДЕЛ С НАЧАЛА СЕГО КОРПУСА ДО НЫНЕШНЕГО ВРЕМЕНИ

ГЛАВА III

О поведении Канцелярии академической после определения новых в ней членов

§ 37

При отъезде на Украину определил г. президент в Канцелярию новых членов в прибавление к статскому советнику Шумахеру: коллежского советника Ломоносова и асессора Тауберта; надворный советник Штелин сперва присутствовал по строению академических погорелых палат, а после определен и действительно канцелярским членом. Кроме известных прежде бывших непорядков, странны показались советнику Ломоносову: 1) подряды, происходящие по выстройке погоревших палат и по заведению новой Типографии асессором Таубертом и всяких починок, в коем деле не мог везде соглашаться без нарушения законов и для того записывал свой голос особливо, чему примеры показать можно; секретарь академический протестовал о таковых подрядах после того и в Правительствующем Сенате; 2) великая раздача книг в подарки без высочайшего повеления в богатых переплетах, чему и реестр персон имеется, по которому видеть можно, сколь много истрачено казны с начала Академии доныне; 3) великое множество дел, до наук ничего не надлежащих, покупки разных вещей на Типографию, в Книжную лавку, в мастеровые палаты, а особливо что по мелочам в разбивку, которыми так время тратится, что мало досугов остается стараться о главном деле — о науках, что можно усмотреть из канцелярских журналов и протоколов, на что Ломоносов многократно представлял, чтоб оное прекратить, однако без успеху, затем что товарищи его тем больше могли себя показать многодельными и прилежными, чего они не могли показать по наукам.

§ 38

Подал советник Ломоносов в Профессорское собрание проект о делании трубы, коею бы яснее видеть можно было в сумерках, и

представил давно у себя сделанный тому опыт. Физики профессор, что ныне коллежский советник, Епинус делал на то объекции, почитая сие невозможным делом. Ломоносов немного после того спустя получил от камергера Шувалова присланную трубу того ж сродства, и он представлял в доказательство своей справедливости. Однако профессор Епинус не токмо слушать не хотел, но и против Ломоносова употреблял грубые слова; и вдруг вместо дружбы прежней стал оказывать неприятельские поступки. Все ясно уразумели, что то есть Таубертов промысел по Шумахерскому примеру, который ученые между профессорами споры, кои бы могли дружелюбно кончиться, употреблял в свою пользу, портя их дружбу. Все явно оказалось тем, что Епинус не токмо с Ломоносовым, но и с другими профессорами, ему приятельми, перестал дружиться, вступил в Таубертову компанию и вместо прежнего прилежания отдался в гуляние. Тауберт Епинуса везде стал выхваливать и рекомендовать и тем сделал себе два выигрыша: 1) что отвел от наук человека, который бы стал, может быть, ими действовать против него, если бы при науках остался, 2) сыскал себе в помощь недоброжелателя Ломоносову, что следующими примерами неспоримо доказуется.

§ 39

Пожалован между тем коллежский советник Теплов в статские советники. Для того Ломоносов, как в одно время произведенный прежде, подал и о своем произвождении прошение его сиятельству Академии г. президенту, что он и принял благосклонно. Советник Тауберт, уведав о сем, употребил для помешательства сему профессора Епинуса, приговорив еще к тому профессора Цейгера и адъюнкта Кельрейтера, бывшего в великой любви у Тауберта и у Миллера. Скопом пришед к президенту, просили, чтобы не воспоследовало Ломоносову произвождение, что учинили и у других некоторых особ, имея предводителем Епинуса, а речь вел Цейгер. Почему и остановлено произвождение Ломоносова, несмотря что он уже девятый год тогда был в одном чину, служив близ тридцати лет и отправляв до четырех профессий сверх дел канцелярских; напротив того, Епинус, быв здесь едва три года по контракту, произведен коллежским советником; не показав ни малой услуги Российскому отечеству, по Таубертовой рекомендации и еще мимо старших его иностранных, усердно трудившихся в наставлении российского юношества в Университете, от чего Епинус неосновательными отговорками вовсе отказался.

§ 40

Чтение лекций коль неприятно Тауберту хотя из вышеписанного довольно уразуметь можно, также из следующих неоспоримо окажется, однако не можно не упомянуть и сего поведения. Катедра профессорская стояла в академических палатах, где читал лекции по большой части профессор Браун, которого всегдашнее старание

о научении российских студентов и притом честная совесть особливой похвалы и воздаяния достойны. Тогда безо всякого определения и согласия Канцелярии прочих членов и совсем без их ведома асессор Тауберт велел оную катедру вынесть вон, которая после очутилась в Гимназии. И если бы не старание Ломоносова, то бы лекции тогда вовсе пресеклись, затем что расположение тогдашнее профессорское и студентское житье по разным квартерам требовало, чтоб катедре быть в академических палатах.

§ 41

Для сохранения российских древностей от разрушения и для удовольствия охотников представил советник Ломоносов в Академической канцелярии, чтобы списать портреты прежних государей, кои по разным столичным и удельным городам в бывших княжениях находятся в церквах при гробницах, сняв с них рисунки на бумаге, при Академии переправить чище и, нагрыдоровав, пустить в свет. Согласились все члены, и признан к тому довольно способным рисовальный мастер Андрей Греков. Сделано определение, и от Святейшего Синода истребован позволительный указ, чтобы его допускать для сего дела везде в церкви. Однако Тауберт для пресечения сего дела, для того что не от него, но от Ломоносова получило свое течение, нашел способ, рекомендовав сего Грекова для обучения рисованию его императорского высочества. Что он сие учинил с зависти и злобы, то неоспоримо потому, 1) что можно бы к сему много лучших рисовальщиков сыскать, кроме Академии, и особливо, что Тауберт знал готовое уже Грекова отправление, 2) что кроме исполнения своей на Ломоносова злости отнюдь бы он Грекова не рекомендовал к тому знатному месту, затем что он был свидетелем на тестя его Шумахера во время следственной на него комиссии, почему меньшего брата его, Алексея Грекова, и поныне утесняет чувствительно.

§ 42

Не токмо в академических делах Ломоносову чинены многие препятствия, но и по его приватным трудам оскорбления. Когда мозаичное дело привел он до такого совершенства, что стали многие похвалять его старание, в то время издано в «Ежемесячных сочинениях некоторое известие о мусии, наполненное незнания о сем деле, а паче презрения сего искусства, которое ныне в Риме и здесь производится из стеклянных составов и превосходнее древнего. Сии ругательства делу, для отечества славному, от кого произошли, видно, что при конце оного сочиненьица стоят буквы В. Т. Собирает сочинения профессор Миллер, печатает Тауберт. Одному Ломоносова стихотворство, другому его «История», третьему обое, а паче всего в Канцелярии товарищество противно.

§ 43

По силе генерального регламента разделены академические департаменты президентским орденом по канцелярским членам в особливое смотрение: коллежскому советнику Ломоносову поручено Профессорское собрание, Университет, Гимназия и Географический департамент, надворному советнику Штелину — Департамент академических художеств, так же грыдорованное, резное и другие мастерства, асессору Тауберту — Типография, Книжная лавка и инструментальное дело. В сем последнем хотя Ломоносов и Штелин тогда ж и представляли, что инструментальное дело должно разделить, то есть для поделок типографских надобностей требуется только столяр, кузнец и слесарь, а прочие, как мастер геометрических, оптических, астрономических и метеорологических инструментов, надлежат к Департаменту наук, который дан в смотрение Ломоносову, однако Шумахеров и Таубертов голос больше уважены, и после того инструментальных мастеров труды почти единственно употреблены в приватные угождения, ибо по Канцелярии о происхождении дел в Инструментальной лаборатории ничего почти не известно. Также Астрономическая обсерватория и физика едва ли чем от оной пользовались не токмо в деле новых, но и в починке старых инструментов.

§ 44

Ломоносов первое по своим департаментам принял в уважение Гимназию и Университет, кои были весьма в худом состоянии, а особливо, что жили гимназисты и студенты по городу порознь, не было никакого регламента, который велено уже с начала нового стата сочинить президенту, от чего происходило, 1) что помянутые молодые люди без распорядка в классах и в лекциях профессорских не были обучаемы надлежащим образом, 2) живучи далече от Академии не приходили в надлежащие часы к учению, а иногда и по нескольку недель отгуливали, жалованье получали многие весьма малое, и тем еще поделясь с бедными своими родительми, претерпевали скудость в пище и ходили по большой части в рубищах, а оттого и досталь теряли охоту к учению. Для отвращения сего сочинил Ломоносов с позволения президентского обоих сих департаментов статы вновь и регламенты, кои его сиятельством и опробованы, и дело пошло лучшим порядком.

§ 45

Однако в надлежащее течение привести невозможно было за невыдачею денег на учащихся, в чем советник Тауберт много противился, ибо, имея казну от Книжной лавки под своим ведением и печатью, с великим затруднением давал на Университет и Гимназию, когда статной казны в наличестве у Комиссарства не было, хотя все книжное дело и доходы произошли из академического

определенного иждивения с немалым наук ущербом, так что иногда Ломоносову до слез доходило, ибо, видя бедных гимназистов босых, не мог выпросить у Тауберта денег, видя, что не на нужные дела их употребляет. Например, дочь умершего давно пунсонщика Купия принесла после отца своего оставшие старые инструменты, которые тотчас для словолитной за 120 рублев наличных денег взяты, когда гимназистам почти есть было нечего. Таковые поступки понудили Ломоносова просить президента, чтобы Университет и Гимназия отданы были ему в единственное смотрение, и сумму по новому стату на оба сии учреждения отделять особливо с тем, чтобы Канцелярия (сиречь прочие члены) чинила ему в том всякое вспоможение. Сколько ж, напротив того, учинено препятствия, следует ниже. Однако, несмотря на оные, старанием Ломоносова начались в Гимназии экзамены и произвождение из класса в класс и в студенты и в Университете лекции; и в четыре года произошли уже двадцать человек, а в одно правление Шумахерово в тридцать лет не произошло ни единого человека.

§ 46

Успехи Гимназии и Университета коль тягостны были Тауберту, можно видеть из препятствий, учиненных вместо вышепомянутого вспоможения. Профессор Модрах, бывший тогда Гимназии инспектор, принес к Ломоносову канцелярский ордер, им же, Ломоносовым, подписанный и к Модераху посланный для принятия денег на студентов и гимназистов, в котором выскоблено и на том месте написано: «и употреблять их по моим словесным приказаниям», что законам противно и, чаятельно, ничьим другим, как Таубертовым, приказанием для подыску впредь сделано.

§ 47

Когда Ломоносов сочинил статы и регламенты для Гимназии и Университета, то для лучшей исправности сообщил их для просмотрения и делания примечаний советнику Теплову и четырем профессорам. Теплов сделал примечания и трое из профессоров, кои были по большой части справедливы и приняты в уважение. Четвертый, приняв Таубертовы советы, спорил против числа студентов и гимназистов, точно его слова употребляя: что «куда-де столько студентов и гимназистов? куда их девать и употреблять будет?» Сии слова твердил часто Тауберт Ломоносову в Канцелярии и, хотя ответствовано, что у нас нет природных россиян ни докторов, ни аптекарей, да и лекарей мало, также механиков искусных, горных людей, адвокатов и других ученых и ниже́ своих профессоров в самой Академии и в других местах, но, не внимая сего, всегда твердил и другим внушал Тауберт: «Куда со студентами?»

§ 48

Для твердого основания Санкт-Петербургского университета и для его движения старался советник Ломоносов, чтоб исходатайствовать оному надлежащие привилегии и учинить торжественную инавгурацию по примеру других университетов. Для того с позволения его сиятельства Академии президента сочинил по примеру других университетов привилегию и с его апробациею и Профессорского собрания отдал переписать на пергаменте с надлежащими украшениями и со всеми принадлежностями подал в бывшую тогда Конференцию, где оная опробована канцлером, его сиятельством графом Михаилом Ларионовичем Воронцовым контрассигнована к подписанию е. в. блаженныя памяти государыни и [мператрицы] Е [лисаветы] П [етровны] и между прочими делами предложено, но приключившиеся тогда болезни и скорая ее кончина сие пресекла. Примечания достойны при сем деле Таубертовы поступки: 1) что он об университетской инавгурации не хотел и слушать и ради того и у проекта привилегии для подания в Придворную конференцию не подписался, которая и представлена за президентскою и Ломоносова рукою; 2) адъюнкту Протасову послан был ордер в Голландию, чтобы, не ставясь там в докторы, ехал в Санкт-Петербург для постановления при инавгурации; к сему Тауберт не подписался, отзываясь, что «какие-де здесь поставления в докторы, не будут-де его почитать», будто бы здешняя монаршеская власть не была толь важна, как голландская. Правда, что инавгурация за вышеписанной причиною пресеклась, однако Протасов всегда мог быть здесь доктором поставлен, но Тауберт во время тяжкой Ломоносова болезни отослал снова Протасова в Голландию для получения докторства, чем потеряно время и иждивение напрасно и авторитету академическому ущерб сделан, коея президенту в регламенте позволено производить в ученые градусы. Что же Тауберт сие учинил не для пользы Протасова, да в укоснение Университету, то явствует по тому, что после возвращения Протасова доктором при произвождении его в профессоры продолжал время, и если бы Ломоносов не ускорил, отнесши дело на дом президенту для подписания, то бы, конечно, Протасов и по сю пору был адъюнктом. Однако Тауберт и еще притом выиграл, что угодника своего Румовского наделя старшинством перед Протасовым.

§ 49

В представлении своем к г. президенту Ломоносов о исправлении Университета и Гимназии рекомендовал в профессоры адъюнктов Козицкого и Мотониса, одного философии, а другого греческого языка, и приводил Тауберта, чтобы на то склонился, затем что представление одного не толь важно, однако он отговаривался отчасти недостатком суммы, отчасти полагая причиною, якобы они были не прилежны, не хотят по его приказаниям ничего делать и

прочая. Но не так он поступил с угодником своим Румовским и недавно с наглым Шлецером, которого непозволенным образом хочет довести в профессоры истории, о чем ниже.

§ 50

Для учреждения Университета должно было иметь профессора юриспруденции, которое место после отрешения Штрубова, что ныне канцелярским советником, было порожже. Ломоносов по рекомендации г. Голдбаха и после одобрения в Профессорском собрании (кроме Миллера) представил оберавдитора Федоровича, который, кроме того что юриспруденции в университетах обучался, был через много лет в статской службе при Медицинской канцелярии и в Адмиралтействе и сверх других изрядно научился российскому языку и прав, почему он и принят его сиятельством. Тауберт и Миллер его и поныне ненавидят и гонят затем, что служит к учреждению Университета. Злоба ему оказана особливо в двух случаях. Научили его недоброхоты из старых студентов переводчика Поленова, который у Федоровича юридические лекции слушал, чтобы он просился за море для науки, объявляя, что у Федоровича ничего понять не может (сия была причина посылки двух студентов за море, а не ради учения). Сие Поленова доношение было так уважено, что, не требуя от Федоровича (от профессора и учителя) никакого изъяснения и оправдания, сделано канцелярское определение мимо Ломоносова в поношение Федоровичу и в удовольствие Поленову. А студент Лепехин послан с ним для виду. После того представлял Федорович оправдание свое в Собрании профессорском, которое опровергая Миллер не токмо ругал Федоровича бесчестными словами, но и взашей выбил из Конференции. Федорович просил о сатисфакции и оправдан профессорскими свидетельствами, однако дело еще не окончено. Инако поступил Миллер со студентом Иноходцевым, который, будучи поручен Румовскому для научения астрономии, потом подал в Канцелярию прошение, чтобы его от той науки уволить за недовольною способностию глаз, причем присовокупил, что от Румовского весьма редко слышит лекции. Посему призван сей студент перед Профессорское собрание, и жестокий учинен выговор, а доношение переписать ему велено.

§ 51

Университет и Гимназия почти с начала содержатся на наемных квартирах, на что уже издержано казны многие тысячи. Для того уже после нового учреждения сих департаментов представил Ломоносов, чтобы купить близ Академии находящийся дом Строгановых под Университет и Гимназию, и торг уже в том намерении за несколько лет продолжался, а особливо, что Троицкое подворье, где ныне Университет и Гимназия, весьма обветшало и сверх того тесно. Тауберт не казался быть тому противен до нынешней весны,

когда Ломоносов за слабостию ног через худую реку в распутицу не мог толь часто в Канцелярии присутствовать и притом упражнялся в делах по повелению от двора е. в. Тогда Тауберт, без ведома и согласия Ломоносова заготовя ордер, чтобы оный дом купить под типографские и другие дела, а Университет и Гимназию совсем выключил. Оный ордер в чаянии, что заготовлен с общего совета, подписан президентом, и производится уже в нем выстройка по Таубертовым намерениям и расположениям.

§ 52

Причины, кои он показал при покупке Строгановскаго двора под книжное дело, суть следующие: 1) для помещения магазейнов типографских и Книжной лавки, 2) для кунсткамерских служителей, 3) для типографских факторов и наборщиков, 4) для квартиры нововыписанному грыдоровальщику, 5) для Анатомического театра и для профессора анатомии, 6) для профессора астрономии, 7) для помещения рисовальных учеников, 8) для переносу кунсткамерских вещей из дому Демидовых, откуда-де высылают хозяева и просят в Сенате. Сии причины коль неосновательны, из сего видно: 1) что заняты под Типографию и Книжную лавку знатная часть старых академических палат и два целых каменных дома, в один выстроенные, Волкова и Лутковского, в коих многие покои под себя занял советник Тауберт и поместил людей, до Типографии ненадобных и совсем для Академии излишних; 2) кунсткамерские и библиотечные служители могут быть на наемных квартирах, как и другие академические; 3) грыдоровальщик также может жить на наемной квартире, как и прежде его Шмид и другие художники; 4) Анатомический театр должен быть не в жилом доме, но в одиноком месте, ибо кто будет охотно жить с мертвецами и сносить скверный запах? 5) паче же всего анатомику, а особливо с фамилиею, иметь при такой мерзости свою экономию? 6) и астроном не больше имеет права жить на казенной квартире, как другие, притом же и мертвецы не будут ему приятны, когда занадобится идти в ночь на Обсерваторию; 7) рисовальные ученики живут в готовых, нарочно на то построенных квартирах и другой не требуют, к тому же они и заведены сверх стату; 8) для кунсткамерских вещей искать новой квартиры стыдно г. Тауберту, затем что починка погоревших палат идет уже около двенадцати лет, и суммы изошло тридцать тысяч, а вещей еще и по сю пору не переносит. Изо всего сего очевидно явствует, что сия покупка учинена и дом оторван от Университета и Гимназии не из важных резонов, но ради утеснения наук и препятствования Ломоносову в распространении оных, чтобы его фабрика была в лучшем состоянии, нежели науки. Хотя ж покупка учинена из книжных доходов, однако оные все возросли из суммы, определенной на науки, с ущербом оных и по справедливости требуют сии повороту.

§ 53

Столько препятствий учинено Ломоносову в учреждении Университета и Гимназии; но не меньше еще в другом порученном ему Географическом департаменте. Прежде сего разделения имел профессор Миллер оное дело в своем смотрении около семи лет, где производились только копирования ландкарт оригинальных из архива и деланы карты почтовые, планы баталий и другие, сим подобные; а о главном деле, то есть о издании лучшего «Российского атласа» с поправлениями, нижé какого начала не положено. Ломоносов, вступив в оного департамента правление, неукоснительно предпринял сочинить новый «Российский атлас» несравненно полнее и исправнее. Для сего 1) по представлению его и старанием исходатайствована от Правительствующего Сената рассылка запросных географических тридцати пунктов, в Академии опробованных, на которые и ответов прислана уже большая часть; 2) оттуду ж получен указ для двух географических экспедиций, чтобы для сочинения нового исправного атласа определить знатных мест долготы и широты астрономическими наблюдениями, к чему указы с прочетом, прогоны и спомогательные деньги уже были назначены, а план путешествия оных обсерваторов и места наблюдаемые назначены Географическим департаментом и Собранием профессорским опробованы с каждого члена особливым письменным мнением; 3) из Камерколлегии требовано перечневое число душ из каждой деревни для знания разности их величины, чтобы в атласе не пропустить больших и не поставить бы малых и тем не потерять бы пропорции; 4) от Святейшего Синода требованы сведения о монастырях и церквах во всем государстве, поелику требуется для географии. И словом все в оном департаменте получило новое движение, и по новому сему расположению сочинено до десяти карт специальных, несравненно полнее и исправнее прежних.

§ 54

Советник Ломоносов представлял своим товарищам в Канцелярии о напечатании оных, но учинены тому великие сопротивления: 1) отговорки, что других дел много в Грыдоровальной палате, и отданная уже по канцелярскому приказу Санкт-Петербургской губернии карта для дела без ведома оного Ломоносова взята от грыдо[ро]вальщика, и велено ему другое делать. После, во время жестокой болезни Ломоносова, отданы сочиненные карты на рассмотрение в Профессорское собрание и, хотя все похвалены, однако по мнению профессора Миллера печатания не удостоены, якобы он приметил неисправности в наименованиях чухонских деревень, кои, однако, никакой важности не заключают. После того другой раз оные карты свидетельствованы и опробованы, однако уже времени между тем немало утрачено, и сочинение далее карт не может быть исправно без астрономических наблюдений, которые остановлены

также по зависти, против стараний Ломоносова. Остановлена посылка обсерваторов разными образы. По истребовании от Правительствующего Сената всех надобностей для помянутых экспедиций Тауберт представил, что оных отправить без позволения президентского не должно, против чего и прочие члены, не хотя спорить, писали от Канцелярии о том к его сиятельству на Украину, на что, однако, не воспоследовало никакого решения. Чаятельно, что Тауберт послал приватно спорное туда ж представление, как по всем его поступкам в рассуждении сего дела заключить можно. Лучший из числа назначенных обсерваторов, Курганов, который был истребован от Адмиралтейской коллегии для сей экспедиции в академическую службу, скучив ожиданием, отпросился в прежнюю команду. Красильников между тем стал старее и дряхлее. Румовский письменно отказался. Кроме сего, недоставало к оным экспедициям астрономических квадрантов: такая скудость астрономических инструментов на Обсерватории! Несмотря на то что от Сената получено после пожара на оные 6000 рублев, на кои куплен только большой квадрант за 180 р., а прочая сумма на мелочи истрачена. Оные квадранты советник Тауберт взялся из Англии выписать, да опять и отказался, хотя то нередко и приватным в угождение делает. А после обещался надворный советник Штелин, но и тот тянул весьма долго; а особливо, что оные квадранты лежали долго в пакгаузе и в Канцелярии, наконец, появились, тогда как паче ожидания получен от его сиятельства ордер, чтобы оные экспедиции приостановить, а Тауберту и Ломоносову сочинить проекты и представить ему снова. Ломоносов оное исполнил, а от Тауберта еще ничего не видно. И так сие дело без произвождений осталось.

§ 55

Когда Ломоносов от своей долговременной болезни несколько выздоровел и стал в 1763 году в Канцелярию для присутствия ездить, тогда объявил Тауберт ордер президентский, чтобы Географический департамент поручить Миллеру, якобы затем, что в оном департаменте происходят только споры и не издается ничего в свет нового. Примечания достойно, что оный ордер дан в августе 1762, когда Ломоносов был болен, а объявлен в генваре 1763 года, когда он стал в Канцелярии и в Конференции присутствовать и стараться о произвождении нового атласа. Причина видна, что Тауберт выпросил у президента такой ордер в запас, что ежели Ломоносов не умрет, то оный произвести, чтоб Миллер мог в географическом деле Ломоносову быть соперник; ежели ж умрет, то оный уничтожить, дабы Миллеру не дать случая себя рекомендовать географическими делами. Оба сии тогда друзья, когда надобно нападать на Ломоносова, в прочем крайние между собою неприятели. Оный ордер не произведен в действие, ибо Ломоносов протестовал, что 1) о Географическом департаменте донесено президенту ложно, 2) что оный ордер просрочен и силы своей больше не имеет.

§ 56

В прошлом 1763 году е. и. в. всемилостивейшая государыня, приняв от Ломоносова опробованный в Собрании план географических экспедиций (§ 53) и рассмотрев оный, благоизволила послать в Академию справиться, что о таком измерении России было ли когда рассуждение. На сие ответствовано мимо оного Ломоносова, чрез статского советника Тауберта от Миллера, якобы того предприятия не бывало при Академии, а об оном опробованном плане ничего не упомянуто, который был причиною сего всемилостивейшего вопроса.

§ 57

При случае явления Венеры в Солнце употребляя Тауберт Епиносово к себе усердие и зная его прихотливые и своенравные свойства, научил в обиду Красильникову и Курганову, старым обсерваторам (кои, конечно, в сей практике ему не уступают и за то почитаемы были от прежних здешних астрономов), дабы он требовал наблюдения чинить себе одному, их не допуская, на что оные просили в Правительствующем Сенате, и было им приказано наблюдать вместе с Епинусом. Однако он, несмотря на то повеление, ниже́ на прежде бывшие таковых и потом оказавшиеся самых Венериных обсерваций явные примеры, что могут быть и другие искусные обсерваторы вместе с главным, от дела отказался и оное испортил, ибо вскоре по его требованию Тауберт приказал, чтобы часовой мастер Бартело взял лучшие инструменты с Обсерватории, чем учинено Красильникову и Курганову великое препятствие из одного только упрямства и высокоумия Епинусова для отнятия чести у таких обсерваторов, а особливо у Красильникова, коего наблюдения, учиненные для измерения России от дальних Камчатских берегов до острова Дага в Европе, известны и одобрены от двух Делилей, славных и искусных астрономов, и от профессора астрономии Гришева. А советника Епинуса тогда не было и нет еще и поныне таких наблюдений астрономических, кои бы ученый свет удостоил отменного внимания. Сие самолюбие и от того происшедшее помешательство не токмо наукам препятственно, но и нарекательно, ибо злоба Таубертова и Епинусова до того достигла, что они, бегаючи по знатным домам и в дом государский, ложными представлениями или лучше буйными криками заглушали оправдания самой неповинности перед высочайшими особами.

§ 58

Не довольно того, что внутрь домашних пределов произвели они такое беспокойство, но и во внешние земли оное простерли. Парижский астроном Пингре напечатал о санктпетербургских наблюдениях весьма поносительно, и видно, что он наущен от здешних

Красильникову и Курганову соперников, ибо, кроме других примет, в оном поношении присовокуплен к российским обсерваторам и профессор Браун, который не делал нарочных наблюдений Венеры для публики, но ради своего любопытства, и не издал здесь в печать. А что на Брауна уже не первый раз они нападают за его несклонность к их коварствам, то свидетельствует их поступок, когда он ртуть заморозил, ибо Миллер писал в Лейпциг именем Академии без ее ведома, якобы начало сего нового опыта произошло от профессора Цейгера и Епинуса, и Брауну якобы по случаю удалось, как петуху, сыскать жемчужное зерно.

§ 59

Напротив того, когда Румовский обещаниями и ласканиями Таубертовыми склонился к тому, чтобы помогать оному против Ломоносова и других своих одноземцев, хотя не имел удачи учинить наблюдения проходящей по Солнцу Венеры, как он в своем письме из Нерчинска к Ломоносову признается, однако по возвращении его в Санкт-Петербург выведено наблюдение, по другим примерам сноровленное, в чем Епинус много больше сделал, нежели сам Румовский, и сверх того требованы наставления от других астрономов вне России. Что же Румовской наущен на Ломоносова, то явствует заключение его оптических известий, читанное в публичном собрании, где некстати прилеплена теория о свете. Но Румовского в сей материи одобрение не важно и охуление не опасно, как от человека в физике не знающего.

§ 60

Выписанный еще при Гришове большой астрономический квадрант, который около десяти лет лежит без употребления, вздумал статский советник Тауберт с общего совета с советником Епинусом поднять на Обсерваторию, что удобному употреблению, практике и самим примерам в Европе противно. И для того статский советник Ломоносов и надворный советник, астрономии профессор Попов представляли, что оный квадрант на высокой башне поставлен быть не должен для шатости, ибо мелкие его разделения больше чувствуют переменные шатания высокого строения, нежели небольших квадрантов, от коих не требуется таких точностей. На все сие невзирая, намерение их исполнено, и поднят не токмо оный тяжелый квадрант, но и для его укрепления камень около тысячи пуд в бесполезную излишнюю тягость башне, в излишнюю беспрочную трату казны и в напрасную трату времени, которая и поныне продолжается купно с бесперерывными перепочинками, кои казне стоят многие тысячи, а пользы никакой по наукам нет, кроме тех, коим всегдашние подряды для поделок и переделок прибыль приносят.

§ 61

Для вспоможения в сочинениях профессору Миллеру принят в Академию адъюнктом титулярным некто иноземец Шлёцер, который показался Тауберту весьма удобным к употреблению в своих происках. И ради того приласкал его к себе, отвратив и отманив от Миллера, везде стал выхвалять и, видя его склонность к наглым поступкам, умыслил употреблять в нападках своих на Ломоносова, а чтобы его подкрепить, рекомендовал для обучения детей президентских. Первый прием на Ломоносова был, чтобы пресечь издание Ломоносова «Грамматики» на немецком языке: дал все способы Шлёцеру, чтобы он, обучаясь российскому языку по его «Грамматике», переворотил ее иным порядком и в свет издал, и для того всячески старался останавливать печатание оныя, а Шлёцерову ускорял печатать в новой Типографии скрытно, которой уже и напечатано много листов, исполненные смешными излишествами и грубыми погрешностями, как еще от недалеко знающего язык российский ожидать должно, купно с грубыми ругательствами. Сие печатание хотя российским ученым предосудительно, казне убыточно и помешательно печатанию полезнейших книг, однако Тауберт оное производил для помешательства или по малой мере для огорчения Ломоносову.

§ 62

По указу Правительствующего Сената переведены китайские и манжурские книги о состоянии тамошних народов переводчиками Россохиным и Леонтьевым на российский язык для государственной пользы, и велено их напечатать при Академии 1762 года в...* Оные книги, как дорогою ценою купленные и немалым иждивением и трудом переведенные и в Европе еще не известные, надобно было издать неукоснительно для чести Академии и чрез людей российских, однако Тауберт не обинулся отдать оному же Шлёцеру, чтобы сделал экстракт для напечатания, человеку чужестранному, быдьто бы своих столько смыслящих при Академии не было или в другой какой команде, человеку едва ли один год в России прожившему. Сие ж учинил Тауберт без общего ведома и согласия прочих членов и без позволения от Сената, самовластно. Однако ж, что сделано по сему Шлёцером, неизвестно. Может быть, сделан экстракт на немецком языке и сообщен в чужие государства.

§ 63

Мало показалось Тауберту и сего дела для Шлёцера, ибо он его выхваляет почти всемощным. Присоветовал сочинять ему и российскую историю, дал позволение брать российские манускрипты из Библиотеки, хранящиеся в особливой камере, которые бы по

* Многоточие — в подлиннике.

примерам других библиотек должно хранить особливо от иностранных. Оные книги Шлёцер не токмо употреблял на дому, но некоторые и списывал. Надеясь на все таковые подкрепления от Тауберта, подал в Профессорское собрание представление, что он хочет сочинять российскую историю и требует себе в употребление исторические сочинения Татищева и Ломоносова в крайней сего обиде, который, будучи природный россиянин, зная свой язык и деяния российские достаточно, упражнявшись в собирании и в сочинении российской истории около двенадцати лет, принужден терпеть таковые наглости от иноземца, который еще только учится российскому языку.

§ 64

В начале нынешнего лета требовал Шлёцер отпуску в отечество на три месяца и как заподлинно уверял, что он с профессором Цейгером вместе поедет. Сверх того и в «Геттингенских ученых ведомостях» напечатано, что Шлёцер там объявлен профессором. Наконец исканное для него здесь историческое профессорство всякими Таубертовыми мерами, не так, как о Козицком, Мотонисе и Протасове, и несмотря на то что есть два профессора истории — Миллер и Фишер, также и Ломоносов действительно пишет российскую историю, — не удалось. То скорый отъезд его из России был отнюдь не сумнителен. Между тем профессор Миллер неоднократно жаловался на Тауберта в Профессорском собрании, что он все историческое дело старается отдать Шлёцеру, вверил ему всю российскую библиотеку, так что Шлёцер выписывает и переписывает что хочет, на что писцов наймует, а одного-де и нарочно держит, о чем-де он не для чего другого так старается, как чтобы, выехав из России, не возвратиться, а изданием российских исторических известий там наживать себе похвалу и деньги. Ломоносов, ведая все прежнее и слыша Миллеровы основательные жалобы и представления и опасаясь, чтобы не воспоследовали такие ж неудовольствия, какие были прежде от иностранных из России выезжих, не мог для краткости времени, не терпящего ни малого умедления, и для отсутствия президентского и не должен был преминуть, чтобы о том для предосторожности не объявить Правительствующему Сенату, о чем ныне дело производится. Позволение от Тауберта Шлёцеру брать и переписывать российские неизданные манускрипты есть неоспоримо. Тауберт, как видно, хочет тем извиниться, что будь-то бы в сем позволении в переписке не было никакой важности, однако ему противное тому доказано будет.

ГЛАВА IV

Примечания и следствия

§ 65

Рассматривая все вышеписанное, которое доказывается живыми свидетельми, письменными документами, приватными и публичными, неоспоримо и обязательно удостоверен быть должен всяк, что Канцелярия академическая основана Шумахером для его властолюбия над учеными людьми и после для того утверждена по новому стату и регламенту к великому наукам утеснению, ибо 1) имел он в ней способ принуждать профессоров удержанием жалованья или приласкать прибавкою оного; 2) принятием и отрешением по своей воли, не рассуждая их знания и достоинств, но токмо смотря, кто ему больше благосклонен или надобен; 3) всевал между ними вражды, вооружая особливо молодших на старших и представляя их президентам беспокойными; 4) пресекал способы употреблять им в пользу свое знание всегдашною скудостию от удержки жалованья и недостатком нужных книг и инструментов, а деньги тратил по большой части по своим прихотям, стараясь завести при Академии разные фабрики и раздаривать казенные вещи в подарки, а особливо пользоваться для себя беспрестанными подрядами, покупками и выписыванием разных материалов из-за моря; 5) для того всячески старался препятствовать, чтобы не вошли в знатность ученые, а особливо природные россияне, о чем Шумахер так был старателен, что еще при жизни своей воспитал, обучил, усыновил подобного себе коварствами, но превосходящего наглостию Тауберта и Академическую канцелярию и Библиотеку отдал ему якобы в приданое за своею дочерью.

§ 66

Сие было причиною многих приватных утеснений, кои одне довольны уже возбудить негодование на канцелярские поступки, ибо не можно без досады и сожаления представить самых первых профессоров Германа, Бернулиев и других, во всей Европе славных, кои только великим именем Петровым подвиглись выехать в Россию для просвещения его народа, но, Шумахером вытеснены, отъехали, утирая слезы. Утеснение советника Нартова и, кроме многих других, нападки на Ломоносова, который Шумахеру и Тауберту есть сугубый камень претыкания, будучи человек, наукам преданный, с успехами и притом природный россиянин, ибо кроме того, что не допускали его до химической практики, хотели потом отнять химическую профессию и определить к переводам, препятствовали в издании сочинений, отняли построенную его рачением Химическую лабораторию и готовую квартеру, наущали на него разных профессоров, а особливо Епинуса, препятствовали в произ-

вождении его чрез посольство Епинуса с Цейгером и Кельрейтером, препятствовали в учреждении Университета, в отправлении географических экспедиций, в сочинении «Российского атласа» и в копировании государских персон по городам. Не упоминая, что Тауберт и ныне для причинения беспокойств Ломоносову употребляет Шлёцера, не обинулся он прошлого 1763 года, призвав в согласие Епинуса, Миллера и адъюнкта Географического департамента Трескота, сочинил скопом и заговором разные клеветы на оного и послал в Москву для конечного его опровержения, так что Ломоносов от крайней горести, будучи притом в тяжкой болезни, едва жив остался.

§ 67

Сие все производя, Шумахер и Тауберт не почитали ни во что нарекание, которое наносили президентам, от таких непорядков на них следующее неотменно. Правда, что Блументрост был с Шумахером одного духа, что ясно доказать можно его поступками при первом основании Академии, и Ломоносов, будучи участником при учреждении Московского университета, довольно приметил в нем нелюбия к российским ученым, когда Блументрост назначен куратором и приехал из Москвы в Санкт-Петербург: ибо он не хотел, чтобы Ломоносов был больше в советах о Университете, который и первую причину подал к основанию помянутого корпуса. После Блументроста бывшие Кейзерлинг и Корф, хотя и старались о исправлении наук, однако первый был на краткое время и не мог довольно всего осмотреть, а второй действительно старался о новом стате и о заведении российских студентов, однако больше, нежели надобно, полагался на Шумахера, который сколько об оных радел, явствует из вышеписанного. Наконец, нынешний президент, его сиятельство граф Кирила Григорьевич Разумовский, будучи от российского народу, мог бы много успеть, когда бы хотя немного побольше вникал в дела академические, но с самого уже начала вверился тотчас в Шумахера, а особливо, что тогдашний асессор Теплов был ему предводитель, а Шумахеру приятель. Главный способ получил Шумахер к своему самовластию утверждением канцелярского повелительства регламентом, особливо последним пунктом о полномощии президентском, ибо ведал Шумахер наперед, что когда без президента ничего нельзя будет в Академии сделать, а он будет во всем на него полагаться, то конечно он полномощие при себе удержит. Сей-то последний пункт главный есть повод худого академического состояния и нарекания нынешнему президенту. Сей-то пункт Шумахер, Теплов и Тауберт твердили беспрестанно, что честь президентскую наблюдать должно и против его желания и воли ничего не представлять и не делать, когда что наукам в прямую пользу делать было надобно. Но как президентская честь не в том состоит, что власть его велика, но в том, что ежели Академию содержит в цветущем состоянии, старается о новых приращениях ожидаемыя от ней пользы, так бы и сим поверенным должно было представлять, что к чести его служит в рассуждении общей пользы, а великая власть, употребленная в противное, приносит больше стыда и нарекания.

§ 68

Вышепоказанными вредными происками, утеснениями профессоров, шумами и спорами, а особливо посторонними, до наук не надлежащими делами коль много в сорок лет времени потеряно, то можно видеть из худых в науках успехов, из канцелярских журналов, которые наполнены типографскими, книгопродажными, грыдоровальными и другими ремесленными и торговыми делами, подрядами и покупками, а о ученых делах редко что найдется, хотя они через Канцелярию в действие происходить должны по реченному стату. Если бы хотя Университет и Гимназия были учреждены сначала, как ныне происходят, под особливым смотрением Ломоносова, где в четыре года произведены двадцать студентов, несмотря на чувствительные ему помешательства, то бы по сие время было бы их в производстве до двухсот человек и, чаятельно, еще бы многочисленнее, затем что за добрым смотрением дела должны происходить с приращением. А сие коль надобно в России, показывает великий недостаток природных докторов, аптекарей и лекарей, механиков, юристов, ученых, металлургов, садовников и других, коих уже много бы иметь можно в сорок лет от Академии, ежели бы она не была по большой части преобращена в фабрику, не были бы утеснены науки толь чувствительно и не токмо бы наставления не пресекались, как выше показано, но и власть бы монаршеская, которая явствует в регламентах Академическом и в Медицинском, употреблена была на поставление в градусы, чего сколько Тауберт не хотел, явствует выше из примера с Протасовым.

§ 69

Какое же из сего нарекание следует российскому народу, что по толь великому монаршескому щедролюбию, на толь великой сумме толь коснительно происходя ученые из российского народа! Иностранные, видя сие и не зная вышеобъявленного, приписывать должны его тупому и непонятному разуму или великой лености и нерадению. Каково читать и слышать истинным сынам отечества, когда иностранные в ведомостях и в сочинениях пишут о россиянах, тоде Петр Великий напрасно для своих людей о науках старался и ныне-де дочь его Елисавета без пользы употребляет на то ж великое иждивение. Что ж таковые рассуждения иностранных происходят иногда по зависти и наущению от здешних недоброхотов российским ученым, то свидетельствует посылка с худым намерением к Ейлеру сочинений Ломоносова и после того бессовестное их ругание в «Лейпцигских ученых сочинениях», несмотря что они уже

Академиею апробованы и в «Комментариях» были напечатаны, чего ведомостщики никогда бы не сделали из почтения к сему корпусу, когда бы отсюда не побуждены были. Однако ж Ломоносов опроверг оное публично довольными доводами. Какое же может быть усердие у россиян, учащихся в Академии, когда видят, что самый первый из них, уже через науки в отечестве и в Европе знаемость заслуживший и самим высочайшим особам не безызвестный, принужден беспрестанно обороняться от недоброжелательных происков и претерпевать нападения почти даже до самого конечного своего опровержения и истребления?

§ 70

Наконец, по таковым пристрастным и коварным поступкам не мог инако состоять Академический корпус, как в великом непорядке и в трате казны не на то, к чему она определена, но на оные разные издержки, до наук не надлежащие. От сего произошло, что хотя Академическое собрание и прочие до наук надлежащие люди при Академии никогда в комплете не бывали и надобности к ученым департаментам почти всегда недоставали, однако претерпевать должны были в выдаче жалованья скудость, что и ныне случается. Между тем в Академическое комиссарство с начала нового стата по 1759 год в остатке должно б было иметься в казне 65 701 р., а поныне, чаятельно, еще было иметься в казне 65 701 р., а поныне, чаятельно, еще много больше. Но сие все исходит на беспрестанные починки и перепочинки и на содержание излишних людей, ибо на выстройку погоревших палат, кроме двадцати трех тысяч, истребованных на то от Сената, употреблено академических близ трех тысяч рублев по 1759 год, за починку домов академических и наемных и за наем семнадцать тысяч в 8 лет, за выстройки каменной палатки под глобус полшесты тысяч рублев, а после того издержаны многие тысячи на разные перестройки и на покупки вещей наместо погоревших в кунсткамеру, не считая дарения книг, при Академии печатанных, коих нередко расходится даром близ ста экземпляров, немало в дорогих переплетах, не упоминая починки или лучше нового строения глобуса. Для всех сих каковы бывают подряды, можно усмотреть из представления о том Канцелярии академической от Ломоносова и из доношения в Сенат от секретаря Гурьева. Также и о всей экономии заключить из того можно, что Тауберт на своей от президента данной квартере, на Волкова доме, чинит постройки и переделки без ведома канцелярского. О состоянии Библиотеки и кунсткамеры не подаются в Канцелярию никогда никакие репорты, и словом нет о том почти с начала никаких ведомостей. Книжная лавка, а особливо же иностранная, производится без счетов, в Канцелярии видимых, и книгопродавец Прейссер, который был за двадцать лет под арестом по Нартовской комиссии, ныне умер безо всякого следствия и счету.

§ 71

Между тем науки претерпевают крайнее препятствие, производятся новые неудовольствия и нет к лучшему надежды, пока в науках такой человек действовать может, который за закон себе поставил Махиавелево учение, что все должно употреблять к своим выгодам, как бы то ни было вредно ближнему или и целому обществу. Едино упование состоит ныне по бозе во всемилостивейшей государыне нашей, которая от истинного любления к наукам и от усердия к пользе отечества, может быть, рассмотрит и отвратит сие несчастие. Ежели ж оного не воспоследует, то верить должно, что нет божеского благоволения, чтобы науки возросли и распространились в России.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ИДЕИ ПРОФЕССОРОВ МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Для осмысления взглядов Ломоносова на обучение и воспитание представляют несомненный интерес педагогические сочинения его ближайших учеников и последователей, в которых со всей очевидностью обнаруживается влияние Ломоносова. В их числе помещаемые в конце книги в качестве приложения труды профессоров Московского университета, как «Способ учения», отразивший опыт работы университетской гимназии, для которой Ломоносовым в свое время специально был разработан «Регламент...», «Слово о способах и путях, ведущих к просвещению» Х.А.Чеботарева. В них последовательно развивались ломоносовские идеи гуманистической педагогики в отношении к целям и задачам обучения, организации всей жизни общеобразовательной школы. В более завершенном виде они составили основу классической русской педагогики XIX века.

СПОСОБ УЧЕНИЯ

(печатается по русскому тексту издания 1771 г.)

Императорский Московский университет, во-первых, за предмет себе имея, чтоб основательным воспитанием юношества доставить государству членов, которые бы благосостоянию общества с пользою споспешествовали, за долг свой почел учителям при оном находящимся вкратце предложить правила, которым бы они во всех своих наставлениях следовали. Оной состоит в следующем:

1. Никто не имеющий воспитания сам, других воспитывать не может, и учитель, не показывающий собою примеров честности, добродетели, непорочности нравов и благоразумия, больше вреда нежели пользы приносит воспитываемым. Почему он обязан подавать учащимся пример во всех изрядных качествах и вообще во всем учении должен быть снисходителен и ласков.

2. И тако, как во всех других вещах, учением преподаваемых, так во-первых в языках, при показании начатков оных, имеет он поступать таким образом, чтоб, при самом начале обременяя память, не истребить в юношестве охоту к учению. В азбуке показав надлежаще чтение и письмо, должен он присоединить упражнение в употребительнейших вокабулах или единственных речениях, и в разговорах, особливо наблюдая притом правильное произношение. Для таковых упражнений с пользою употреблять может учитель сего класса напечатанные при Университете азбуки латинского, французского, немецкого, греческого и российского языков.

NB

Во многих своих статьях Ломоносов тщательным образом разрабатывает методику преподавания самых разных предметов: русского и иностранных языков, физики и химии, риторики и др. Продолжили эту линию его ученики и последователи. Но в отличие от многих рекомендаций Ломоносова эти методики использовать в современной школе нельзя, слишком разительно отличается нынешний школьник от ученика времен Ломоносова. Как правило, наш ученик интеллектуально развит, свободен, личностно относительно раскрепощен, он вырос в среде развитого цивилизованного общества.

Так, казалось бы, что нам до методик Ломоносова, построенных в основе своей на зубрежке? Нам, проповедующим и использующим методики обучения, способствующие творческому развитию, умению видеть альтернативные варианты, приводящие к широкой образованности?

Но и сегодня каждый учитель, чему бы и как бы он ни обучал, гласно или негласно, вслух или про себя пусть помнит, что он должен «поступать таким образом, чтоб при самом начале, обременяя память, не истребить в юношестве охоту к обучению».

3. По утверждении таким образом в первых начатках языков, приступит учитель к этимологии оных, причем наибольше имеет упражняться в примерах склонений и спряжений, которые должен по порядку предписывать на доске, или, если немного будет учеников, на бумаге, в то самое время склоняя и спрягая по оным многие слова и приказывая учащимся самим делать в том подражание.

Но дабы учащиеся сие точно разумели и употребление оного знали, то должен он на все примеры сентенциями и локуциями в то самое время сделанными и переведенными показать им, который есть на пример, и где в сем сочинении винительный падеж, когда оной употреблять должно и по какому вопросу? которое есть и где в сем изречении сослагательное наклонение и онаго настоящее время, единственное число, третие лице и когда оное употреблять должно? По показании довольно таким образом склонений и спряжений, и по затверждении их частым употреблением, тотчас к чтению и толкованию какого-нибудь легкого писателя приступить, и в сем упражнении следующему правилу последовать может.

a) Одну или две статьи из автора прочтет сам учитель, потом заставит оную же статью читать одного или двух из учащихся, прочим приказав прилежно слушать, дабы они чрез то привыкали к правильному произношению, а сам учитель имел бы случай поправлять погрешности.

b) Потом прочитанную статью сперва от слова до слова сам переведет учитель, а после одному или двоим из учащихся то же делать велит: таким образом они слова порознь узнают. А дабы они также из употребления в скорости узнали сходство и несходство природного своего языка с чужим, которому они учатся, то учительская

должность будет, наконец, сей от слова до слова учиненной перевод по идиотисмам и свойствам природного языка в то самое время исправить и совершить.

c) Переведенную статью должен учитель по всем частям речи и образцам, довольно уже затвержденным, разбирать по правилам этимологическим, приказывая притом правила грамматические к сему принадлежащие сыскивать и одному или другому из учеников ясным голосом читать; токмо притом, чтобы и прочие тож правило про себя читали. Таким образом не только правила этимологические сделаются им известны, но також и находящиеся притом дефиниции или определения, напр., имени существительного, прилагательного и пр. и они также изъятия с правилами из употребления узнавши частым чтением, повторением и упражнением, как бы играя в память себе вперят.

d) Изъясненную таким образом статью велит учащимся самим перевести на письме и речения порознь и в соединении между собою находящиеся, им еще не весьма известные, выписывать, и по частом повторении наизусть учить; что можно делать и с целыми периодами, особливо если оные в себе какое-нибудь нравоучительное наставление содержат.

e) Перевод, таким образом сделанный и поправленный, прикажет в тетрадь набело переписать, а в следующую потом лекцию оной же перевод велит, не смотря в автора и без приготовления перевесть на тот язык, с которого оной в прошедшую лекцию на свой язык переведен был. Таким образом учащиеся чрез употребление час от часу более входить будут в переводы и с своего языка на чужой. Потом уже может приступить и к следующим статьям автора, наблюдая везде сей же способ. К сему упражнению присовокупит еще легкие разговоры и сам сколько можно говорить будет с учащимися тем языком, которому они учатся. [...]

4. По надлежащем затверждении таким образом этимологических правил, приступит учитель к синтаксису и, показавши кратко правила оного примера, изъяснит по тому ж образцу сочиняемыми. Он должен читать предписанных авторов, и все в оных находящиеся речения рассматривать по правилам синтаксическим, а особливо по выведении им свойства каждого порознь и в соединении находящихся слов из самого начала оных, или из обыкновений и нравов народа, також из произведения и сложения их, и напоследок по истолковании несвойственности и причин оной, которые по большей части содержатся в сходстве собственного знаменования с несобственным, должен он стараться, дабы учащиеся употребление оных надлежащим образом разумели и понимали. Впрочем, имеет он все выше сего предписанные о чтении авторов наставления и здесь сколько можно наблюдать. Причем к сему упражнению присовокупит и то, что касается до переводов с своего языка на чужестранный, а особливо имеет точно исполнять свою должность в поправлении оных переводов. Если много будет иметь учащихся, то перевод одного из них поправит, написав его на доске и приказав ученикам, ежели могут, сыскивать в нем погрешности по правилам грамматическим, с приискиванием оных и с повторяемым всегда прочтением, и при том велит прочим ученикам переводы их поправить по сему исправлению и после набело в тетради вписывать. Упражнение в разговорах и употребление оных также и здесь продолжать будет, и должен говорить всегда тем языком, которому у него учатся, стараясь притом, чтоб и ученики тем же языком говорили. [...]

5. По сем следует стиль и красноречие, в преподавании которого учитель имеет по повторении всей грамматики, и по предложении наставлений Риторики и поэзии показывать точными правилами, в чем собственно состоит свойство красноречия того языка, и все сие утверждать избранными примерами. Должен читать авторов, с показанием везде изъясненных правил, и приказывая с образца их делать сочинения, например письма, краткие речи, подражания и пр.

Особливо должен он стараться, дабы учащиеся, по прочтении целых мест из авторов, и по изъяснении оных вышепоказанным образом, делали из них точными словами автора перечни, и сказанное автором сокращали; которые упражнения все легки будут, если сам учитель покажет собою, каким образом им в том трудиться и упражняться должно. Но и здесь учитель в поправлении ученических сочинений тоже употреблять должен, смотря по обстоятельству, старание, какое мы прежде сего иметь ему советовали. [...]

6. История подает наилучшие правила жизни, и есть как бы на все случаи оной приноровленная философия: чего ради учитель должен оную преподавать со тщанием и, хронологическим порядком представив так называемый синхронизм каждого периода в особливой таблице, которую в память учащимся вперить может частыми из разных мест вопросами, показывать причины перемен, сколько возраст детский позволяет, и прилежно внушать нравоучительные правила, произведенные из истории. При чем надлежит остерегаться, чтоб в сем случае не обременять излишно память учащихся; но паче стараться должно, дабы они истолкованные им и разными вопросами затверженные истории своими словами пересказывать могли. Но как истории правильно учить не можно без географии, то и об оной должен учитель стараться и сколько возможно в соединении показывать кратко новую географию с древнею и среднею, ко всякой империи и государству присовокупляя краткую оного историю, родословие государя и геральдику, предложив правила оной вкратце.

Ко всему оному можно присовокупить краткое введение в сферу. [...]

7. Понеже математические науки великую пользу приносят и рассуждение в нас возбуждают, распространяют и в совершенство приводят, то учение оных юношеству крайне нужно. Но если оные показывать в одних только решениях задач без доказательств, то сим не только не достигнешь предполагаемого в сем учении конца, но паче от оного удалишься. И так, учитель в преподавании оных,

начиная от простейших понятий, должен доходить до последующих таким образом, дабы учащиеся чрез частое повторение союз всех понятий затвердили, чтоб все предлагаемые доказательства разуметь могли. Впрочем, само собою ясно, что чистую математику должно прежде преподавать, нежели смешанную. [...]

Впрочем, по сему наставлению имеют также и домашние учители, и содержащие пенсионы поступать, дабы учащиеся у оных будучи наставляемы одинаким образом с гимназическими учениками, тем способнее могли быть экзаменованы, если их родителям заблагорассудится, на публичном экзамене каждого года в июне месяце бывающем.

Х.А.Чеботарев

СЛОВО О СПОСОБАХ И ПУТЯХ, ВЕДУЩИХ К ПРОСВЕЩЕНИЮ

...Под именем **учености**, или просвещения, которое древние греки называли мудростью, а римляне знанием, учением и наукою, разумею здесь совокупление всех частей человеческого познания о вещах в сем мире, утверждающегося на подлинных началах и служащего прославлению премудрого творца вселенной и к истинному нашему блаженству.

Приняв такое определение учености за справедливое, не предвидится ни малейшей нужды многими доводами доказывать изящность, надобность и пользу наук в обществе. Ибо ныне кому неизвестно, что свет учения разгоняет тьму грубого невежества и озаряет наш разум ясными лучами истины; истребляет предубеждения и укрощает развратные страсти; наставляет нас благочестию, мудрости, добродетели, честности и благоразумию: словом сказать, науки открывают нам путь к совершенному блаженству как временному, так и вечному; они ограждают безопасность общую и творят нам суд и правду; они хранят наше здравие и доставляют нам все потребности, способности и выгоды в жизни.

Уверены убо будучи о толикой пользе наук, не единым умозрением, или тем менее каким-либо пристрастием, но паче очевидными опытами, кто бы любящий себя и свое отечество не пожелал обогатить свой разум оными? Кто бы не пустился стремительно в тот путь, который ведет к горнему святилищу оных? Но чтоб с большею удобностию и без частных преткновений шествовать по стезе, ведущей нас к просвещению, за нужное считаю коснуться предварительно самих источников, из которых проистекли все знания науки и художества.

Нет ни малейшего сомнения в том, что первый источник человеческого познания составляют так называемые исторические понятия, то есть чувствования наши и опыты: ибо первобытные люди окружающие их и встречающиеся с ними вещи постигали сперва как телесными, так и душевными своими чувствами и случаем и

вниманием научались познавать природу вещей, их силы, действия и употребление.

После такового чувственного понятия вышел непосредственно другой источник человеческого познания, т. е. размышление, простое сперва или врожденное; а потом предводимое правилами разума, тогда особенно, когда нужды, выгоды, удивление, любопытство, предохранение себя от злости других, собственная своя и своего семейства безопасность и многоразличные другие причины возбудили в людях большее внимание к изысканию свойств, причин и действий вещей; от чего самого и произошли сперва разные рукоделия и ремесла, а потом художества и самые науки, как, например, земледелие, архитектура, арифметика, геометрия, астрономия, искусство мореплавания, врачебная наука и разные другие...

К... предыдущим... источникам присовокупить можно бы наставление и обучение изустное, или словесное, и письменное; но оное справедливее отнести должно к самим средствам, коими достигается просвещение.

Узнав таким образом источники человеческого познания, само собою оказывается то, что может препятствовать достижению оного. Именно ж, поколику многие вещи познаются чувствами и опытами, то учености и просвещению нашему, во-первых, более всего препятствует невежество в исторических познаниях и небрежение оных. Не менее того не допускают нас к просвещению презрение или злоупотребление размышления и многоразличные предубеждения, происходящие частию от излишнего уважения к другим или от собственной нашей нерассмотрительности; частию от неумеренной привязанности к старине или новизне; частию ж от суеверия... худых качеств и склонностей; и наконец, от порочной праздности, лености и излишней себя неги. А отсюда начало свое ведут все душевные недостатки и противоположенные учености пороки, как то самопроизвольное невежество, различные заблуждения, неосновательные познания вещей по одной только их поверхности, пустые и бесплодные умозрительства, неукротимые побуждения к распространению редких и неудобопонятных мнений, бесстыдное самохвальство, высокомерие, гнусное корыстолюбие, невежество, ученое похищение и бесчисленные другие пороки, которыми ученость угнетаема бывает часто и которые неоднократно подавали повод к осмеянию и к представлению ее в самом дурном виде.

Но все сии препятствия в пути к просвещению удобно отвращены быть могут, если мы примем надлежащий труд разобрать, во-первых, самих себя обстоятельнее; если потом ни на свои, ни на другие мнения, без предварительного надлежащего размышления, излишно полагаться не будем; если учения других и их доказательства испытывать будем по правилам здравого разума; если истребим в себе ненависть, зависть и всякое пристрастие; если, наконец, примечания других сравнивать будем с собственными своими опытами и с самого начала упражнения нашего в науках приобучим себя заблаговременно к здравому и порядочному о всем размышлению.

Узнав ибо обильные источники истинного учения и оградив себя предварительно показанными теперь предосторожностями, тем удобнее можем приступить к рассмотрению самых средств, которые облегчают толь многотрудный путь к учению, что и избрал я себе целью в настоящем моем рассуждении. Не ожидайте от меня чрезвычайных, неизвестных доселе или неслыханных предписаний в такой особенно материи, о которой многие писали толь доказательно, умно и правильно, что малое что к их рассуждениям присовокупить можно. Я намерен предложить здесь только главные средства, такие, в которых ученнейшие мои предшественники согласны и которые как общим, так и собственным моим опытом и посильным размышлением признаны за самые надежные и самые лучшие.

Основанием же всех способов, коими достигается истинное учение, полагать должно хорошее природное сложение души и тела, то есть чтоб здравая была душа во здравом теле. Ибо как основательного учения снискать и приобрести не можно без великого денноношного труда и бдения: то к безвредному понесению оных требуется соответствующее здоровое и крепкое сложение нашего тела. А как притом все поле учености обрабатывается душевными силами: то само собою явствует, что тот, кто посвящает себя во служители мудрости, одарен быть должен с природы не токмо охотою и особою влекущею некоею склонностию к наукам, но також должен иметь притом быстрое понятие и твердую память, соединенные с хорошим рассудком и живым воображением, и украшенные главными нравственными добродетелями, как то особливо любовию добра и истины и ревностным желанием споспешествовать благу всего рода человеческого вообще, и в особенности своего отечества. Таковые природные душевные свойства служат главным и твердым основанием и как бы краеугольным каменем, на котором заложенный храм учения зиждется внимательным размышлением, сопровождаемым неусыпным прилежанием, а украшается и совершается непрерывным и охотным упражнением в умножении своего познания.

Самонадежные ж дороги, ведущие нас к сему храму истинного учения, просвещения и мудрости, суть следующие:

I. Во-первых, хороший порядок учения, которого для всякого сложения и свойств хотя точно предписать не можно; однако ж вообще наблюдать должно: 1) Чтоб стараться не об одном токмо обогащении памяти, но також о изощрении рассудка; 2) Чтоб начинать свое учение с словесных и тех наук, которыми следующие объясняются; 3) Иметь прилежание и терпение и в ученых своих упражнениях всегда отличать полезное и нужное от бесполезного и любопытного, так как убегать всего постороннего и не принадлежащего к предызбранной цели своего учения; 4) Ничего не делать на удачу, сбивчиво, беспорядочно и скоро; но паче во всяком роде учения поступать осторожно, со вниманием; и не прежде простираться далее к чему-либо последующему, как тогда, когда о предыдущем получишь не токмо ясное, но и подробное понятие, а тем более не приниматься за другие какие науки, не окончав начатых

прежде; 5) Паче ж всего не обременять памяти беспорядочным многих вещей изучением вдруг; но беречь сил душевных, дабы оные неумеренным прилежанием и бдением не были расстроены и приведены в замешательство; к отвращению чего иметь должно надлежащее отдохновение, и довольное телодвижение с благопристойными притом забавами; чрез что как душевные, так и телесные силы возобновляются, оживляются и делаются способнейшими к упражнению в науках с вящим успехом.

Можно бы многое здесь еще присовокупить, касающееся до нужного порядка в учении, но тесные пределы настоящего моего рассуждения учинить того не позволяют. Желающие ж обстоятельнейшее иметь сведение о сей надобной и полезной материи, да благоволят прочесть сами одного или другого писателя из наставников о порядке учения, каковых очень много.

II. Второе средство к достижению учености состоит в хорошем наставлении и обучении. Научаемся ж мы частию от мертвых, т. е. чрез чтение книг, а частию от живых, т. е. учителей, домашних или в публичных училищах. Не вступаю я здесь в решение того, какое обучение лучше, домашнее ли или публичное? Ибо сие кратко и положительно объяснено быть не может. Оба рода учения имеют свои выгоды, свои преимущества и свои недостатки. А покажу токмо главные свойства, каких должен быть как домашний, так и публичный учитель, от которых обоих необходимо требуется: 1) Чтоб они были истинные и практические христиане... 2) Чтоб они в обхождении были не суровы, но ласковы и благосклонны; в наставлении терпеливы и прилежны; и не токмо ко всем, но особенно к учащимся у них искренни; 3) Чтоб сами знали основательно и совершенно искусны были в том, чему других учить принимаются; 4) Чтоб имели дар и способность преподаваемую ими науку толковать ясно и внятно; 5) Чтоб наконец твердое имели желание не только просвещать разум своих слушателей, но також исправлять их сердце. При всем же сем требуется от учащего, чтоб он при всех хороших своих дарованиях в учении наблюдал надлежащий порядок и имел бы ту предосторожность, чтоб разбирал силы учащихся, не обременял их памяти многим выучиванием наизусть и тем самым не угашал бы в них охоты к учению; равномерно не опускал бы из виду так называемых орудных или словесных наук, без которых, как без надежных посредственников, трудно и почти невозможно с одною грубою и сухою ученостию сделаться приятным в общежитии.

Счастливыми почитать должно тех, которые иметь будут у себя учителей и наставников, одаренных исчисленными теперь способностями. Впрочем, хотя есть примеры и таких людей, которые собственным своим прилежанием, без всякого наставника с немалым успехом упражнялися в науках и приобрели себе славу учености: однако ж таковой путь в учении нельзя почесть надежным, ибо в оном, яко не известном, без всякого предводителя легко заблуждаться можно; а сверх того имеет он еще ту неудобность, что достигшие им некоторых познаний редко могут без робости другим

предлагать то, что они сами знают; следовательно, к обучению других мало или совсем не способны.

III. Третий путь к достижению учености состоит в чтении книг с благоразумным порядком, в котором весьма полезно и необходимо нужно учащемуся наблюдать следующие правила:

1) Сделать сперва выбор книг по совету ли своего учителя или другого какого знающего, и оные не все смешанно читать и бегло, но одну после другой со всевозможным вниманием: ибо торопливое и беспорядочное чтение многих книг вместе разбивает и рассеивает наш разум больше, нежели наставляет и утверждает оный в познании истины.

2) Начинать должное чтение с сокращений наук и оные читать и повторять до тех пор, пока обстоятельно не узнаешь основания обширности и всего расположения той науки, в которой упражняться намерен.

3) Стараться должно сперва пройти краткую историю избранной тобою науки, то есть узнать, когда, кем и каким случаем изобретена та наука, какие она со временем имела приращения или упадки; кем приведена к настоящему совершенству и какие лучшие о ней писатели.

4) Уразумев и затвердив хорошо сокращение какой-либо науки, приступать должно к чтению других книг об оной; однако ж не многих, а отборных и самых лучших, таких особенно, в которых пространнее объясняется и дополняется то, что в сокращении опущено или предложено в оном недостаточно.

5) Но прежде нежели начнешь читать какую книгу, из оглавления и предисловия оной узнать должно наперед мысли, намерение, расположение и порядок писателя.

6) В выборе книг полагаться должно на советы учителей и на рассуждение лучших ученых журналов, из которых предварительно с пользою узнать можно содержание и внутреннюю доброту книги.

7) Однако ж в мнении других, по нерадению своему, оставаться не должно; но паче в чтении самому рассматривать должно, разбирать и поверять мнения писателей.

8) Наконец найденные в чтении достопамятнейшие места должно замечать и для вспомоществования памяти выписывать; особливо из книг редких, також и из других хороших, если они не собственные наши. Но за такие выписки приниматься уже не в начале чтения: ибо иначе для начинающего все покажется новым и редким; следовательно, все его чтение пременилось бы в переписку книг печатных.

Сверх исчисленных способов, служащих к просвещению, т. е. сверх хорошего порядка в учении, сверх изустного наставления в оном и сверх благоразумного чтения лучших и полезнейших книг, к приумножению знания нашего весьма много способствуют.

IV. Обхождение и дружба с учеными, от которых из разговоров их, советов и переписки с ними, так как и из библиотек их, любящий учение весьма многое знать может. Причем и знакомство с лучшими художниками, как то с живописцами, скульпторами, с

лепными мастерами, резчиками, механиками, часовых и золотых дел мастерами и другими ремесленниками служит к распространению нашего знания: ибо все сии художники в механических своих рукоделиях и произведениях многое лучше разумеют, нежели ученые самохвалы, которые далее школьной пустой терминологии (названия художественных слов) в художествах и ремеслах ничего не знают.

V. Наконец к способам просвещения причислить также должно ученые путешествия по тем землям, в которых науки процветают. Что такие путешествия весьма полезны, доказывают нам бесчисленные примеры не только в новейшие, но и в древние времена, как то Пифагор, Геродот, Павзаний и многие другие своим примером показали, что они чрез путешествие в Египет и восточные области увеличили и привели свои познания в большее совершенство. Но как сие средство к дальнейшему просвещению употреблять могут только те, которых счастие наградило достаточным к тому имением, то и не можно его почесть общим и таким, которое бы всякий по своему произволению мог производить в действие.

Ко всем вышесказанным путям к достижению учености и просвещения присовокупить еще можно.

VI. Ученые состязания или так называемые диспуты, яко такие способы, посредством которых не токмо испытываются силы разума, но також объясняется истина во всех делаемых против ее возражениях. Но таковые состязания считать должно самым последним средством, служащим не столько к достижению учености, сколько к показанию другим оной уже приобретенной. Почему и должно их употреблять не прежде, как по совершении академических учений, а не в продолжении, тем менее в начале оных: ибо как может спорить или опровергать какие-либо положения в науке тот, кто еще не знает основания и связи их между собою.

NB ***Ну вот! И опять сомкнулись прошлое и настоящее. Язык другой, а содержание — ну просто сегодняшнее! И даже проблемы, которые так остро обсуждаются сейчас нами, во времена Ломоносова были уже четко обозначены.***

Состояние нравственного и физического здоровья личности учащегося, проблемы учения и воспитания, мечта о путешествиях и встречах с учеными...

Другие времена, другие нравы. Но и сегодня отправляем мы группы гимназистов в другие страны, принимая у себя школьников из-за рубежа, и сегодня работаем совместно со многими высшими учебными заведениями, стремясь полнее удовлетворить творческий поиск гимназистов. И пытаемся решать проблемы физического и нравственного здоровья своих воспитанников... Чем внимательнее читаешь том Антологии Ломоносова, чем больше задумываешься о нашей гимназической действительности, тем сильнее убеждаешься в том, что в своей деятельности мы, как ни странно, оказываемся ближе к эпохе Ломоносова, чем к XXI веку.

Читая и перечитывая труды Ломоносова и его учеников и последователей, убеждаешься в том, что мы живем в удивитель-

ное время и стоим на рубеже качественно новых методов обучения. К этому выводу нас приводят все углубляющиеся противоречия между возможностями современной школы и объемом стремительно разрастающейся информации, необходимой для формирования достойной личности XXI века.

Это противоречие не может быть устранено сегодняшними методиками, следовательно...

Следовательно, не исключено, что новая эра педагогики обучения уже скоро потеснит и советы Михаила Васильевича Ломоносова и его учеников, и наши современные методики, сделав этот интереснейший пласт педагогической мысли «днем вчерашним», сохранив, быть может, только его непреходящий гуманизм и энтузиазм неустанного поиска.

Разобрав таким образом, по мере сил моих, начало и источники учения и рассмотрев пути и способы к достижению оного: позвольте мне в конце моего слова коснуться только вопроса: кто именно должен упражняться в науках и кто к тому имеет преимущественнейшее пред другими право? Не нанеся обиды роду смертных, одаренному разумом, то есть способностию понимать вещи и рассуждать, хотя на сей вопрос, мне кажется, иначе ответствовать не можно, как то, что все люди вообще без различия пола.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Вот и прочитана последняя страница этого удивительного собрания статей и документов. Преобладает одно чувство — восхищение великим ученым — человеком, обладавшим столь огромным стремлением к познанию, что перед ним открылись сокровенные тайны природы.

С полным основанием мог он сказать: «Мне кажется, я слышу, что она (Россия) к сынам своим вещает, простирайте надежду и руки в мои недра и не мыслите, что искания ваши будут тщетны». Но не менее значимы для нас настойчивые искания великим гуманистом путей проникновения в самое сокровенное — в душу народа.

Мы преклоняемся сегодня перед дерзновенной идеей просвещения целого народа, выдвинутой и осуществленной великим ученым, ибо именно Ломоносов был мозгом и движущей силой создания Университета и Гимназии, именно он боролся за то, чтобы Академия была истинно русским учреждением.

Именно он выдвинул идею всеобщего образования, размышляя и убедительно доказывая, что не может быть порвана связь поколений, что никогда не была Россия такой невежественной, какой пытались ее представить некоторые иноземные доброхоты, и образование народа есть продолжение развития страны, ее становления великой мировой державой, высвобождение ее интеллектуального потенциала. Уверенность в этом многократно и в разной форме выражал Михаил Васильевич — вспомним хотя бы строки о «собственных Невтонах».

Непрерывное удивление сопровождает это чтение — удивление терпению, целеустремленности ученого, ведущего гигантскую исследовательскую работу и одновременно не устававшего доказывать, организовывать, информировать, просить,просить и вновь просить многих и многих разобраться в ситуации, обратить внимание принять решение, помочь деньгами (непрерывно всплывают эти унизительные финансовые затруднения), поддержать того или иного гимназиста или студента...

Поражаешься тому, как скрупулезно оговаривал этот удивительный человек все до мелочей, когда дело касалось обучения молодого человека, чему и как учить, как одевать, чем кормить, когда вставать...

И понимаешь, что все это во имя одной из самых гуманных задач: пробудить дремлющие способности великого народа и побудить их активно развиваться! Образовать! Научить! Открыть глаза на красоту мира, на притягательное очарование науки. «...науки открывают нам путь к совершенному блаженству, как временному, так и вечному» . Показать разницу между понимающим, что происходит в природе, и не понимающим этого — «ибо ныне кому не известно, что свет учения разгоняет тьму грубого невежества и озаряет наш разум ясными лучами истины...». Указать на неистощимое богатство недр земли русской! Восхитить космосом! Разве есть более гуманные задачи? И есть ли более гуманный педагог?

А как же «высечь», «наказать», «на хлеб и воду», «на колени»?

И снова Ломоносов побуждает думать, снова мысли о том, что и сегодня занимает всех: добро, оно какое? С кулаками или без? А ты должна бороться для гимназии за каждую копейку?

И снова решительная, бескомпромиссная позиция Ломоносова в этом вопросе: выучить каждого, поддержать способного, дать возможность созреть таланту, облегчить путь в науку достойному — вот главная цель жизни.

У нас другие обстоятельства, другие возможности, другие дети. Но цель все та же — раскрыть огромный потенциал каждого школьника, воспитать, образовать достойную личность.

КОММЕНТАРИИ

Научно-педагогическое наследие Ломоносова, его мысли о воспитании, обучении для его потомков интересны не только сами по себе. Педагог проявляется в образе жизни, творческой биографии, целостной личности, в ее влиянии на учеников. Не случайно в свое время В.Г.Белинский сказал о Ломоносове, что юноши с особенным вниманием и с особенной любовью должны изучать его жизнь, носить в душе своей его величественный образ. Поэтому в данную книгу избранных работ М.В.Ломоносова включены как собственно научно-педагогические его труды-регламенты Академической и Московской гимназий, фрагменты созданных им учебных книг по истории, русскому языку и др., так и документы, относящиеся к организации научной и учебной деятельности.

Тексты печатаются в хронологическом порядке по десятитомному собранию его сочинений, изданному в 1955—1959 гг. Академией наук СССР. Заголовки многих работ Ломоносова принадлежат редакторам академического издания.

Из-за ограниченного объема книги только немногие из его сочинений приводятся здесь полностью. Большинство же даются в сокращении или фрагментах, что оговорено примечаниями.

К стр. 19 **Показания о своем происхождении 4 сентября и после 4 сентября 1734 г.** ПСС. Т.10. С.321—323. Юноше Ломоносову дважды пришлось скрывать свое социальное происхождение. Первый раз при поступлении в Славяно-греко-латинскую (крестьянских детей в Академию не принимали) и второй раз из-за желания участвовать в экспедиции под руководством известного русского ученого-географа и обер-секретаря Сената И.К.Кирилова. И.К.Кирилову в экспедиции нужен был «ученый священник», и Ломоносов назвался поповичем, чтобы его произвели в духовный сан, после чего можно было бы отправиться в научную экспедицию.

За сокрытие своей сословной принадлежности Ломоносов не понес наказания благодаря заступничеству Феофана Прокоповича, увидевшего в юноше исключительные дарования.

К стр. 22 **Утреннее размышление о Божием Величестве**. Время написания 1743 г. ПСС. Т.8. С. 117—119.

Здесь и в других сочинениях Ломоносова слово Бог часто ассоциируется с понятиями «природа», «натура». Если Бог есть граница знаемого, то Ломоносов свой взор непрерывно устремлял за его пределы для «приращения» нового для человека знания. «Напрасно многие думают, что все, как мы видим, с начала творцом создано. Будто не только горы, долы и воды, но и разные роды минералов произошли вместе со всем светом и поэтому-де не надобно исследовать причин, для чего они внутренними свойствами и положением мест разнятся. Таковые рассуждения весьма вредны приращению всех наук... хотя оным умникам и легко быть философами, выучась наизусть три слова: «Бог так сотворил» — и сие дая в ответ вместо всех причин» (ПСС. Т.5. С. 574—575). В «Размышлении» содержится идея о наличии на поверхности солнца постоянных изменений состояния вещества.

К стр. 24 **Вечернее размышление о Божием Величестве**... Время написания 1743 г. ПСС. Т.8. С. 120—123.

Мечтая открыть причину северного сияния, Ломоносов вел систематические наблюдения за этим природным явлением. В «Размышлении...» высказана гипотеза об электрической природе северного сияния. Эта мысль развивалась Ломоносовым за несколько лет ранее сходной гипотезы Франклина, опубликованной в 1751 году. Десять лет спустя после ее написания ученый вспоминал: «Ода моя о северном сиянии сочинена 1743 года, а в 1747 году в «Риторике» напечатано, содержит мое давнишнее мнение, что северное сияние движением эфира произведено быть может» (см. ПСС. Т.3. С. 524).

К стр. 26 **Краткое руководство к красноречию**... Время написания 1744—1747 гг. ПСС. Т. 7. С. 89—378.

В 1743 г. работал над изданием «Краткого руководства к Риторике...» Но первый вариант «Риторики» был критически встречен большинством академиков-иностранцев. Однако Ломоносов продолжал разрабатывать данную тему, одним из результатов чего стало «Краткое руководство к красноречию...», опубликованное в 1748 г.

Предсказание академика Миллера о том, что «Руководство» Ломоносова не найдет своих читателей, не подтвердилось: уже при жизни ученого его «Руководство» переиздавалось не менее трех раз; оно стало для многих просвещенных соотечественников настольной книгой, в первые десятилетия XIX в. служило образцом для создания новых учебников красноречия.

К стр. 55 **Программа**. Время написания июнь 1746 г. ПСС. Т. 1. С. 531—536. 17 октября 1745 г. по указу Сената Ломоносову разрешалось читать лекции на «русском диалекте». В связи с этим ученый и подготовил программу чтения лекций, конечной целью которых была подготовка национальных ученых-физиков.

К стр. 58 **Слово о пользе химии** (в сокращении). ПСС. Т. 2. С. 344— 369.

Содержание этого произведения Ломоносова гораздо шире, чем можно судить по его названию. В сущности, это слово о пользе науки и образования. «Науки подают ясное о вещах понятие, приоткрывают потаенные действий и свойств причины; художества к приумножению человеческой пользы оные употребляют».

По словам поэта К.Н.Батюшкова, это «лучшее произведение Ломоносова во всех отношениях».

К стр. 72 **Репорт в Канцелярию Академии Наук**... (12 января 1753 г.). ПСС. Т.9. С.633—634. Одно из свидетельств постоянной заботы Ломоносова о подготовке отечественных ученых и просветителей.

Поповский Николай Никитич (1730 — 1760) — один из учеников Ломоносова, поэт, магистр и затем профессор Московского университета.

К стр. 73 **Репорт в Канцелярию Академии Наук**... (5 февраля 1753 г.). ПСС. Т.9. С.442—443.

Как и во многих других относящихся к педагогической деятельности Ломоносова учебных документах, здесь затрагиваются вопросы методов обучения и индивидуального подхода к учащимся.

Румовский Степан Яковлевич (1732 — 1812) стал впоследствии академиком, крупным ученым в области астрономии.

К стр. 74 **Письма И.И.Шувалову** (10 и 31 мая 1753 г.). ПСС. Т.10. С.478—483.

Шувалов Иван Иванович (1727 — 1797) — фаворит императрицы Елизаветы Петровны. В пору своего могущества оказывал значительную поддержку Ломоносову. «Высочайшей щедростью» Ломоносов называет указ императрицы от 15 марта 1753 г. о пожаловании ему земель и крестьян для создания мозаичной фабрики.

Спасскими школами называлась в то время Славяно-греко-латинская Академия в Москве.

Алтын — три копейки, а денежка — 0,5 копейки.

К стр. 76 **Слово о явлениях воздушных**... ПСС. Т.3. Обращаясь к образу Петра I, Ломоносов показывает значение наук в экономическом и социальном развитии страны. «Слово...» предназначалось для выступления в публичном собрании Академии 6 сентября 1753 г. Недоброжелатели русского ученого пытались дискредитировать идею Ломоносова об электрическом поле в атмосфере. Выступление было отменено в ранее назначенный день и состоялось только 26 ноября после настойчивых требований Ломоносова.

К стр. 80 **И.И.Шувалову** (июнь—июль 1754 г.). ПСС. Т. 10. С. 508—514.

Письмо характеризует Ломоносова как основателя Московского университета, ставившего задачи по развитию медицины, естествознания, правоведения, философии, русской грамматики, истории, задачи распространения знаний и подготовки научных и преподавательских кадров из числа «природных россиян». Основные идеи М.В.Ломоносова вошли в проект, представленный И.И.Шуваловым в Сенат.

К стр. 82 **Рассуждение об обязанностях журналистов**... (не позднее 22 августа 1754 г.). ПСС. Т.3.

Статья написана Ломоносовым на языке латинском, а напечатана по-французски в 1755 г. во французском журнале, с которой сделан

данный перевод. Нехарактерный для Ломоносова назидательный тон статьи был вызван необходимостью обороняться от недобросовестных оппонентов, искажавших мысли ученого, содержавшиеся в работах, которые задолго до их публикации Шумахер посылал на отзыв Леонарду Эйлеру. Последний, как известно, дал восторженный отзыв, предсказывая, что их напечатание принесет славу Академии и русской науке.

К стр. 88 **Проект Регламента московских гимназий**. Время написания январь — апрель 1755 г. Впервые опубликован в 1955 г. в 9-м томе Полного собрания сочинений М.В.Ломоносова, изданного АН СССР (с. 443—461). Ломоносов не только не сочувствовал раздельному обучению детей различных сословий, дворян и разночинцев, но и резко выступал против этого. Включение положения о раздельном обучении в «Регламент» было вынужденным, ибо несколько ранее был утвержден шуваловский проект об учреждении Московского университета, в котором (§ 28) вопрос о раздельном обучении, вопреки мнению М.В.Ломоносова, был решен положительно.

К стр. 102 **Всенижайшее мнение о исправлении Санкт-Петербургской Академии Наук**. Время написания январь—февраль 1755 г. ПСС. Т. 10. С. 11—24.

Содержание данного документа во многом совпадает с «Запиской о необходимости преобразования Академии наук. 1758 — 1759». В документе 1755 г. нет заключительной части, которой соответствует третий раздел «Записки» — «О исправлении Академии наук».

К стр. 110 **Российская грамматика (Посвящение)** (сентябрь 1755 г.). ПСС. Т.7. С.389—393. Это — первая научная грамматика русского языка. Она стала самой популярной из всех учебных пособий для изучающих русский язык. Благодаря исключительной одаренности автора, его беспримерной лингвистической эрудиции «Грамматика» явилась первым фундаментальным сводом правил изменения и сочетания слов. Она неоднократно переиздавалась, многие поколения русского народа обучались по ней грамотности. В своем труде Ломоносов показал роль языка в общем образовании и развитии человека, влияние языка на духовно-нравственное формирование человека.

К стр. 112 **Древняя российская история**... (вступление). ПСС. Т.6. С.169—172. Явилась выдающимся событием в русской историографии. По словам самого Ломоносова, он упражнялся «в собрании сочинений Российской истории около двенадцати лет». Первый том был готов в 1753 г. Ломоносов обращал внимание соотечественников, особенно юношества, к историческому прошлому русского народа ради понимания настоящего и предвидения будущего.

К стр. 115 **Определение Канцелярии АН о прибавке жалованья гимназисту И.Лепехину** (8 февраля, 1758 г.). ПСС. Т.9. С.475—476. Как и другие аналогичные документы, оно свидетельствует о пристальном внимании Ломоносова к успехам и затруднениям в обучении гимназистов. Иван Лепехин сын отставного солдата. При поступлении в гимназию его экзаменовал ее

инспектор С.П.Крашенинников, который просил канцелярию принять И.Лепехина в число казенно-коштных.

Впоследствии Иван Иванович Лепехин (1740 — 1802) стал ученым, путешественником, академиком.

К стр. 116 **Предисловие о пользе книг церковных в российском языке** (предположительно 1758 г.). ПСС. Т.7. С.585—592. По свидетельству ученых-филологов, Ломоносов в этой работе блистательно решал три взаимосвязанные проблемы: сочетание церковно-славянских и народных элементов в составе литературного языка; разграничение стилей; классификация литературных жанров.

Достоверность теории стилей и жанров Ломоносова подтверждалась и его собственной литературной деятельностью. О языке и стиле сочинений Ломоносова А.С.Пушкин сказал, что он «цветущий и живописный заемлет главное достоинство от глубокого знания книжного славенского языка и от счастливого слияния оного с языком простонародным».

К стр. 121 **Проект Регламента Академической гимназии**... Время написания март — май 1758 г. ПСС. Т.9. С.477—523.

В нем, как и в «Регламенте московских гимназий», наиболее полно и в систематическом виде представлены педагогические взгляды Ломоносова. Это — во многих отношениях уникальные документы истории общеобразовательной школы в России. Официального утверждения «Регламент» не получил, но был одобрен президентом Академии и вводился Ломоносовым в действие. Он еще более демократичен, чем «Регламент московских гимназий».

Многие положения ломоносовских школьных уставов сохраняют свое научно-педагогическое и практическое значение до нашего времени.

К стр. 146 **Проект речи в Академическом собрании о переустройстве Университета**. Время написания не позднее 11 января 1760 г. ПСС. Т. 9. С. 551—552.

Из данного проекта видно, что Университет существовал более в бумагах Канцелярии. Поэтому речь скорее шла о его создании, чем о переустройстве.

К стр. 148 **Письмо Г.Н.Теплову**. 3 января 1761 г. ПСС. Т.10. С. 547—554.

Одно из многих свидетельств того, сколько препятствий преодолевал Ломоносов в своем стремлении «к распространению наук в отечестве».

Теплов Григорий Николаевич (1711 — 1779) — сановник при дворе Елизаветы Петровны и Екатерины II, статс-секретарь Академии наук. Защищал дворянские привилегии и сословную систему воспитания.

К стр. 151 **О сохранении и размножении российского народа**. Время написания ноябрь 1761 г. ПСС. Т. 6. С. 381—403.

Впервые опубликованное в 1819 г., это сочинение вызвало резко отрицательное отношение к нему министра народного просвещения и

духовных дел А.Н.Голицина («распространение письма Ломоносова в публике должно быть воспрещено»). Министр усмотрел в нем суждения, оскорбляющие духовенство. Но цель Ломоносова заключалась в нахождении путей и способов к увеличению населения для хозяйственного и культурного развития страны.

К стр. 164 **Представление в Канцелярию АН об отправке некоторых студентов университета за границу** (июнь 1764 г.). ПСС. Т.9. С.595—597. Одно их многих свидетельств напряженной борьбы Ломоносова за выращивание «природных» ученых, которые служили бы бескорыстно Отечеству. Решение этой задачи освободило бы от необходимости выписывать из-за границы ученых, среди которых было немало бездарностей, а то и просто авантюристов.

К стр. 166 **Проект Регламента Академии Наук**. Время написания не ранее 10 сентября 1764 г. и не позднее марта 1768 г. ПСС. Т. 10. С. 138—160.

К стр. 183 **Краткая история о поведении Академической канцелярии**... Время написания не позднее 26 августа 1764 г. ПСС. Т. 10. С.267—316.

Это — уникальный исторический документ, написанный М.В.Ломоносовым от третьего лица. (Автор намеревался передать его Екатерине II через ее фаворита графа Г.Г.Орлова.) По невыясненным причинам при жизни ученого он оставался неизвестным императрице.

Без этого труда Ломоносова нельзя составить сколько-нибудь полного представления о педагогической деятельности ученого, его роли в организации учебно-воспитательного процесса гимназии, академической и московской, в создании Московского университета. В «Краткой истории...» представлены документальные свидетельства того, что в Академии с самого начала ее существования по происках придворной камарильи взяли верх иностранцы, для которых была более чем безразличной судьба русской науки и просвещения и с засилием которых Ломоносову суждено было вести борьбу до самых последних дней его жизни.

Если учесть условия, в которых проходила деятельность Ломоносова, то станет более понятным величие его научного и гражданского подвига.

Здесь воспроизводятся тексты двух последних (3 и 4) глав (§ 37—71). В них излагается история Академии с того момента, когда по распоряжению ее Президента Ломоносов был введен в академическую канцелярию.

Приложения

К стр. 202 **Способ учения**. В Московском университете с момента его основания велась интенсивная разработка педагогических, дидактических и методических проблем. Вместе с открытием университета на конференции профессоров было решено приступить к составлению «общего метода преподавания», который «должно ввести в гимназии». Вопросам методов обучения посвящались специальные собрания университетских уче-

ных. Одним из результатов разработки этих проблем было дидактическое пособие для учителей и преподавателей «Способ учения», впервые изданное в 1771 г. на русском, латинском, немецком и французском языках. Главные идеи «Способа учения» близки составленным М.В.Ломоносовым «Регламентам». Они развивались затем в многочисленных работах учеников и последователей М.В.Ломоносова — Н.Н.Поповского, Х.А.Чеботарева, других отечественных ученых и педагогов второй половины XVIII века, использовались при составлении учебников, руководств, методических указаний и рекомендаций учителям народных училищ.

Здесь помещен русский текст первого издания «Способа учения» с незначительными сокращениями: опущен перечень пособий, рекомендовавшихся учителями по отдельным предметам.

К стр. 206 **Слово о способах и путях, ведущих к просвещению**. Хрестоматия по истории школы и педагогики в России. М., 1986. С.66—70.

Харитон Андреевич Чеботарев (1745 — 1815) — профессор философии и словесности, инспектор учительской семинарии, затем ректор Московского университета. Один из авторов «Способа учения». Антология педагогической мысли России XVII в. М., 1985. С.367—371.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ 5

ПОКАЗАНИЯ О СВОЕМ ПРОИСХОЖДЕНИИ, ДАННОЕ ПРИ ДОПРОСЕ В СТАВЛЕННИЧЕСКОМ СТОЛЕ МОСКОВСКОЙ СИНОДАЛЬНОГО ПРАВЛЕНИЯ КАНЦЕЛЯРИИ 19

ПОКАЗАНИЕ О СВОЕМ ПРОИСХОЖДЕНИИ, ДАННОЕ ПРИ ДОПРОСЕ В МОСКОВСКОЙ СИНОДАЛЬНОГО ПРАВЛЕНИЯ КАНЦЕЛЯРИИ 20

УТРЕННЕЕ РАЗМЫШЛЕНИЕ О БОЖИЕМ ВЕЛИЧЕСТВЕ 22

ВЕЧЕРНЕЕ РАЗМЫШЛЕНИЕ О БОЖИЕМ ВЕЛИЧЕСТВЕ ПРИ СЛУЧАЕ ВЕЛИКОГО СЕВЕРНОГО СИЯНИЯ 24

КРАТКОЕ РУКОВОДСТВО К КРАСНОРЕЧИЮ 26

ПРОГРАММА 55

СЛОВО О ПОЛЬЗЕ ХИМИИ, В ПУБЛИЧНОМ СОБРАНИИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК СЕНТЯБРЯ 6 ДНЯ 1751 ГОДА ГОВОРЕННОЕ МИХАЙЛОМ ЛОМОНОСОВЫМ 58

РЕПОРТ В КАНЦЕЛЯРИЮ АКАДЕМИИ НАУК О ПОЭТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ Н.Н.ПОПОВСКОГО 72

РЕПОРТ В КАНЦЕЛЯРИЮ АКАДЕМИИ НАУК ОБ УСПЕХАХ СТУДЕНТОВ, ЗАНИМАВШИХСЯ ПОД РУКОВОДСТВОМ ЛОМОНОСОВА ПОЭЗИЕЙ И ХИМИЕЙ 73

И. И. ШУВАЛОВУ 74

И. И. ШУВАЛОВУ 75

СЛОВО О ЯВЛЕНИЯХ ВОЗДУШНЫХ, ОТ ЭЛЕКТРИЧЕСКОЙ СИЛЫ ПРОИСХОДЯЩИХ, ПРЕДЛОЖЕННОЕ ОТ МИХАЙЛА ЛОМОНОСОВА 76

И. И. ШУВАЛОВУ 80

РАССУЖДЕНИЕ ОБ ОБЯЗАННОСТЯХ ЖУРНАЛИСТОВ ПРИ ИЗЛОЖЕНИИ ИМИ СОЧИНЕНИЙ, ПРЕДНАЗНАЧЕННОЕ ДЛЯ ПОДДЕРЖАНИЯ СВОБОДЫ ФИЛОСОФИИ 82

ПРОЕКТ РЕГЛАМЕНТА МОСКОВСКИХ ГИМНАЗИЙ 88

ВСЕНИЖАЙШЕЕ МНЕНИЕ О ИСПРАВЛЕНИИ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК 102

РОССИЙСКАЯ ГРАММАТИКА 110

ДРЕВНЯЯ РОССИЙСКАЯ ИСТОРИЯ ОТ НАЧАЛА РОССИЙСКОГО НАРОДА ДО КОНЧИНЫ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ ЯРОСЛАВА ПЕРВОГО, ИЛИ ДО 1054 ГОДА 112

ОПРЕДЕЛЕНИЕ КАНЦЕЛЯРИИ АН О ПРИБАВКЕ ЖАЛОВАНЬЯ ГИМНАЗИСТУ И. ЛЕПЕХИНУ 115

ПРЕДИСЛОВИЕ О ПОЛЬЗЕ КНИГ ЦЕРКОВНЫХ В РОССИЙСКОМ ЯЗЫКЕ 116

ПРОЕКТ РЕГЛАМЕНТА АКАДЕМИЧЕСКОЙ ГИМНАЗИИ 121

ПРОЕКТ РЕЧИ В АКАДЕМИЧЕСКОМ СОБРАНИИ О ПЕРЕУСТРОЙСТВЕ УНИВЕРСИТЕТА 146

Г. Н. ТЕПЛОВУ 148

О СОХРАНЕНИИ И РАЗМНОЖЕНИИ РОССИЙСКОГО НАРОДА 151

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ В КАНЦЕЛЯРИЮ АКАДЕМИИ НАУК ОБ ОТПРАВКЕ НЕКОТОРЫХ СТУДЕНТОВ УНИВЕРСИТЕТА ЗА ГРАНИЦУ 164

ПРОЕКТ РЕГЛАМЕНТА АКАДЕМИИ НАУК 166

КРАТКАЯ ИСТОРИЯ О ПОВЕДЕНИИ АКАДЕМИЧЕСКОЙ КАНЦЕЛЯРИИ В РАССУЖДЕНИИ УЧЕНЫХ ЛЮДЕЙ И ДЕЛ С НАЧАЛА СЕГО КОРПУСА ДО НЫНЕШНЕГО ВРЕМЕНИ 183

ПРИЛОЖЕНИЯ

Педагогические идеи профессоров Московского университета

Способ учения 202

Х.А.Чеботарев. Слово о способах и путях, ведущих к просвещению 206

КОММЕНТАРИИ 214

АНТОЛОГИЯ ГУМАННОЙ ПЕДАГОГИКИ

М.В.ЛОМОНОСОВ

Составитель и автор вступительной статьи
Семен Филиппович Егоров

Первый читатель
Евгения Викторовна Кузнецова

Редакционно-издательская подготовка, оформление, макет и диапозитивы текста Издательского Дома Шалвы Амонашвили

Лицензия ЛР № 064218 от 18.08.95 г. Подписано к печати 20.02.96. Формат $60\times90^{1}/_{16}$. Усл. печ. л. 14. Гарнитура Таймс. Печать офсетная. Бумага офсетная. Тираж 20 000 экз. Заказ 5452.

Издательский Дом Шалвы Амонашвили.
103004, Россия, Москва, Козицкий пер., д. 1а, стр. 2.

Отпечатано с готовых диапозитивов на Смоленском полиграфическом комбинате Комитета Российской Федерации по печати.
214020, Смоленск, ул. Смольянинова, 1.

АНТОЛОГИЯ
ГУМАННОЙ
ПЕДАГОГИКИ

Сопричастие к судьбе и мыслям
Величайшего Гения России –
Михаила Ломоносова
– приближает к проникновению
в сокровенную тайну:
явления Ломоносовых в нашей
Земной жизни, учит беречь и
сохранять этот феномен.

Шалва Амонашвили